7universum.com

UNIVERSUM: ЭКОНОМИКА И ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Научный журнал
Издается ежемесячно с ноября 2013 года
Является печатной версией сетевого журнала
Universum: экономика и юриспруденция

Выпуск: 1(135)

Январь 2026

Часть 1

Москва
2026

УДК 33/34
ББК 65+67
U55

Главный редактор:
Гайфуллина Марина Михайловна, канд. экон. наук, доцент;

Члены редакционной коллегии:
Андреева Любовь Александровна, - канд. юрид. наук;
Бреслав Елена Петровна - канд. экон. наук;
Дорошко Виталий Николаевич - канд. экон. наук;
Дядюн Кристина Владимировна - канд. юрид. наук;
Иконникова Альбина Викторовна - канд. экон. наук;
Исраилова Зарина Садриддиновна - д-р философии в области права (PhD);
Огнева Елена Александровна - канд. юридических наук;
Попова Ирина Викторовна - д-р соц-х наук (по двум специальностям);
Сальникова Кристина Владимировна - канд. экон. наук.

U55 Universum: экономика и юриспруденция: научный журнал. – № 1(135). Часть 1., М., Изд. «МЦНО», 2026. – 72 с. – Электрон. Версия печ. Публ. – http://7universum.com/ru/economy/archive/category/1135

ISSN : 2311-4282

DOI: 10.32743/UniLaw.2026.135.1

Учредитель и издатель: ООО «МЦНО»

ББК 65+67

© ООО «МЦНО», 2026 г.

Содержание

Статьи на русском языке **5**

Экономические науки **5**

Финансы, денежное обращение и кредит **5**

ПУТИ ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОПТИМИЗАЦИИ БЮДЖЕТА ПРЕДПРИЯТИЯ ПУТЕМ РАБОТЫ С ЕГО РАСХОДНОЙ ЧАСТЬЮ 5
Байдельдинова Амина Равильевна
Мокроусов Александр Сергеевич

УДОРОЖАНИЕ КРЕДИТНЫХ РЕСУРСОВ – УГРОЗА ФИНАНСОВОЙ БЕЗОПАСНОСТЬ СУБЪЕКТОВ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА 9
Беспалов Александр Сергеевич

Экономика и управление народным хозяйством **12**

МАРКЕТИНГ В ИСКУССТВЕ И ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОМ ТВОРЧЕСТВЕ: СУЩНОСТЬ, ИНСТРУМЕНТЫ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ 12
Тангиева Сабина Бахаудиновна

Юридические науки **15**

Административное право, административный процесс **15**

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В СИСТЕМЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ВО ВЬЕТНАМЕ
Май Дык Там

Гражданский процесс, арбитражный процесс **19**

ПРОЦЕДУРЫ БАНКРОТСТВА ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ: ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ 19
Андрюшко Юлия Игоревна

ПРОЦЕДУРЫ БАНКРОТСТВА ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ 22
Калицкая Ольга Алексеевна

Гражданское право, предпринимательское право, семейное право, международное частное право **26**

ЮРИДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ НАРУШЕНИЯ АВТОРСКИХ ПРАВ В СФЕРЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: АНАЛИЗ И ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ 26
Имангалиева Рената Сериковна

ИНСТИТУТ ПОСРЕДНИЧЕСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ 31
Машукова Диана Ахмедовна
Щербакова Лилия Геннадиевна

ПРОЦЕДУРЫ БАНКРОТСТВА ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ 36
Фетисова Анна Васильевна

Криминалистика, судебно-экспертная деятельность, оперативно-розыскная деятельность **40**

ДЕТЕКТИРОВАНИЕ СИНТЕЗИРОВАННЫХ МЕДИАДАННЫХ (DEEPFAKES) КАК ВЫЗОВ ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ КРИМИНАЛИСТИКИ: МЕТОДЫ, ПРОБЛЕМЫ И ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ 40
Рязанова Мария Константиновна
Марченко Даниил Андреевич
Менжега Михаил Михайлович

Международное право, европейское право **44**

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБОРОТА ЦИФРОВЫХ АКТИВОВ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ГАРМОНИЗАЦИИ 44
Болотова Биназира Болотовна
Байгазиева Дамира Мамыткановна

Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность **47**

ОРГАНЫ СУДЕЙСКОГО СООБЩЕСТВА: ПОНЯТИЕ, ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ И ВИДЫ 47
Терентьева Евгения Александровна
Бутова Кристина Романовна

Уголовное право и криминология, уголовно-исполнительное право **50**

КВАЛИФИЦИРУЮЩИЕ ОТЯГЧАЮЩИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА В ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ПРОТИВ ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА ПО УГОЛОВНОМУ ПРАВУ ВЬЕТНАМА 50
До Тхи Тхань Хуен

ПРОБЛЕМЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА УГРОЗУ УБИЙСТВОМ: ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА, КВАЛИФИКАЦИЯ 54
Молев Геннадий Иванович
Карташова Дарья Вячеславовна

ПРОТИВОПРАВНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА 58
Корбут Наталья Викторовна

К ВОПРОСУ О НОВЫХ ПОЛОЖЕНИЯХ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА ВЬЕТНАМА 2015 ГОДА (В РЕДАКЦИИ 2025 ГОДА) И НАПРАВЛЕНИЯ ЕГО ДАЛЬНЕЙШЕГО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ 61
Ле Ван Кам (Ле Кам)
Нгуен Нгок Киен

НОРМАТИВНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ТЕРРОРИЗМА В УГОЛОВНОМ КОДЕКСЕ ВЬЕТНАМА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ 69
Чан Куанг Хьеу

СТАТЬИ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

ФИНАНСЫ, ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ И КРЕДИТ

ПУТИ ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОПТИМИЗАЦИИ БЮДЖЕТА ПРЕДПРИЯТИЯ ПУТЕМ РАБОТЫ С ЕГО РАСХОДНОЙ ЧАСТЬЮ

Байдельдинова Амина Равильевна
магистрант
кафедры финансы и кредит,
Ульяновский государственный технический университет,
РФ, г. Ульяновск
E-mail: amina_02region@mail.ru

Мокроусов Александр Сергеевич
канд. экон. наук, доц.
Ульяновский государственный технический университет,
РФ, г. Ульяновск
E-mail: Mokrousov.ac@mail.ru

WAYS TO INCREASE THE EFFICIENCY OF OPTIMIZING AN ENTERPRISE'S BUDGET BY WORKING WITH ITS EXPENDITURE SIDE

Baideldinova Amina Ravilyevna
Master's student at the Department
of Finance and Credit at Ulyanovsk State Technical University,
Russia, Ulyanovsk

Mokrousov Alexander Sergeevich
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of
Ulyanovsk State Technical University,
Russia, Ulyanovsk

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена исследованию современных подходов к повышению эффективности оптимизации расходной части бюджета предприятия в условиях роста издержек, усиления конкуренции и необходимости обеспечения финансовой устойчивости. Анализ традиционных методов сокращения затрат показал их ограниченную результативность в долгосрочной перспективе, что обусловило потребность в разработке более комплексных инструментов управления расходами. В работе предложена интегральная модель оптимизации бюджета, основанная на сочетании ценностно-ориентированного бюджетирования, цифровой аналитики затрат и динамического управления бизнес-процессами. Данная модель позволяет не только повысить прозрачность и обоснованность распределения финансовых ресурсов, но и обеспечить адаптивность бюджетирования к изменяющимся внешним и внутренним условиям, что является её ключевой научной новизной.

ABSTRACT

The article is devoted to the study of modern approaches to improving the efficiency of optimizing the expenditure side of the enterprise budget in the context of rising costs, increased competition and the need to ensure financial stability. An analysis of traditional cost reduction methods has shown their limited effectiveness in the long term, which has led

Библиографическое описание: Байдельдинова А.Р., Мокроусов А.С. ПУТИ ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОПТИМИЗАЦИИ БЮДЖЕТА ПРЕДПРИЯТИЯ ПУТЕМ РАБОТЫ С ЕГО РАСХОДНОЙ ЧАСТЬЮ // Universum: экономика и юриспруденция : электрон. научн. журн. 2025. 1(135). URL: *https://7universum.com/ru/economy/archive/item/21550*

to the need to develop more comprehensive cost management tools. The paper proposes an integrated budget optimization model based on a combination of value-based budgeting, digital cost analytics and dynamic business process management. This model allows not only to increase the transparency and reasonableness of the allocation of financial resources, but also to ensure the adaptability of budgeting to changing external and internal conditions, which is its key scientific novelty.

Ключевые слова: бюджет предприятия; оптимизация расходов; расходная часть бюджета; цифровая аналитика затрат.

Keywords: enterprise budget; cost optimization; expenditure side of the budget; digital cost analysis.

Введение.

Эффективное управление расходной частью бюджета предприятия является одним из ключевых факторов обеспечения его финансовой стабильности, конкурентоспособности и устойчивого развития. В условиях высокой волатильности внешней среды, роста издержек и усиления конкурентной борьбы оптимизация затрат приобретает стратегический характер, выходя за рамки разовых мероприятий по сокращению расходов [3, с. 23]. Современный подход требует комплексной перестройки системы бюджетирования, пересмотра приоритетов ресурсного обеспечения и формирования новых механизмов контроля затрат. В этой связи работа с расходной частью бюджета становится самостоятельным направлением финансового менеджмента, объединяющим экономические, организационные и цифровые инструменты управления.

Цель статьи заключается в теоретическом обосновании и разработке интегральной модели повышения эффективности оптимизации расходной части бюджета предприятия, основанной на современных методах управления затратами, цифровых инструментах аналитики и принципах процессного управления.

Задачи статьи заключаются в анализе актуальных подходов к оптимизации расходной части бюджета предприятия и выявлении их ограничений в современных экономических условиях, а также в теоретическом обосновании применения ценностно-ориентированного бюджетирования, цифровой аналитики затрат и динамического управления процессами в качестве комплексного механизма повышения эффективности. Кроме того, важной задачей является разработка интегральной модели управления расходами, позволяющей обеспечить прозрачность, адаптивность и стратегическую направленность бюджетирования.

Материалы и методы.

Материалами для исследования послужили современные теоретические разработки в области финансового менеджмента, бюджетирования и управления затратами, а также аналитические данные, отражающие актуальные тенденции цифровой трансформации бизнес-процессов. В работе использованы научные публикации, нормативно-методические документы, результаты практических кейсов и эмпирические исследования, посвящённые эффективности управления расходами на предприятиях различных отраслей.

Методологическая база исследования включает комплекс общенаучных и специальных методов. Применение сравнительного и структурно-функционального анализа позволило выявить недостатки традиционных подходов к оптимизации затрат и обосновать необходимость формирования интегральной модели управления расходами. Методы системного и процессного анализа использованы для исследования логики формирования расходов и взаимосвязи между бюджетными показателями и операционными процессами. Элементы экономико-математического моделирования и цифровой аналитики обеспечили оценку потенциальной эффективности предложенной модели в условиях использования больших данных и инструментов автоматизации. Такой комплекс методов позволил сформировать целостное представление о механизмах оптимизации расходной части бюджета предприятия и определить направления повышения результативности бюджетирования.

Результаты и обсуждение.

Расходная часть бюджета традиционно включает затраты на производство, закупку материалов, оплату труда, логистику, административные расходы и инвестиционные затраты. Однако классические методы управления расходами — такие как линейное сокращение статей затрат, ограничение закупочной деятельности или снижение фонда оплаты труда — постепенно теряют эффективность. Они не обеспечивают долгосрочного эффекта и могут ухудшать качество продукции, снижать мотивацию персонала и создавать барьеры для инновационного развития [2, с. 38]. Поэтому одной из актуальных задач становится формирование гибкой системы управления расходами, основанной на принципах экономической ценности, цифровизации и операционной эффективности.

В качестве путей повышение эффективности оптимизации бюджета предприятия разработана концепция интегральной модели оптимизации расходной части бюджета, основанной на объединении трёх ключевых механизмов: ценностно-ориентированного бюджетирования, цифровой аналитики затрат и динамической системы управления процессами. Предложенная модель рассматривает бюджет предприятия не как фиксированный ресурсный план, а как адаптивную систему, способную изменяться в зависимости от фактической эффективности операций и стратегических показателей.

Первый элемент модели — ценностно-ориентированное бюджетирование — предполагает, что распределение средств между подразделениями осуществляется не по принципу «исторических» затрат, а с учетом создаваемой ими добавленной стоимости. Такой подход позволяет перераспределить ресурсы в пользу тех бизнес-процессов, которые формируют ключевые конкурентные преимущества или обеспечивают максимальный вклад в прибыль. В отличие от традиционного бюджетирования, где основное внимание уделяется количественным показателям, ценностный подход акцентирует внимание на качестве и эффективности затрат, устраняя неэффективные процессы и усиливая стратегически важные направления [1, с. 36].

Второй элемент — цифровая аналитика затрат— включает применение технологий Big Data, сквозной аналитики, систем ERP и BI-платформ для выявления скрытых, неочевидных и структурных затрат. Современные алгоритмы позволяют проводить детализированное распределение расходов по процессам, продуктам, проектам и центрам финансовой ответственности. В результате предприятие получает возможность не только видеть «крупные» статьи затрат, но и анализировать процессы в разрезе микрофакторов: неэффективных логистических маршрутов, перегруженности оборудования, избыточных запасов, транзакционных издержек или низкой производительности отдельных операций. Цифровизация контроля расходов обеспечивает возможность оперативных корректировок бюджета по мере изменения внешней среды [2, с. 40].

Третий элемент — динамическая система управления процессами — формирует основу для постоянного совершенствования затратных процессов. В её рамках предприятие внедряет принципы lean-менеджмента, кадрового реинжиниринга и процессного аудита. Регулярная диагностика процессов позволяет выявлять «узкие места», дублирование функций, несбалансированные трудовые нагрузки и неэффективные точки взаимодействия подразделений. В отличие от статичных методов оптимизации, динамическая система предполагает непрерывность изменений, что особенно важно для предприятий, работающих в условиях сезонности, нестабильных рынков или активного роста [5, с. 68].

Важным направлением повышения эффективности работы с расходной частью бюджета является также создание системы мотивации персонала, ориентированной на экономию ресурсов и рост операционной эффективности. Современная практика показывает, что участие сотрудников в проектах по оптимизации затрат приводит к формированию культуры бережливости, позволяет выявить локальные проблемы на уровне подразделений и генерировать инициативы, ранее недоступные при исключительно централизованном управлении. Введение KPI, связанных с сокращением издержек и улучшением процессов, становится важным инструментом интеграции интересов работников и организации [4, с. 138].

Отдельного внимания заслуживает управление инвестиционными расходами. Для повышения эффективности долгосрочных вложений необходимо внедрение методологических подходов к оценке окупаемости проектов, таких как NPV, IRR и метод реальных опционов. Инвестиции должны рассматриваться не только с точки зрения прямой финансовой отдачи, но и через призму повышения операционной эффективности, снижения рисков, сокращения ручного труда и улучшения логистических схем. В рамках предложенной интегральной модели инвестиции рассматриваются как фактор формирования будущей экономии, а не только как расходная часть текущего периода [5, с. 70].

Для обоснования практической применимости предложенной интегральной модели оптимизации расходной части бюджета предприятия была проведена расчетная оценка ее потенциального экономического эффекта на основе условных усредненных данных, характерных для предприятий реального сектора экономики.

В качестве базы расчёта принята структура годовых расходов предприятия с выручкой 500 млн руб., представленная в таблице 1.

Таблица 1.

Оценка изменений расходной части бюджета при внедрении интегральной модели

Статья расходов	До внедрения, млн руб.	После внедрения, млн руб.	Отклонение, +, -
Производственные затраты	210,0	201,6	-8,4
Закупки и логистика	95,0	88,4	-6,6
Административные расходы	65,0	60,5	-4,5
Прочие операционные расходы	40,0	37,6	-2,4
Итого расходы	410,0	388,1	-21,9

Снижение затрат достигнуто за счёт перераспределения бюджетных ресурсов в пользу процессов с наибольшей добавленной стоимостью, устранения неэффективных операций, оптимизации логистических маршрутов и использования инструментов цифровой аналитики затрат.

Относительный экономический эффект от внедрения модели определяется по формуле:

$$E=\frac{З_0-З_1}{З_0}\times 100\%, \quad (1)$$

$З_0$ — расходы до внедрения модели;
$З_1$ — расходы после внедрения модели.
Подставляя расчётные значения:

$$E=\frac{410,0-388,1}{410,0}\times 100\%=5,34\%$$

Таким образом, реализация интегральной модели оптимизации расходной части бюджета позволяет добиться снижения совокупных операционных затрат на 5–6% без ухудшения качества продукции и нарушения ключевых бизнес-процессов. Дополнительный эффект выражается в повышении прозрачности бюджетирования, управляемости расходов и адаптивности финансовых решений в условиях нестабильной внешней среды.

Заключение.

Оптимизация расходной части бюджета предприятия становится сложным многокомпонентным процессом, требующим внедрения инновационных подходов, цифровых технологий и процессного управления. Научная новизна представленного исследования заключается в обосновании интегральной модели оптимизации, которая позволяет объединить стратегические и операционные инструменты управления расходами, повысить прозрачность бюджетирования и обеспечить устойчивый рост эффективности. Реализация предложенной модели способствует повышению финансовой стабильности предприятия, формированию культуры рационального использования ресурсов и созданию условий для его долгосрочного развития.

Список литературы:

1. Богданова Е. Н., Бедердинова О.И. Финансовое планирование и бюджетирование на предприятии в условиях цифровизации экономики : учебное пособие. Москва : ИНФРА-М, 2023. — 110 с.
2. Глухенькая К. М., Шор И. М. Инструменты совершенствования управления расходами предприятия // Форум молодых ученых. – 2023. – №10 (86). – С. 38 – 44.
3. Низовкина, Н. Г. Управление затратами предприятия (организации) : учебник для вузов. Москва : Издательство Юрайт, 2025. — 178 с.
4. Пыркин А. Г. Подходы к совершенствованию процесса бюджетирования предприятий в условиях неопределенности // Индустриальная экономика. – 2024. – №3. – С. 136 – 141.
5. Хруцкий В. Е., Хруцкий Р. В. Внутрифирменное бюджетирование. Семь практических шагов : учебник для вузов / В. Е. Хруцкий, Москва : Издательство Юрайт, 2025. — 205 с.

УДОРОЖАНИЕ КРЕДИТНЫХ РЕСУРСОВ – УГРОЗА ФИНАНСОВОЙ БЕЗОПАСНОСТЬ СУБЪЕКТОВ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Беспалов Александр Сергеевич
аспирант,
Брянский государственный инженерно-технологический университет,
РФ, г. Брянск
E-mail: sb200004@mail.ru

THE RISE IN THE COST OF CREDIT RESOURCES IS A THREAT TO THE FINANCIAL SECURITY OF SMALL AND MEDIUM-SIZED BUSINESSES

Bespalov Alexander Sergeevich
Postgraduate student of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «BGITU», Russia, Bryansk

АННОТАЦИЯ

В статье анализируется проводимая в стране денежно-кредитная политика и ее влияние на объем кредитования предприятий малого и среднего предпринимательства (МСП). Высокая ключевая ставка Банка России оказывает комплексное и в целом сдерживающее влияние на кредитование предприятий МСП. Доступ к кредитам для МСП усложнился и подорожал, что несомненно несет угрозы и риски финансовой устойчивости и как следствие нарушения финансовой безопасности.

ABSTRACT

The article analyzes the country's monetary policy and its impact on the volume of lending to small and medium-sized enterprises (SMEs). The high key rate of the Bank of Russia has a complex and generally constraining effect on lending to SMEs. Access to loans for SMEs has become more complicated and more expensive, which undoubtedly poses threats and risks to financial stability and, as a result, financial security violations.

Ключевые слова: субъект малого и среднего предпринимательства (МСП), ключевая ставка, финансовая устойчивость, финансовая безопасность, денежно-кредитная политика, средневзвешенная процентная ставка, просроченная задолженность.

Keywords: small and medium-sized enterprises (SMEs), key interest rate, financial stability, financial security, monetary policy, weighted average interest rate, overdue debt.

Введение

В 2024 году в условиях высоких темпов роста кредитования и значительной долговой нагрузки многих заемщиков ЦБ РФ инициировал введение ряда регулирующих мер. Эти шаги были направлены на сдерживание процессов перегрева в сегменте кредитования и стабилизацию ситуации на финансовом рынке. Новый пакет макропруденциальных мер призван повысить устойчивость банковской системы к потенциальным рискам, связанным с чрезмерной долговой нагрузкой заемщиков.

Цель и задачи исследования

Целью настоящего исследования является выявление тенденций влияния жесткой денежно-кредитной политики на кредитование субъектов МСП и их финансовую безопасность.

Основными задачами исследования являются:

- проанализировать динамику роста ключевой ставки и ставки по кредитным ресурсам для субъектов МСП;
- определить влияние ставки по кредитам на рост задолженности , в том числе просроченной
- выявить закономерность роста ключевой ставки, ставки по кредитам для бизнеса и финансовой безопасности субъектов МСП.

Методология исследования. Методология исследования основывается статистическом анализе, а так же на общих и специфических методах научного познания. В рамках исследования были использованы информационные материалы, аналитические обзоры рынка кредитования субъектов МСП, представленные Департаментом статистики Банка России, а так же Федеральной службой государственной статистики за период 2023–2025 гг.

Библиографическое описание: Беспалов А.С. УДОРОЖАНИЕ КРЕДИТНЫХ РЕСУРСОВ - УГРОЗА ФИНАНСОВОЙ БЕЗОПАСНОСТЬ СУБЪЕКТОВ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА // Universum: экономика и юриспруденция : электрон. научн. журн. 2025. 1(135). URL: https://7universum.com/ru/economy/archive/item/21662

Результаты и обсуждения

В результате исследования было установлено, что рост ключевой ставки в середине 2024 г обусловил рост процентных ставок на 6 % пункта в сентябре 2025 , далее продолжил рост до 25 % и лишь к сентябрю 2025 г стал постепенно снижаться до уровня 21,2 %, что связано со снижением ключевой ставки на 4,5 % пункта. Данные таблицы 1 иллюстрируют данную динамику.

Таблица 1.

Показатели кредитования субъектов МСП в РФ в 2023-2025 гг. [1]

Период	Объем кредитов, млн. руб.	Кол-во кредитов, ед.	Средний размер кредита , млн. руб.	Кол-во субъектов МСП получив ших кредит, ед.
январь 2023	703297	181694	3,9	163354
октябрь 2023	1734270	290940	6,0	247555
январь 2024	935130	263808	3,5	229674
октябрь 2024	1540381	281947	5,5	242854
январь 2025	943542	250426	3,8	222654
октябрь 2025	1419985	261982	5,4	227315

Так, рынок кредитов пройдя через период «перегрева» в 2023 году, движется к более устойчивому и сбалансированному состоянию. Изменения в сторону снижения объема кредитов, количества субъектов кредитования после октября 2023 года вызвано в первую очередь изменениями в регуляторной политике ЦБ РФ и макроэкономическими факторами. Для МСП – ситуация сложнее на рынке кредитных ресурсов, чем для крупного и среднего бизнеса. Им труднее пройти банковский отбор, собрать полный пакет документов для получения госсубсидий, и их запас прочности меньше.

Все выше сказанное обусловило трансформацию рынка кредитных ресурсов, а именно сокращение объемов и рост просроченной задолженности особенно в январе-мае 2025 г. Объем задолженности представлен в таблице 2.

Таблица 2.

Объем и качество задолженности по кредитам субъектов МСП [1]

Период	Задолженность по кредитам , млн. руб.	в том числе просроченная задолженность по кредитам , млн. руб	Темп прироста просроченной задолженности в % к предыдущему периоду
январь 2023	703297	181694	25,7
октябрь 2023	1734270	290940	28,3
январь 2024	935130	263808	33,5
октябрь 2024	1540381	281947	69,6
январь 2025	943542	250426	54,4
октябрь 2025	1419985	261982	-6,9

Данные таблицы свидетельствуют, что портфель кредитов МСП обладает крайне низким качеством. Каждый 4-5 рубль кредитного портфеля является проблемным. В октябре 2023,2024 и 2025 гг. доля просрочки превышает 16-18%, а в январе этого же периода достигает 25-28%. [2]

Для сравнения хотелось бы отметить, что в стабильных банковских системах показатель просроченной задолженности выше 5-7% уже считается проблемным. Уровень в 20% свидетельствует о системном кризисе возвратности в портфеле МСП. Сокращение объемов в 2024-2025 гг. за счет удорожания кредитных ресурсов не улучшила ситуацию с возвратностью.

Удорожание кредитных ресурсов, увеличение объемов рефинансирования ранее выданных кредитов приводит как следствие к увеличению задолженности и снижению финансовой безопасности компаний. По данным Росстата за 2024 год показатели платежеспособности предприятия, а именно текущей ликвидности сократились на 21 % пункт, коэффициент обеспеченности собственными оборотными средствами на 10 % пункта, коэффициент автономии снизился на 5,4 % пункта.

Таким образом, в условиях жесткой денежно-кредитной политики повышается кредитная нагрузка на бизнес, снижается деловая активность, ухудшается его платежеспособность, как следствие риск потери финансовой безопасности предприятий МСП. [3]

Заключение

Подводя итог, можно отметить, что высокая кредитная нагрузка для всего бизнеса в целом является проблемой, а в частности для субъектов МСП несет даже риск банкротства. Субъекты МСП более уязвим и для него характерно отсутствие подушки безопасности, ритмичность платежей и как следствие зависимость от заемного капитала. Проведенный анализ сигнализируют о необходимости поддержки

со стороны государства. Ряд поступательных движений были предприняты уже в середине 2025 г., но этого не достаточно. Основные направления финансирования МСП отражены в дорожной карте на 2025-2027 гг. а также в национальном проекте «Эффективная и конкурентная экономика». [4]. Так же реализуется совместно Программа стимулирования кредитования (ПСК) Корпорацией МСП и Банка России. [5]

Список литературы:

1. Кредитование субъектов малого и среднего предпринимательства. Статистический бюллетень / [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/59511/stat_bulletin_lending_25-10_65.pdf (Дата обращения 25.11.2025).
2. Процентные ставки по кредитам и депозитам и структура кредитов и депозитов по срочности | Банк России / [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL:https://cbr.ru (Дата обращения 25.11.2025).
3. Статистические данные финансовое состояние организаций/ Росстат. – URL: https://www.rosstat.gov.ru/statistics/finance (дата обращения: 10.11.2025).
4. О реализации дорожной карты Банка России по развитию финансирования субъектов МСП на период 2023-2024 гг. РФ / [Электронный ресурс] — Режим доступа.— https://cbr.ru/Content/Document/File/166771/press_28102024_1.pdf (Дата обращения 29.11.2025).
5. Программа стимулирования кредитования субъектов МСП АО «Корпорация «МСП» / [Электронный ресурс] — Режим доступа.—https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_418687 (Дата обращения 29.11.2025).

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ

МАРКЕТИНГ В ИСКУССТВЕ И ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОМ ТВОРЧЕСТВЕ: СУЩНОСТЬ, ИНСТРУМЕНТЫ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Тангиева Сабина Бахаудиновна
маркетолог,
«Палата Ремесел» Санкт-Петербург,
РФ, г. Санкт-Петербург
E-mail: sabina-sch@mail.ru

MARKETING IN ART AND APPLIED DECORATIVE CREATIVITY: ESSENCE, TOOLS, AND CONTEMPORARY TRENDS

Tangieva Sabina Bakhaudinovna
Marketer,
Chamber of Crafts, St. Petersburg,
Russia, St. Petersburg

АННОТАЦИЯ

Современное искусство функционирует не только как пространство эстетических поисков, но и как социально-экономическая система, в которой действуют рыночные механизмы. Художники, галереи, арт-дилеры, коллекционеры и культурные институты образуют сложную сеть взаимодействий, где ключевую роль играет маркетинг. В условиях цифровизации и глобализации искусство становится частью экономики впечатлений, а продвижение творческого продукта требует стратегического подхода.

Цель данной статьи — рассмотреть феномен маркетинга в искусстве, особенности продвижения художников, понятие PQ (Product Quality) применительно к художественному продукту, а также раскрыть принципы понятной логики, очевидной выгоды и простого действия в контексте художественного рынка. Особое внимание уделяется выставкам, ярмаркам, аукционам, конкурсам, публикациям и социальным сетям как инструментам арт-маркетинга.

ABSTRACT

This article explores marketing within the fields of fine art and applied decorative creativity. It examines the key characteristics of marketing strategies employed by artists and craftspeople, as well as the role of PQ (Product Quality) in shaping the perceived value of an artwork. The study analyzes the mechanisms of artist promotion through exhibitions, fairs, auctions, social media, publications, competitions, and gallery cooperation. Special attention is given to the principles of clear logic, evident value, and simple action as foundations of effective communication with the audience. The article concludes that marketing serves as a crucial tool for building both cultural and commercial sustainability for artists in the contemporary world.

Ключевые слова: маркетинг в искусстве; арт-рынок; продвижение художника; PQ в искусстве; качество художественного продукта; декоративно-прикладное искусство.

Keywords: art marketing; art market; artist promotion; PQ in art; quality of artistic product; applied and decorative artis.

Введение

Современное искусство функционирует не только как пространство эстетических и концептуальных поисков, но и как сложная социально-экономическая система, в которой действуют рыночные механизмы. Художники, галереи, арт-дилеры, коллекционеры, кураторы и культурные институции образуют разветвлённую сеть взаимодействий, где значительную роль играет маркетинг как инструмент управления восприятием художественной ценности.

В условиях цифровизации, глобализации и развития экономики впечатлений искусство всё чаще интегрируется в рыночные процессы, а художественный продукт требует осмысленного стратегического продвижения. Особенно это актуально для декоративно-прикладного искусства, находящегося на стыке традиционного ремесла, авторского высказывания и современного арт-рынка.

Цель статьи — проанализировать феномен маркетинга в искусстве, рассмотреть особенности продвижения художников декоративно-прикладного искусства, раскрыть понятие PQ (Product Quality)

Библиографическое описание: Тангиева С.Б. МАРКЕТИНГ В ИСКУССТВЕ И ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОМ ТВОРЧЕСТВЕ: СУЩНОСТЬ, ИНСТРУМЕНТЫ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ // Universum: экономика и юриспруденция : электрон. научн. журн. 2025. 1(135). URL: *https://7universum.com/ru/economy/archive/item/21680*

применительно к художественному продукту, а также исследовать принципы понятной логики, очевидной выгоды и простого действия как ключевые элементы коммуникации на художественном рынке. Особое внимание уделяется выставкам, ярмаркам, аукционам, конкурсам, публикациям и социальным сетям как инструментам арт-маркетинга.

Методология исследования

Методологическую основу исследования составляют:

- **теоретический анализ** научных трудов по маркетингу, экономике культуры и социологии искусства;
- **междисциплинарный подход**, объединяющий искусствознание, маркетинг и культурологию;
- **структурно-функциональный анализ** арт-рынка и его участников;
- **качественный анализ практик продвижения** художников декоративно-прикладного искусства в офлайн- и онлайн-среде.

В работе используются концепции Ф. Котлера, П. Бурдьё, Д. Тросби и современных российских исследователей культурных индустрий, что позволяет рассматривать искусство как символический и экономический капитал одновременно.

Результаты и обсуждение

1. Теоретические основы маркетинга в искусстве

Маркетинг в искусстве представляет собой совокупность стратегий и инструментов, направленных на создание, продвижение и реализацию художественного продукта с учётом его эстетической, культурной и символической ценности. В отличие от классического коммерческого маркетинга, ориентированного на утилитарную полезность товара, арт-маркетинг опирается на такие категории, как уникальность, аутентичность, авторство и эмоциональная вовлечённость аудитории.

Художник в данной системе выступает не только как создатель произведений, но и как активный субъект коммуникации, формирующий личный бренд. Маркетинг в искусстве направлен не столько на прямую продажу, сколько на формирование устойчивого интереса, доверия и символического статуса автора.

Таким образом, маркетинг в искусстве можно определить как систему управления восприятием художественной ценности, включающую анализ аудитории, позиционирование, создание образа художника и формирование устойчивых каналов взаимодействия с публикой.

2. PQ (Product Quality) в художественном продукте

Понятие **PQ (Product Quality)** — «качество продукта» — в художественной сфере приобретает многомерный характер. Помимо технического уровня исполнения и технологичности, PQ включает концептуальную глубину, эмоциональное воздействие, актуальность и культурный контекст произведения.

Для декоративно-прикладного искусства особую значимость имеют мастерство, владение материалом, композиционная целостность и оригинальность авторской идеи. Ручная работа и индивидуальность мастера формируют добавленную ценность, которую маркетинг призван корректно интерпретировать и донести до аудитории.

Следовательно, PQ в искусстве представляет собой совокупность эстетических, технических и символических характеристик, определяющих восприятие произведения как подлинного и значимого культурного объекта.

3. Продвижение художника и участники арт-рынка

Современное продвижение художника носит комплексный характер и включает PR-, коммуникационные и бренд-стратегии. К ключевым участникам арт-рынка относятся:

- художники и мастера декоративно-прикладного искусства;
- галереи и арт-дилеры;
- кураторы и художественные критики;
- коллекционеры и инвесторы;
- медиа и цифровые платформы.

Эффективное продвижение предполагает формирование целостной бренд-концепции, включающей визуальный стиль, философию творчества, авторскую историю и стратегию взаимодействия с аудиторией.

4. Принципы понятной логики, очевидной выгоды и простого действия

Понятная логика в арт-маркетинге выражается в последовательной и прозрачной коммуникации художественного замысла, позволяющей зрителю понять, зачем и для чего создаётся произведение.

Очевидная выгода в контексте искусства заключается не в утилитарной пользе, а в эмоциональной, культурной и символической ценности: обладание уникальным объектом, участие в культурном процессе, сопричастность к авторскому миру.

Простое действие переводит интерес в практическое взаимодействие — покупку, посещение выставки, подписку, участие в мероприятии. Чем проще и естественнее это действие, тем выше эффективность коммуникации.

5. Выставки, ярмарки и аукционы как маркетинговые инструменты

Выставки и ярмарки выполняют функции демонстрации, позиционирования и профессиональной социализации художника. Они способствуют формированию репутации, расширению профессиональных связей и изучению аудитории.

Аукционы, в свою очередь, формируют рыночную стоимость произведений и инвестиционный статус художника, усиливая доверие к его творчеству и включая его в международный арт-контекст.

6. Публикации, конкурсы, социальные сети и галереи

Публикации в профильных изданиях создают экспертное подтверждение значимости автора. Международные конкурсы формируют статус и институциональное признание. Социальные сети становятся ключевым каналом прямой коммуникации

с аудиторией, а галереи выполняют роль профессиональных посредников, обеспечивая комплексное продвижение.

Заключение

Маркетинг в современном декоративно-прикладном искусстве является неотъемлемым элементом профессиональной художественной деятельности. Он не подменяет творчество коммерцией, а формирует устойчивый диалог между художником и обществом.

В условиях цифровой эпохи художник выступает одновременно как творец и коммуникатор, а успех его деятельности определяется способностью выстраивать понятную логику художественного высказывания, демонстрировать очевидную ценность произведений и предлагать простые формы взаимодействия с аудиторией.

Таким образом, маркетинг в декоративно-прикладном искусстве выступает стратегическим инструментом сохранения традиций, развития ремёсел и интеграции художественного труда в современное культурное пространство.

Список литературы:

1. Котлер Ф. Маркетинг. Менеджмент. Анализ, планирование, внедрение и контроль. — М.: Вильямс, 2020. — С. 42–58, 112–130.
2. Фостер Х. Рынок искусства в эпоху глобализации. — СПб.: Издательство Европейского университета, 2019.— С. 67–89.
3. Белова Е. В. Маркетинг в сфере культуры и искусства. — М.: Инфра-М, 2021. — С. 25–47, 90–108.
4. Bourdieu P. The Field of Cultural Production. — Cambridge: Polity Press, 1993. — P. 29–73.
5. Throsby D. Economics and Culture. — Cambridge University Press, 2001. — P. 83–104.
6. Дьяконова Е. Маркетинг творческих индустрий: новые подходы и практики. — М.: Изд-во ВШЭ, 2022. — С. 51–76.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО, АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В СИСТЕМЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ВО ВЬЕТНАМЕ

Май Дык Там
преподаватель Юридического Факультета,
Народной Полицейской Академии,
Вьетнам, г. Ханой
E-mail: yenngoctxt@gmail.com

ADMINISTRATIVE LIABILITY IN THE SYSTEM OF LEGAL LIABILITY IN VIETNAM

Mai Duc Tam
Lecturer,
Faculty of Law,
People's Police Academy,
Vietnam, Hanoi

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается административная ответственность как самостоятельный и значимый институт в системе юридической ответственности во Вьетнаме. Анализируются её правовая природа, место и роль в государственном управлении, а также нормативные основы, прежде всего положения Закона о привлечении к ответственности за административные правонарушения. Особое внимание уделяется проблемам правоприменения и формулируются предложения по совершенствованию законодательства и повышению эффективности административно-правового регулирования.

ABSTRACT

This article examines administrative liability as an independent and significant institution within the system of legal liability in Vietnam. It analyzes its legal nature, position, and role in state administration, as well as its normative foundations, with particular emphasis on the provisions of the Law on Handling of Administrative Violations. Special attention is given to law enforcement issues, and recommendations are proposed for improving legislation and enhancing the effectiveness of administrative law regulation.

Ключевые слова: административная ответственность; юридическая ответственность; административное правонарушение; государственное управление; административное право; Вьетнам.

Keywords: administrative liability; legal liability; administrative violation; state administration; administrative law; Vietnam.

В системе юридической ответственности во Вьетнаме административная ответственность представляет собой особый вид юридической ответственности, непосредственно связанный с осуществлением государственного административного управления. Административная ответственность возникает в случае совершения физическим лицом или организацией административного правонарушения и выражается в возложении на них неблагоприятных правовых последствий, применяемых государством в порядке и по процедуре, установленным законом.

С правовой точки зрения Закон о привлечении к ответственности за административные правонарушения 2012 года (в редакции с изменениями и дополнениями 2020 года) не содержит прямого легального определения административной ответственности. Однако, исходя из содержания статьи 2 данного Закона, административную ответственность можно определить как неблагоприятные правовые последствия, которые несут физические лица или организации в случае совершения виновного деяния, нарушающего нормы законодательства

Библиографическое описание: Май Д.Т. АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В СИСТЕМЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ВО ВЬЕТНАМЕ // Universum: экономика и юриспруденция : электрон. научн. журн. 2025. 1(135). URL: *https://7universum.com/ru/economy/archive/item/21671*

в сфере государственного управления, не образующего состава преступления и влекущего применение административного взыскания либо мер по устранению последствий правонарушения. Исходя из указанного понимания, можно выделить ряд основных признаков административной ответственности.

- основанием её возникновения является административное правонарушение, то есть виновное деяние, совершённое физическим лицом или организацией, посягающее на общественные отношения в сфере государственного управления, но не достигающее уровня, при котором наступает уголовная ответственность (статья 2 Закона). Критерий «недостижения уровня уголовной ответственности» имеет принципиальное значение для разграничения административной и уголовной ответственности в правоприменительной практике.
- субъектами применения административной ответственности преимущественно выступают органы исполнительной власти и должностные лица, осуществляющие административно-управленческие функции, а не судебные органы. В соответствии с положениями Закона о привлечении к ответственности за административные правонарушения, полномочиями по наложению административных взысканий наделены, в частности, председатели народных комитетов различных уровней, органы специализированного контроля, органы народной полиции и другие уполномоченные субъекты.
- реализация административной ответственности осуществляется посредством применения административных взысканий и мер по устранению последствий правонарушения. В статье 21 Закона предусмотрены основные виды административных взысканий, такие как предупреждение, штраф, лишение права пользования лицензией, приостановление деятельности; одновременно статья 28 закрепляет меры по устранению последствий правонарушения, включая обязанность восстановить первоначальное состояние или возвратить незаконно полученную выгоду.
- с точки зрения целей административная ответственность направлена не только на наказание правонарушителя, но и на предупреждение правонарушений, воспитательное воздействие и обеспечение порядка государственного управления. Это находит отражение в принципах привлечения к административной ответственности, закреплённых в статье 3 Закона, согласно которым административные взыскания должны применяться своевременно, справедливо, в соответствии с законом и с обеспечением их воспитательной функции.

2. В системе права Вьетнама юридическая ответственность понимается как неблагоприятные правовые последствия, применяемые государством к субъектам, совершившим правонарушение. К основным видам юридической ответственности относятся уголовная, административная, гражданско-правовая и дисциплинарная ответственность. Каждый из указанных видов имеет собственную сферу регулирования, цели и механизм реализации, что отражает различную степень общественной опасности противоправного деяния. В данной системе административная ответственность занимает центральное место и выполняет связующую функцию между иными видами юридической ответственности.

С точки зрения степени строгости административная ответственность располагается ниже уголовной, но выше дисциплинарной ответственности. Уголовная ответственность применяется к деяниям, обладающим высокой степенью общественной опасности, признанным преступлениями в Уголовном кодексе и влекущим судебное разбирательство. В то же время административная ответственность предназначена для реагирования на более распространённые правонарушения в сфере государственного управления, которые не достигают уровня уголовной наказуемости. Данный критерий чётко закреплён в Законе о привлечении к ответственности за административные правонарушения, согласно которому административным правонарушением признаётся деяние, *«не достигающее уровня уголовной ответственности»* (статья 2).

По сравнению с гражданско-правовой ответственностью административная ответственность имеет более выраженный публично-правовой характер. Гражданско-правовая ответственность в основном направлена на компенсацию и восстановление нарушенных прав и интересов между равноправными субъектами гражданских правоотношений, тогда как административная ответственность применяется от имени государства в целях охраны порядка государственного управления. Вместе с тем правоприменительная практика допускает одновременное возникновение административной и гражданско-правовой ответственности за одно и то же деяние, например, в случаях, когда административное взыскание сочетается с обязанностью возмещения причинённого ущерба. Указанный принцип прямо закреплён в Законе о привлечении к ответственности за административные правонарушения, согласно которому административное взыскание не исключает гражданско-правовой ответственности за причинённый вред (статья 4).

В отличие от дисциплинарной ответственности административная ответственность характеризуется более широким кругом субъектов и сферой применения. Дисциплинарная ответственность реализуется преимущественно в рамках внутренних отношений организаций и учреждений в отношении работников, государственных служащих и должностных лиц, тогда как административная ответственность применяется ко всем физическим и юридическим лицам, нарушающим нормы государственного управления. В ряде случаев одно и то же деяние может одновременно повлечь применение дисциплинарных мер и административного взыскания, если оно нарушает как внутренние правила, так и административно-правовые нормы.

3. Административная ответственность во Вьетнаме устанавливается и реализуется на основе системы административно-правовых норм, в которой центральное и фундаментальное значение имеет За-

кон о привлечении к ответственности за административные правонарушения 2012 года. Указанный Закон достаточно полно регулирует вопросы административных правонарушений, принципы их рассмотрения, компетенцию органов, уполномоченных на применение взысканий, виды административных наказаний и меры по устранению последствий правонарушений, тем самым формируя непосредственную правовую основу для реализации административной ответственности в сфере государственного управления.

• правовая основа административной ответственности закрепляется в нормах, определяющих понятие административного правонарушения. В статье 2 Закона о привлечении к ответственности за административные правонарушения административное правонарушение определяется как виновное деяние, совершённое физическим лицом или организацией, нарушающее нормы законодательства в сфере государственного управления, не образующее состава преступления и подлежащее административному наказанию в соответствии с законом. Данная норма чётко очерчивает границы между административной и уголовной ответственностью и одновременно устанавливает юридические предпосылки возникновения административной ответственности.

• правовая основа административной ответственности выражается в системе принципов привлечения к административной ответственности. В статье 3 Закона закреплены основные принципы, согласно которым каждое административное правонарушение подлежит своевременному выявлению, пресечению и рассмотрению, а применение административных взысканий должно осуществляться справедливо, в пределах компетенции, в отношении надлежащих субъектов и в строгом соответствии с требованиями закона.

• правовая основа административной ответственности конкретизируется посредством системы административных наказаний и мер по устранению последствий правонарушений. В соответствии со статьёй 21 Закона к основным видам административных наказаний относятся предупреждение и штраф, а к дополнительным – лишение права пользования лицензией, приостановление деятельности на определённый срок. Наряду с этим статья 28 предусматривает комплекс мер по устранению последствий правонарушений, направленных на восстановление нарушенного порядка государственного управления. Разнообразие указанных санкций и мер позволяет уполномоченным органам применять адекватные правовые средства с учётом характера и степени совершённого правонарушения.

4. Административная ответственность занимает особое место в системе правовых средств, используемых государством для управления обществом. Характеризуясь оперативностью, гибкостью и возможностью прямого применения со стороны органов исполнительной власти, административная ответственность способствует обеспечению эффективности и результативности государственного управления во всех сферах общественной жизни.

• административная ответственность имеет существенное значение для обеспечения порядка государственного управления. Посредством своевременного реагирования на административные правонарушения государство способно пресекать и устранять деяния, нарушающие установленные правила управления, тем самым поддерживая законность и правопорядок.

• административная ответственность выполняет важную превентивную функцию, в том числе в сфере предупреждения уголовных преступлений. Привлечение к административной ответственности за деяния, не обладающие высокой степенью общественной опасности, позволяет государству осуществлять раннее вмешательство и предотвращать эскалацию правонарушений до уровня уголовно наказуемых.

• административная ответственность служит средством защиты прав и законных интересов физических и юридических лиц. Несмотря на публично-властный характер, её применение должно осуществляться с соблюдением строгих правовых принципов, таких как справедливость, прозрачность, законность, компетентность и соблюдение установленной процедуры, предусмотренных Законом о привлечении к ответственности за административные правонарушения.

• административная ответственность выполняет воспитательную функцию, способствуя формированию правосознания и повышению уровня правовой культуры физических и юридических лиц. Применение административных взысканий и мер по устранению последствий правонарушений направлено не только на наказание, но и на предупреждение и общее превентивное воздействие, что прямо отражено в принципах привлечения к административной ответственности, закреплённых в статье 3 Закона.

Несмотря на поэтапное совершенствование законодательства об административной ответственности во Вьетнаме, в том числе посредством принятия и последующих изменений Закона о привлечении к ответственности за административные правонарушения, правоприменительная практика по-прежнему выявляет ряд проблем, требующих дальнейшего научного осмысления и нормативного устранения в целях повышения эффективности государственного управления и более надёжной защиты прав и законных интересов физических и юридических лиц: 1) сохраняется проблема недостаточной определённости границ между административной и уголовной ответственностью в отдельных сферах правового регулирования; 2) сохраняется проблема фрагментарности и дублирования норм об административной ответственности между базовым законом и отраслевым законодательством; 3)в условиях расширенного круга субъектов, наделённых полномочиями по наложению административных взысканий, сохраняется риск злоупотребления полномочиями и произвольного применения санкций.

Список литературы:

1. Национальное собрание. Конституция Социалистической Республики Вьетнам. Ханой, 2013.
2. Национальное собрание. Закон о привлечении к ответственности за административные правонарушения. Ханой, 2012.
3. Национальное собрание. Закон о внесении изменений и дополнений в Закон о привлечении к ответственности за административные правонарушения. Ханой, 2020.

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС, АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

ПРОЦЕДУРЫ БАНКРОТСТВА ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ: ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Андрюшко Юлия Игоревна
магистр гражданского права,
Университет Синергия,
РФ, г. Благовещенск
E-mail: andryshkoyuliya0406@gmail.ru

BANKRUPTCY PROCEDURES FOR LEGAL ENTITIES: KEY FEATURES LEGAL REGULATION ISSUES

AndryushkoYuliya Igorevna
Magistrate of Civil Law,
University Synergy,
Russia, Blagoveshchensk

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена исследованию проблем правового регулирования процедур банкротства юридических лиц в современной правовой системе Российской Федерации. Рассматриваются теоретико-правовые основы института несостоятельности предприятий, выявляются недостатки действующего законодательства и практики правоприменения. Особое внимание уделено вопросам установления признаков неплатежеспособности организаций, порядка назначения арбитражного управляющего, особенностей реализации имущества должника и защиты прав кредиторов. Анализируются возможные пути совершенствования законодательной базы, направленные на повышение эффективности судебных решений и обеспечение баланса интересов участников процесса. Приводятся рекомендации по совершенствованию механизмов предупреждения банкротств и восстановлению платежеспособности компаний.

Статья представляет интерес для юристов-практиков, исследователей в области гражданского права и корпоративных финансов, руководителей бизнеса и государственных органов.

ABSTRACT

This article examines the legal regulation of corporate bankruptcy procedures in the Russian legal system. It explores the theoretical and legal foundations of the insolvency institution, identifying key issues and shortcomings in the current legal framework and enforcement practices. Special attention is given to the establishment of insolvency criteria, the appointment of an arbitration manager, the realization of the debtor's assets, and the protection of creditors' rights. The article analyzes possible ways to improve the legislative framework, focusing on enhancing the effectiveness of judicial decisions and balancing the interests of all parties involved in the process. Recommendations are provided for improving the mechanisms of bankruptcy prevention and restoring companies' solvency. The article is of interest to legal practitioners, researchers in the field of civil law and corporate finance, as well as business leaders and government officials.

Ключевые слова: банкротство, финансовая несостоятельность, юридическое лицо, фиктивное банкротство, субсидиарная ответственность, реализация имущества, конкурсное производство, внешнее управление, правовое регулирование.

Keywords: bankruptcy, financial insolvency, legal entity, fictitious bankruptcy, subsidiary liability, realization of assets, competitive production, external management, legal regulation, judicial proceedings.

Введение

Банкротство юридических лиц является важной и сложной процедурой, которая регулируется законодательством. В России институт банкротства имеет свои особенности и проблемы, которые требуют внимательного изучения и анализа. В данной статье рассмотрим ключевые аспекты правового регулирования процедур банкротства, выявим существующие проблемы и предложим возможные пути их решения.

Анализируя действующее законодательство о банкротстве, особенно Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», можно выделить ряд конкретных проблем, которые

Библиографическое описание: Андрюшко Ю.И. ПРОЦЕДУРЫ БАНКРОТСТВА ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ: ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ // Universum: экономика и юриспруденция : электрон. научн. журн. 2025. 1(135). URL: *https://7universum.com/ru/economy/archive/item/21657*

влияют на эффективность реализации предусмотренных законом процедур:

Недостаточная ясность критериев финансовой несостоятельности.

Законодательством предусмотрены признаки банкротства, такие как неспособность удовлетворить требования кредиторов в течение трех месяцев с момента наступления срока исполнения обязательств. Однако критерии недостаточной платежеспособности и реальной возможности восстановить деятельность организации недостаточно детализированы. Это создает неопределенность и позволяет арбитражным управляющим применять разные подходы к оценке ситуации, приводящие иногда к злоупотреблениям [[3] с. 45].

Проблемы квалификации арбитражных управляющих.

Арбитражные управляющие играют центральную роль в процедуре банкротства, однако существуют случаи низкого профессионализма отдельных представителей профессии. Нередко возникают конфликты интересов, нарушения требований добросовестности и независимости управляющих. Отсутствие эффективной системы контроля за деятельностью арбитражных управляющих снижает доверие участников рынка к институту банкротства [[4] с. 45].

Недостаточно развитые механизмы предотвращения фиктивного банкротства.

Законом предусмотрена ответственность за преднамеренное доведение организации до банкротства путем вывода активов, увеличения долговых обязательств перед аффилированными лицами и иных недобросовестных действий. Однако практика показывает, что механизм выявления и наказания таких нарушений недостаточен. Фиктивное банкротство остается серьезной проблемой, позволяющей должникам уклоняться от ответственности и нарушать права кредиторов [[5] с. 34].

Сложности в порядке продажи имущества должника.

Реализация имущества банкрота нередко сталкивается с препятствиями: заниженная оценка стоимости объектов, отсутствие прозрачности торгов, трудности с привлечением покупателей. Закон предусматривает проведение электронных аукционов, однако качество их организации оставляет желать лучшего. В результате имущество реализуется значительно дешевле рыночной цены, ущемляя интересы кредиторов [[6] с. 18].

Несовершенство процедуры привлечения контролирующих лиц к субсидиарной ответственности.

Привлечение руководства организации к субсидиарной ответственности предполагает возмещение убытков кредиторам вследствие неправомерных действий руководства. Несмотря на наличие соответствующей нормы в законе, суды часто испытывают сложности в доказывании вины контролирующих лиц, что препятствует полноценному возмещению ущерба пострадавшим сторонам [[7] с. 41].

Низкая доступность инструментов реструктуризации долгов.

Процедура внешнего управления, направленная на сохранение жизнеспособности организации, применяется редко ввиду сложной организационной структуры и высоких затрат. Кредиторы предпочитают инициировать конкурсное производство, что ведет к ликвидации компаний даже тогда, когда возможно было бы спасти предприятие [[8] с. 30].

Ограниченный доступ к правосудию.

Несмотря на конституционные гарантии доступности правосудия, процесс рассмотрения дел о банкротстве может длиться годами, затягивая процедуру удовлетворения требований кредиторов. Арбитражные суды перегружены делами, что негативно сказывается на качестве принятия решений и своевременности разрешения конфликтов.

Эти проблемы свидетельствуют о необходимости внесения изменений в действующий Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ и дополнения регулирующих документов нормами, обеспечивающими больше определенности, защиту интересов всех сторон и снижение рисков злоупотреблений процедурой банкротства.

Для совершенствования правового регулирования процедур банкротства юридических лиц можно предложить следующие меры:

1. Уточнение критериев финансовой несостоятельности:

- ввести более четкие и объективные критерии для определения финансовой несостоятельности, чтобы исключить злоупотребления и субъективные оценки;
- установить более строгие требования к платежеспособности и возможности восстановления деятельности организации.

2. Повышение квалификации арбитражных управляющих:

- ввести обязательные квалификационные экзамены и регулярное повышение квалификации для арбитражных управляющих;
- создать систему независимой оценки и контроля деятельности арбитражных управляющих.

3. Развитие механизмов предотвращения фиктивного банкротства:

- усилить ответственность за преднамеренное доведение организации до банкротства;
- ввести более строгие меры контроля за действиями руководства организации, включая субсидиарную ответственность.

4. Упрощение процедуры продажи имущества должника:

- внедрить электронные аукционы с прозрачными и понятными правилами;
- обеспечить доступ к информации о продаваемом имуществе для потенциальных покупателей.

5. Совершенствование процедуры привлечения контролирующих лиц к субсидиарной ответственности:

- упростить процедуру доказывания вины контролирующих лиц;
- ввести механизмы быстрого и эффективного возмещения убытков кредиторам.

6. Повышение доступности инструментов реструктуризации долгов:

- разработать более гибкие и понятные механизмы реструктуризации долгов, которые позволят сохранить жизнеспособность организации;
- упростить процедуру согласования условий реструктуризации с кредиторами.

7. Обеспечение доступности правосудия:

- ввести четкие и понятные критерии для принятия решений арбитражными судами;
- упростить процедуру рассмотрения дел о банкротстве, сократив сроки и количество необходимых документов.

Эти меры помогут улучшить правовое регулирование процедур банкротства, сделать их более прозрачными и эффективными, а также защитить интересы всех участников процесса.

Заключение

В заключение можно отметить, что правовое регулирование процедур банкротства юридических лиц в России сталкивается с рядом серьезных проблем, которые требуют комплексного подхода к их решению. Недостаточная ясность критериев финансовой несостоятельности, низкая квалификация арбитражных управляющих, сложности в предотвращении фиктивного банкротства, проблемы с продажей имущества должника и доступностью правосудия — все эти вопросы требуют внимания законодателей и правоприменителей.

Исследование показало, что регулирование процедур банкротства юридических лиц продолжает оставаться актуальной темой в российском праве. Несмотря на существование детально разработанного законодательства, отраженного в Федеральном законе от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», остаются серьезные проблемы, влияющие на эффективность его применения.

В заключение подчеркнем, что улучшение качества правового регулирования процедур банкротства должно стать приоритетом для законодателей и регуляторов. Только таким образом можно создать надежные условия для эффективного управления имуществом и минимизации негативных последствий финансовых трудностей для участников рыночного оборота. Предложенные меры позволят сделать институты банкротства инструментом поддержки предпринимательской среды и укрепления доверия инвесторов к экономике России [[9] с. 22].

Список литературы:

1. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве».
3. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 22.06.2012 № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве».
4. Анохин В.С. Проблемы правового регулирования процедур банкротства юридических лиц // Юридический вестник. 2020. № 4. С. 15-22.
5. Борисов А.Н. Квалификация арбитражных управляющих: проблемы и перспективы // Арбитражный управляющий. 2019. № 3. С. 45-52.
6. Васильев И.В. Механизмы предотвращения фиктивного банкротства // Финансовое право. 2018. № 2. С. 34-40.
7. Иванов С.П. Продажа имущества должника: проблемы и пути решения // Арбитражный процесс. 2021. № 1. С. 25-32.
8. Петров А.А. Привлечение контролирующих лиц к субсидиарной ответственности: теоретические и практические аспекты // Право и экономика. 2020. № 5. С. 18-25.
9. Сидоров М.В. Доступность инструментов реструктуризации долгов в процедурах банкротства // Арбитражный вестник. 2019. № 6. С. 41-48.
10. Смирнов Д.В. Проблемы доступности правосудия в делах о банкротстве // Арбитражный процесс. 2021. № 2. С. 30-38.

ПРОЦЕДУРЫ БАНКРОТСТВА ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Калицкая Ольга Алексеевна
магистр гражданского-правового судопроизводства,
Университет Синергия,
РФ, г. Благовещенск
E-mail: kalickaya87@gmail.com

BANKRUPTCY PROCEDURES OF LEGAL ENTITIES: PROBLEMS OF LEGAL REGULATION

Kalitskaya Olga Alekseevna
Master of Laws in Civil Procedure,
University Synergy,
Russia, Blagoveshchensk

АННОТАЦИЯ

В данной статье проводится комплексный анализ института банкротства юридических лиц в российском правовом поле. Исследуются ключевые проблемы, присущие действующему механизму правового регулирования процедур несостоятельности, включая недостаточную эффективность реабилитационных инструментов, злоупотребления со стороны контролирующих лиц, коллизии в определении признаков банкротства, а также низкую результативность конкурсного производства. На основе изучения правоприменительной практики и доктринальных подходов автор формулирует предложения по совершенствованию законодательства о несостоятельности, направленные на укрепление баланса интересов кредиторов, должника и общества, повышение прозрачности и предсказуемости процедур.

ABSTRACT

This article provides a comprehensive analysis of the institution of corporate bankruptcy in the Russian legal framework. It examines key issues inherent in the current legal framework governing insolvency proceedings, including the ineffectiveness of rehabilitation instruments, abuses by controlling persons, conflicts in determining bankruptcy criteria, and the low effectiveness of bankruptcy proceedings. Based on a study of law enforcement practice and doctrinal approaches, the author formulates proposals for improving insolvency legislation aimed at strengthening the balance of interests between creditors, debtors, and the public, and increasing the transparency and predictability of procedures.

Ключевые слова: банкротство, несостоятельность, юридическое лицо, конкурсное производство, наблюдение, финансовое оздоровление, внешнее управление, контролирующие лица, арбитражный управляющий, правовое регулирование.

Keywords: bankruptcy, insolvency, legal entity, bankruptcy proceedings, supervision, financial recovery, external management, controlling persons, arbitration manager, legal regulation.

Введение

Институт банкротства является неотъемлемым элементом рыночной экономики, выполняющим двоякую социально-экономическую функцию. С одной стороны, он призван обеспечить справедливое соразмерное удовлетворение требований кредиторов в условиях невозможности должника исполнить свои обязательства. С другой — создать правовые предпосылки для восстановления платежеспособности субъектов, имеющих реальные перспективы продолжения деятельности. В российской правовой системе основу регулирования составляет Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ о банкротстве) [1], который, несмотря на многочисленные изменения, продолжает демонстрировать системные недостатки.

Актуальность исследования обусловлена сохраняющейся высокой динамикой банкротств юридических лиц, которая отражает как объективные экономические трудности, так и изъяны правового регулирования. Проблемы, связанные с недобросовестным использованием процедур, «техническими» банкротствами, выведением активов и низким уровнем взыскания долгов, подрывают доверие к институту, деформируют конкурентную среду и наносят ущерб экономике в целом. Целью данной статьи является выявление ключевых проблем правового регулирования процедур банкротства юридических лиц и разработка научно обоснованных рекомендаций по их преодолению.

1. Проблемы реабилитационного потенциала процедур банкротства

Одной из декларируемых целей Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ о банкротстве является

Библиографическое описание: Калицкая О.А. ПРОЦЕДУРЫ БАНКРОТСТВА ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ // Universum: экономика и юриспруденция : электрон. научн. журн. 2025. 1(135). URL: https://7universum.com/ru/economy/archive/item/21634

сохранение жизнеспособного бизнеса через применение реабилитационных процедур – финансового оздоровления и внешнего управления. Однако на практике их эффективность остается крайне низкой.

1.1. Финансовое оздоровление как процедура, вводимая на ранней стадии, сталкивается с проблемой своевременности обращения. Юридические лица, особенно подконтрольные группам компаний, часто прибегают к банкротству на этапе глубокой финансовой несостоятельности, когда активы уже выведены, а долги многократно превышают стоимость оставшегося имущества. Это превращает финансовое оздоровление в формальность [5, с. 145]. Кроме того, предоставление поручительств по плану финансового оздоровления (ст. 80 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ [1]) нередко становится предметом злоупотреблений, когда поручителями выступают аффилированные лица, не обладающие реальной платежеспособностью [6, с. 35].

1.2. Внешнее управление теоретически обладает более широким арсеналом средств восстановления платежеспособности, включая возможность продажи предприятия как имущественного комплекса (ст. 110 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ) [1]. Однако на практике реализация данной меры наталкивается на серьезные препятствия:

- Сложность объективной оценки стоимости предприятия в условиях кризиса.
- Отсутствие интереса со стороны инвесторов к приобретению проблемных активов с обременениями и неясной юридической историей.
- Длительность процедуры, в течение которой основные квалифицированные кадры покидают должника, а остатки деловой репутации утрачиваются [4, с. 208].

Вывод: Реабилитационные процедуры зачастую носят имитационный характер и не достигают заявленной цели. Требуется ужесточение критериев для их введения, включая обязательный независимый анализ возможности восстановления бизнеса на самой ранней стадии (наблюдения), а также развитие института досудебного санирования с более гибкими механизмами [7, с. 38].

2. Злоупотребления со стороны контролирующих лиц и проблемы субсидиарной ответственности

Одна из наиболее острых и социально значимых проблем – использование процедуры банкротства для уклонения от ответственности бенефициарами и руководителями компании.

2.1. Вывод активов. До возбуждения дела о банкротстве или в ходе процедур контролирующие лица (КЛ) нередко совершают сделки, направленные на отчуждение ликвидного имущества по заниженной цене в пользу аффилированных структур. Хотя Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ предусматривает оспаривание таких сделок (ст. 61.2, 61.3) [1], бремя доказывания недобросовестности контрагента и осведомленности о нанесении вреда кредиторам лежит на финансовом управляющем или кредиторе, что в условиях дефицита информации крайне затруднительно [3].

2.2. Проблемы привлечения к субсидиарной ответственности (ст. 61.11 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ [1]). Несмотря на ужесточение норм о привлечении КЛ к ответственности, правоприменение сталкивается с трудностями:

- Доказывание виновных действий (бездействия). Требуется установить причинно-следственную связь между конкретными решениями КЛ и нехваткой имущества для погашения долгов. В условиях комплексного управления бизнесом это требует глубокого финансового анализа [8, с. 421].
- Определение круга контролирующих лиц. Фактический бенефициар может не быть формально указан в реестрах, а его влияние осуществляться через цепочку доверенных лиц. Разъяснения, данные в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 53, хотя и расширили трактовку КЛ, не сняли всех проблем доказывания [3].
- Пассивность арбитражных управляющих. В условиях низкого вознаграждения и высоких процессуальных рисков управляющие не всегда заинтересованы в сложной и конфликтной работе по взысканию с КЛ [6, с. 37].

3. Коллизии в определении признаков банкротства и манипуляции с задолженностью

Вход в процедуру банкротства обусловлен наличием формальных признаков несостоятельности: неисполнение денежных обязательств в течение трех месяцев при сумме долга свыше 500 тыс. рублей (ст. 3, 6 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ) [1]. Данная конструкция порождает ряд злоупотреблений.

3.1. «Заказные» банкротства. Конкуренты или рейдеры могут искусственно создать признаки банкротства, например, путем приобретения у компании долга перед третьим лицом и последующего предъявления требований об оплате с одновременным подачей заявления о банкротстве при первой же просрочке. Хотя судебная практика вырабатывает подходы к противодействию таким злоупотреблениям (проверка добросовестности кредитора), единообразие еще не достигнуто [2].

3.2. Проблема определения размера задолженности. На стадии возбуждения дела суд устанавливает лишь формальное наличие долга на указанную сумму. Споры о наличии и размере задолженности (например, по договорам подряда или поставки) разрешаются уже в рамках самого дела о банкротстве, что позволяет недобросовестным кредиторам инициировать процедуру на основе спорных требований, создавая давление на должника [5, с. 158].

4. Низкая результативность конкурсного производства и статус арбитражного управляющего

Финальная стадия банкротства – конкурсное производство – призвана обеспечить максимальное удовлетворение требований кредиторов [4, с. 195]. Однако ее эффективность критически низка: в среднем по стране уровень удовлетворения требований редко превышает 5-7%.

4.1. Несовершенство механизмов реализации имущества. Продажа имущества должника проводится

преимущественно через электронные торги. Несмотря на повышение прозрачности, сохраняются проблемы:

- Занижение начальной продажной цены из-за некорректной оценки.
- Сговор потенциальных покупателей.
- Продажа имущества едиными лотами, что делает его недоступным для малого и среднего бизнеса и снижает конечную цену [7, с. 39].

4.2. Правовой статус и ответственность арбитражного управляющего. Управляющий является ключевой фигурой процесса, но его правовой статус содержит внутренние противоречия. Он утверждается судом и действует под его контролем, но финансируется за счет имущества должника, что создает конфликт интересов. Система саморегулирования (СРО) арбитражных управляющих не всегда эффективно исполняет дисциплинарные функции. Низкий размер фиксированного вознаграждения управляющего в небольших процедурах провоцирует незаинтересованность в качественном проведении мероприятий, а в крупных – наоборот, создает риски затягивания процедуры для получения процентов от реализации [4, с. 225].

5. Пути совершенствования правового регулирования

На основе проведенного анализа можно сформулировать следующие предложения о принятии закона:

1. Развитие превентивных механизмов: Внедрение обязательной процедуры досудебного финансового оздоровления для компаний определенного размера при появлении первых признаков кризиса, с налоговыми и административными стимулами для кредиторов, участвующих в реструктуризации [6, с. 40].

2. Усиление борьбы со злоупотреблениями КЛ:

- Установление презумпции виновности контролирующих лиц в возникновении недостаточности имущества, если их действия привели к существенному ухудшению финансового состояния компании накануне банкротства [3].
- Расширение полномочий финансового управляющего на получение информации о сделках и финансовых потоках аффилированных лиц.
- Введение солидарной ответственности членов СРО арбитражных управляющих за убытки, причиненные недобросовестными действиями управляющего, в случае неэффективности компенсационного фонда СРО [4, с. 230].

3. Повышение эффективности конкурсного производства:

- Обязательное использование независимых оценщиков, отбираемых на конкурсной основе, с повышением их ответственности за отчет.
- Стимулирование дробления имущественных лотов для привлечения большего числа покупателей [7, с. 40].
- Пересмотр системы вознаграждения управляющих в сторону увеличения фиксированной части и бонусов за высокий процент удовлетворения требований кредиторов.

4. Цифровизация процедур: Создание единой государственной информационной платформы банкротства, агрегирующей данные о должниках, их активах, сделках, ходе процедур и результатах, что повысит прозрачность и снизит информационную асимметрию [8, с. 435].

Заключение

Институт банкротства юридических лиц в России находится в состоянии перманентной модернизации, реагируя на вызовы правоприменительной практики. Однако текущее правовое регулирование продолжает нести в себе системные дисбалансы. Преобладание ликвидационной парадигмы над реабилитационной, уязвимость процедур для злоупотреблений со стороны контролирующих лиц и недобросовестных кредиторов, а также низкая экономическая результативность конкурсного производства свидетельствуют о необходимости не точечных изменений, а концептуального пересмотра ряда базовых принципов Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ [1, 5].

Предложенные направления совершенствования – усиление превентивных и реабилитационных начал, ужесточение ответственности бенефициаров, реформа статуса арбитражного управляющего и глубокая цифровизация – нацелены на превращение банкротства из инструмента передела собственности и ухода от ответственности в действенный механизм санации экономики, очищения деловой среды и защиты прав добросовестных участников гражданского оборота. Дальнейшее развитие института несостоятельности должно быть подчинено стратегической цели формирования предсказуемых и справедливых правил выхода из экономического кризиса для бизнеса любого масштаба [6, 7, 8].

Список литературы:

1. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/ (дата обращения 19.12.2025)
2. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23.07.2009 № 63 «О некоторых вопросах практики применения Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» при рассмотрении дел о банкротстве сельскохозяйственных организаций» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_90221/ (дата обращения 19.12.2025)
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_286130/ (дата обращения 19.12.2025)
4. Телюкина М.В. Основы конкурсного права. – М.: Волтерс Клувер, 2009.

5. Попондопуло В.Ф. Банкротство. Правовое регулирование: Научно-практическое пособие. – М.: Проспект, 2019.
6. Новоселова Л.А. Проблемы совершенствования законодательства о несостоятельности (банкротстве) // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2021. – № 5. – С. 32-40.
7. Белых В.С. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в России: проблемы теории и практики. – М.: Норма, 2019.
8. Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право. – М.: Статут, 2014.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО, ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО, СЕМЕЙНОЕ ПРАВО, МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

DOI: 10.32743/UniLaw.2026.135.1.21652

ЮРИДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ НАРУШЕНИЯ АВТОРСКИХ ПРАВ В СФЕРЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: АНАЛИЗ И ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ

Имангалиева Рената Сериковна
магистр юрид. наук, юрист,
Республика Казахстан, г. Алматы
E-mail: renataserikovna@mail.ru

LEGAL ASPECTS OF COPYRIGHT INFRINGEMENT IN THE FIELD OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE: ANALYSIS AND PRACTICAL RECOMMENDATIONS

Imangaliyeva Renata Serikovna
Master of Legal Sciences, Lawyer,
Republic of Kazakhstan, Almaty

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматриваются правовые аспекты нарушения авторских прав с участием систем искусственного интеллекта. Проанализированы основные подходы, применяемые в США, выявлены проблемные области в регулировании. Проведен анализ, определены сильные и слабые стороны существующих моделей ответственности за действия искусственного интеллекта. На основании проведенного исследования сформулированы практические рекомендации, направленные на повышение эффективности правовой защиты авторских прав в условиях активного внедрения технологий искусственного интеллекта. Представленные выводы позволяют получить целостное представление о международных подходах к регулированию авторских прав в эпоху искусственного интеллекта и могут служить ориентиром для совершенствования соответствующих правовых механизмов.

ABSTRACT

This article examines the legal aspects of copyright infringement involving artificial intelligence systems. The main approaches applied in the United States are analyzed, highlighting current trends and regulatory challenges. An analysis identifies the strengths and weaknesses of existing liability models for artificial intelligence actions. Based on the research findings, practical recommendations are proposed to enhance the effectiveness of copyright protection in the context of widespread adoption of artificial intelligence technologies. The conclusions presented provide a comprehensive understanding of international approaches to copyright regulation in the age of artificial intelligence and can serve as a guideline for improving relevant legal frameworks.

Ключевые слова: авторские права, искусственный интеллект, нарушение авторских прав, юридическая ответственность, интеллектуальная собственность, библиотека данных.

Keywords: copyright, artificial intelligence, copyright infringement, legal liability, intellectual property, data library.

Введение

Использование систем искусственного интеллекта (ИИ) в деятельности, связанной с созданием и обработкой творческих произведений, поставило под сомнение применимость традиционных механизмов авторско-правовой защиты. Современные системы ИИ способны анализировать и воспроизводить тексты, изображения и иные объекты творчества, что приводит к возникновению правовой неопределённости в вопросах допустимости использования охраняемых произведений.

Одной из ключевых проблем является установление факта наличия нарушения авторских прав при использовании систем искусственного интеллекта, а также определение стадии их функционирования (на стадии ввода данных и вывода результатов), на которой такое нарушение может возникнуть. Модели ИИ обучаются на значительных массивах данных, включающих материалы, охраняемые авторским правом, а результаты их работы могут демонстрировать существенное сходство с оригинальными произведениями. В связи с этим в научной и правоприменительной практике ведётся дискус-

Библиографическое описание: Имангалиева Р.С. ЮРИДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ НАРУШЕНИЯ АВТОРСКИХ ПРАВ В СФЕРЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: АНАЛИЗ И ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ // Universum: экономика и юриспруденция : электрон. научн. журн. 2025. 1(135). URL: *https://7universum.com/ru/economy/archive/item/21652*

сия о том, следует ли квалифицировать потенциальное нарушение на стадии использования охраняемых произведений для обучения модели либо на стадии генерации контента.

Данная статья сосредоточена на анализе возможных нарушений авторских прав именно на этапе использования охраняемых произведений в процессе обучения систем ИИ. Такой подход обусловлен тем, что стадия ввода и обработки данных представляет собой фундаментальный элемент функционирования ИИ-систем и предшествует созданию любого результата их работы. Использование произведений на данном этапе носит массовый, автоматизированный и зачастую непрозрачный характер, что существенно осложняет применение традиционных авторско-правовых норм.

Соединённые Штаты Америки (США) представляют особый интерес для исследования, поскольку именно в данной юрисдикции формируется наиболее активная судебная практика по спорам, связанным с использованием охраняемых произведений в процессе обучения таких систем. Кроме того, вопросы допустимости подобного использования в США традиционно рассматриваются через призму доктрины добросовестного использования (fair use), играющей ключевую роль в оценке правомерности действий, потенциально затрагивающих исключительные права правообладателей [1].

В то же время применение традиционных авторско-правовых подходов в отношении систем ИИ вызывает значительные затруднения, обусловленные технологической сложностью таких систем и недостаточной определённостью правового регулирования. Отсутствие прямых регуляторных, строгих норм, адресованных обучению ИИ на охраняемых произведениях, приводит к тому, что ключевое значение приобретает судебная практика и аргументация, используемая судами при разрешении соответствующих споров.

В связи с этим целью данной статьи является анализ подходов американской правовой системы к квалификации возможных нарушений авторских прав на стадии использования охраняемых произведений для обучения систем ИИ, а также выявление ключевых критериев и аргументационных моделей, применяемых судами при оценке допустимости такого использования.

Материалы и методы

Для анализа вопросов нарушения авторских прав на этапе ввода данных использованы законодательные акты США, включая положения о добросовестном использовании (fair use), передовая судебная практика по делам, связанным с применением ИИ на этапе использования охраняемых произведений в процессе обучения систем ИИ, а также научные публикации и экспертные мнения. Методологической основой исследования стал правовой анализ, включающий изучение правовой базы, кейсов и научной литературы с применением методов систематизации, классификации и интерпретации судебной аргументации, что позволило выявить ключевые критерии оценки допустимости использования охраняемых произведений.

Результаты и обсуждение

Этап ввода данных является фундаментальной частью функционирования любой системы ИИ. На этом этапе осуществляется сбор и предварительная обработка данных, которые затем используются для обучения модели и формирования её способности к генерации новых результатов [2, с. 66]. Алгоритмы машинного обучения требуют значительных объёмов данных, а качество и разнообразие этих данных напрямую влияют на точность и корректность функционирования модели в новых контекстах [3, с. 20].

Обучающие наборы данных формируются из различных источников: открытые интернет-ресурсы, лицензированные базы данных, а также материалы с ограниченным доступом и размещённые на нелегальных площадках [4, с. 6]. В данном контексте встаёт вопрос о том, подпадает ли использование охраняемых авторским правом произведений в качестве обучающих данных без получения соответствующего разрешения под режим нарушения авторских прав.

Международной основой является Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений, закрепляющая исключительные права авторов и обязанности государств-участников принимать меры в отношении незаконного использования произведений [5]. На национальном уровне в США нарушение авторских прав определяется как несанкционированное осуществление любого из исключительных прав правообладателя, включая воспроизведение, распространение и создание производных произведений (Раздел 17 Кодекса Соединённых Штатов об авторском праве (U.S.C.)) [6]. Основной инструмент оценки допустимости использования охраняемых произведений при обучении ИИ — доктрина fair use, которая учитывает цель и характер использования, трансформацию оригинального произведения и влияние на рынок правообладателя [1].

Однако следует учитывать, что не все данные, используемые при обучении систем искусственного интеллекта, подпадают под охрану авторским правом. Факты, сырые данные и произведения в общественном достоянии не образуют нарушения [7]. Сложности возникают при использовании защищённых произведений без согласия правообладателей. Масштаб и непрозрачность процессов обучения ИИ делают практически невозможным определение вклада каждого конкретного произведения. Систематическое копирование и хранение охраняемых произведений в составе обучающих наборов данных, так называемых библиотек данных, потенциально затрагивает исключительное право на воспроизведение [8].

По мнению доктора Андреса Гвадамуса (Dr Andres Guadamuz), после завершения обучения данные трансформируются и «сжимаются» в латентном пространстве модели, вследствие чего исходные произведения в своей первоначальной форме в системе не сохраняются [9, с. 11]. По его мнению, таким образом обученная модель не содержит прямых

копий произведений, а лишь обобщённые закономерности, выявленные на основе этих произведений [9, с. 11]. На взгляд автора, такое объяснение не полностью отражает фундаментальную роль исходных данных. Даже если прямые копии произведений не сохраняются, они существенно влияют на формирование модели и её результаты. Аналогично отношениям между родителями и детьми или образовательными учреждениями и студентами: родители и преподаватели предоставляют материал для интеллектуального развития, а ребёнок или студент самостоятельно обрабатывает и применяет знания. Точно так же ИИ обучается на данных — как в общественном достоянии, так и охраняемых авторским правом — и перерабатывает их, не сохраняя в исходной форме.

Ключевой вопрос здесь не в том, как данные хранятся внутри модели, а в том, что использование охраняемых произведений неизбежно. Подобно ребёнку, ИИ не может обучиться без обращения к исходным материалам. Их использование имеет принципиальное значение и формирует основу для оценки возможного нарушения авторских прав.

Основная проблема нарушения авторских прав при вводе данных заключается не только в сохранении произведений в модели, но и в неизбежном использовании охраняемых объектов для обучения, что формирует правовую основу для оценки допустимости обучения ИИ с точки зрения авторского права. Практику подтверждают ключевые судебные дела в США, где суды оценивают использование охраняемых произведений в обучении ИИ с учётом доктрины добросовестного использования (fair use) и баланса интересов правообладателей и разработчиков. В отличие от обучения человека, ИИ использует те же данные для обучения систем, что порождает специфические правовые вопросы, которые будут рассмотрены далее.

Одним из первых и наиболее значимых примеров такого судебного разбирательства является дело Kadrey v. Meta Platforms, Inc. (организация признана экстремистской и запрещенной в России). Истцы утверждали, что Meta Platforms, Inc. (организация признана экстремистской и запрещенной в России) нарушила их исключительные права в соответствии с Законом США об авторском праве, используя пиратский набор данных Books3 для обучения языковых моделей LlaMA, который содержал несанкционированные копии их произведений [4, с. 6]. В ходе процесса выяснилось, что внутренние юристы Meta Platforms, Inc. (организация признана экстремистской и запрещенной в России) участвовали и консультировали по поводу незаконной деятельности [10]. Истцы также ссылались на нарушение California Computer Data Access and Fraud Act (CDAFA) и Digital Millennium Copyright Act (DMCA), поскольку Meta Platforms, Inc. (организация признана экстремистской и запрещенной в России) скачивала и использовала пиратские данные для обучения моделей LlaMA [4, с. 2]. Meta Platforms, Inc. (организация признана экстремистской и запрещенной в России), в свою очередь, отклонила обвинения, утверждая, что использование данных для обучения модели является добросовестным использованием (fair use) [4, с. 4].

В свою очередь доктрина добросовестного использования в США предусматривает ограниченное использование охраняемых произведений без разрешения, например для критики, комментариев, новостной информации, преподавания, науки и исследований [11]. Под «обучением» в его обычном смысле понимается передача знаний людям, занятия в классе и использование учебных материалов [12]. Это, в свою очередь, не эквивалентно процессу обучения искусственного интеллекта, где объектом «обучения» является алгоритм, а не человек. Следовательно, использование данных для обучения ИИ не подпадает под вышеуказанные исключения.

Важно подчеркнуть, что во время рассмотрения дела было установлено, что Марк Цукерберг одобрил использование набора данных LibGen, несмотря на предупреждения команды по ИИ о его пиратском происхождении [13]. Этот факт также свидетельствует о том, что сами ответчики осознавали правовые последствия использования данных. Судья Винс Чхабрия 21 августа 2025 года вынес решение, что Meta Platforms, Inc. (организация признана экстремистской и запрещенной в России) не нарушила авторские права при обучении моделей на книгах 13 авторов без разрешения, сосредоточив внимание на трансформативном использовании и отсутствии доказанного ущерба для рынка [14]. Однако данное решение вызывает сомнения, так как обучение ИИ напрямую зависит от исходных материалов, многие из которых использовались без согласия авторов. Новизна результатов, создаваемых ИИ, часто сомнительна, а возможность косвенного ущерба рынку и экономическим интересам авторов сохраняется.

В последующем знаменитом деле Bartz v. Anthropic истцы ссылались на решение в Kadrey v. Meta Platforms, Inc. (организация признана экстремистской и запрещенной в России, утверждая, что Anthropic использовала их произведения без разрешения для обучения модели Claud [15]. Ключевой предмет спора — набор данных The Pile, включавший 22 поднаборов, среди которых Books3 имел особое значение [16]. Этот набор содержал 196 640 книг, многие из которых были получены с пиратского трекера Bibliotik [17]. Авторы набора открыто признавали использование пиратских материалов, подчёркивая их ценность для обучения ИИ [18]. Anthropic настаивала на том, что обучение модели носило трансформативный характер и подпадало под доктрину добросовестного использования (fair use), аргументируя это тем, что материалы использовались «за кулисами», не воспроизводились дословно, и что использование не причиняло ущерба книжному рынку [19]. Следовательно, это свидетельствует о том, что Anthropic фактически признаёт факт использования охраняемых произведений, несмотря на заявленный трансформативный характер обучения. По данному делу 23 июня 2025 года судья Уильям Олсап вынес компромиссное решение: обучение модели было признано «высокотрансформативным» и допустимым в рамках fair use, тогда как пиратские копии книг, созданные и сохранённые в библиотеке, классифицировались как незаконное

присвоение [20]. Это решение подчёркивает двойственный вывод: с одной стороны, трансформативное обучение ИИ может квалифицироваться как добросовестное использование (fair use), с другой — использование пиратских материалов продолжает считаться нарушением авторских прав. Anthropic впоследствии достигла мирового соглашения с авторами 26 августа 2025 года, что демонстрирует практическую важность соблюдения прав авторов и прозрачного формирования обучающих наборов данных [21]. Дело подчёркивает необходимость баланса между инновациями в ИИ и защитой авторских прав.

Таким образом, рассмотренные кейсы показывают, что законность обучения ИИ напрямую зависит от источников данных и соблюдения авторских прав. Важно также помнить, что трансформативность использования материалов не снимает ответственности за их незаконное получение, а отсутствие доказанного прямого ущерба не исключает косвенного воздействия на рынок и доходы авторов, что подчёркивает необходимость прозрачного и законного формирования обучающих наборов данных. При этом следует подчеркнуть особую значимость первоначальных документов и произведений, защищённых авторским правом, которые формируют основу для функционирования ИИ. Независимо от того, насколько разработчики и основатели систем искусственного интеллекта стремятся обойти авторские права, труд, вложенный авторами в создание текстов и других произведений, должен оплачиваться по достоинству. Компании, использующие эти материалы для обучения своих моделей, получают значительную экономическую выгоду, и именно поэтому правовые вопросы приобретения и использования авторских произведений должны решаться легально и прозрачно. Легальное оформление прав на используемые материалы обеспечивает справедливое вознаграждение авторам и снижает риски нарушения авторских прав при обучении ИИ.

На основании вышеизложенного рекомендуется следующее:

1. Формирование легальных библиотек данных для обучения ИИ: включать данные, полученные только на законных основаниях с согласия правообладателей; использовать материалы, находящиеся в общественном достоянии; применять фактические данные, статистику, цифровую информацию и иные объекты, не охраняемые авторским правом.

Данное уточнение демонстрирует, что использование незаконно полученных данных, включая материалы с пиратских сайтов, является нарушением авторских прав. Любые данные, не включённые в легальные библиотеки, не должны использоваться для обучения ИИ.

2. Права и обязанности владельцев и держателей библиотек данных на этапе ввода данных: контролировать использование своих данных, произведений для обучения ИИ в рамках заявленных целей и условий; получать информацию о принципах работы ИИ при использовании их данных, что повышает прозрачность и понимание алгоритмов.

3. Определение владельцев и держателей библиотек данных:

Необходимо законодательно установить, кто может считаться владельцем или держателем библиотеки данных: лица, получившие доступ к данным на законных основаниях; авторы самих произведений, включённых в библиотеку.

4. Дополнительные рекомендации: предусмотреть ответственность за нарушение порядка формирования и использования библиотек данных; разработать стандарты документирования происхождения данных и правовых оснований их использования; обеспечить возможность независимого аудита библиотек данных для подтверждения их легальности; стимулировать разработку прозрачных соглашений между авторами, держателями данных и разработчиками ИИ о вознаграждении и условиях использования материалов.

Заключение

Анализ практики показывает, что законность обучения ИИ напрямую зависит от источников данных и соблюдения авторских прав. Даже если алгоритмы трансформируют информацию и создают новые результаты, это не освобождает от ответственности за использование материалов, созданных другими авторами. Создание легальных и прозрачных библиотек данных, включающих материалы с согласия правообладателей, объекты общественного достояния и данные, не охраняемые авторским правом, является необходимым условием для этичного и законного обучения ИИ. Владельцы данных должны иметь возможность контролировать их использование, а разработчики — уважать права авторов и обеспечивать справедливое вознаграждение за их труд.

В целом, внедрение таких практик обеспечивает баланс между инновационным развитием ИИ и защитой интеллектуальной собственности, способствует этически корректному использованию технологий и формирует правовую культуру в сфере искусственного интеллекта, не замедляя развитие технологий и в то же время уважая и защищая права авторов.

Список литературы:

1. U.S. Copyright Office. Fair Use [Электронный ресурс] — Режим доступа. URL: https://www.copyright.gov/fair-use/ (дата обращения: 24.05.2025).
2. Hrvoje Singh, Ashish Tripathi, Sandeep Saxena, Pushpa Choudhary, Mahesh Kumar Singh, Arjun Singh. Impact of Deep Learning on Natural Language Processing // Artificial Intelligence, Machine Learning and User Interface Design. Bentham Science Publishers, 2024, p. 66 [Электронный ресурс] — Режим доступа. URL: https://ebookcentral.proquest.com/lib/suss/reader.action?c=RVBVQg&docID=31347860&ppg=66 (дата обращения: 01.06.2025).

3. Goodfellow I., Bengio Y., Courville A. Deep Learning, p. 20 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: mariyka-4griDin-monomhttps://www.deeplearningbook.org (дата обращения: 01.06.2025).
4. Richard Kadrey et al. V. Meta Platforms, Inc., No. 3:23-cv-03417 (N.D. Cal. 2025), p. 6 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: https://www.courtlistener.com/docket/67569326/kadrey-v-meta-platforms-inc/ (дата обращения: 19.09.2025).
5. Berne Convention for the Protection of Literary and Artistic Works (WIPO LEX, authentic text as amended 28 September 1979) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: https://www.wipo.int/wipolex/en/text/283698 (дата обращения: 28.06.2025).
6. Title 17 of the United States Code (Copyright Law of the United States) (United States Copyright Office, current through 23 December 2024) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: https://www.copyright.gov/title17/title17.pdf (дата обращения: 28.06.2025).
7. What's Not Protected by Copyright Law [Электронный ресурс]. Copyright Alliance. — Режим доступа: URL: https://copyrightalliance.org/faqs/whats-not-protected-by-copyright-law/ (дата обращения: 28.06.2025).
8. Авторское право - личные неимущественные и имущественные права автора [Электронный ресурс]. GOV.KZ. — Режим доступа: URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/pavlodar-zhelezinka/press/news/details/93079?lang=ru (дата обращения: 28.06.2025). :content Reference[oaicite:0]{index=0}
9. Guadamuz A. A Scanner Darkly: Copyright Liability and Exceptions in Artificial Intelligence Inputs and Outputs // GRUR International. 2024. Vol. 73. P. 111–125 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: https://sussex.figshare.com/articles/journal_contribution/A_scanner_darkly_copyright_liability_and_exceptions_in_artificial_intelligence_inputs_and_outputs/24805578?file=44210750 (дата обращения: 12.07.2025).
10. Kadrey et al. V Meta Platforms, Inc, Case No 3:23-cv-03417-VC-TSH, Letter re Crime-Fraud Exception (20 December 2024) // Chat GPT Is Eating the World. — Режим доступа: URL: https://chatgptiseatingtheworld.com/wp-content/uploads/2024/12/Letter-re-Crime-Fraud-Exception-Dec-20-2024.pdf — Дата доступа: 20.07.2025.
11. Copyright Act 1976 (US), s 107, Fair use factors and provision for unpublished works // U.S. Copyright Office. — Режим доступа: URL: https://www.copyright.gov/title17/92chap1.html#107 — Дата доступа: 20.07.2025.
12. Обучение // Википедия: свободная энциклопедия [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Обучение (дата обращения: 20.07.2025).
13. Kadrey et al. V Meta Platforms, Inc, Case No 3:23-cv-03417-VC, Unredacted Reply of Plaintiffs (8 January 2025) // Chat GPT Is Eating the World. — Режим доступа: URL: https://chatgptiseatingtheworld.com/wp-content/uploads/2025/01/Unredacted-Reply-of-Plaintiffs-1.pdf. — Дата обращения: 20.07.2025.
14. Wired. Meta Wins Blockbuster AI Copyright Case—but There's a Catch, 25 June 2025. URL: https://www.wired.com/story/meta-scores-victory-ai-copyright-case/ (дата обращения: 27 июля 2025).
15. Bartz files First Amended Complaint v Anthropic (Chat GPT Is Eating the World, 6 December 2024) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: https://chatgptiseatingtheworld.com/2024/12/06/bartz-files-first-amended-complaint-v-anthropic/ (дата обращения: 26.07.2025).
16. Gao L., et al. The Pile: An 800GB Dataset of Diverse Text for Language Modeling (arXiv preprint 2020) arXiv:2101.00027 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: https://arxiv.org/abs/2101.00027 (дата обращения: 10.08.2025).
17. Presser, S. Tweet by Shawn Presser (@theshawwn) // X. 4 Aug. 2025. URL: https://x.com/theshawwn/status/1320282149329784833?lang=en (дата обращения: 10.08.2025).
18. Gao, L., et al. The Pile // arXiv preprint. 2020. URL: https://arxiv.org/abs/2101.00027 (дата обращения: 10.08.2025).
19. Defendant Anthropic PBC. Notice of Motion and Motion for Summary Judgment. 27 Mar. 2025. URL: https://chatgptiseatingtheworld.com/wp-content/uploads/2025/03/Anthropics-Motion-for-SJ-on-Fair-Use-in-Bartz-v.-Anthropic-Mar-27-2025.pdf (дата обращения: 10.08.2025).
20. Bartz v. Anthropic PBC. Case No. 3:24-CV-05417-WHA. Judge Alsup order on fair use and infringement. 23 Jun. 2025. URL: https://chatgptiseatingtheworld.com/wp-content/uploads/2025/06/Judge-Alsup-order-on-fair-use-and-infringement-Jun-23-2025.pdf (дата обращения: 12.08.2025).
21. Bartz v. Anthropic PBC. Stipulation and [Proposed] Order re Stay. 26 Aug. 2025. URL: https://chatgptiseatingtheworld.com/2025/08/26/Bartz-v-Anthropic-SETTLMENT-Aug-26-2025.pdf (дата обращения: 27.08.2025).

DOI: 10.32743/UniLaw.2026.135.1.21626

ИНСТИТУТ ПОСРЕДНИЧЕСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Машукова Диана Ахмедовна
студент,
кафедра арбитражного процесса, адвокатуры и нотариата,
Саратовская государственная юридическая академия,
РФ, г. Саратов
E-mail: mash_12_diana02@mail.ru

Щербакова Лилия Геннадиевна
канд. юрид. наук,
доц. кафедры арбитражного процесса, адвокатуры и нотариата,
Саратовская государственная юридическая академия,
РФ, г. Саратов

MEDIATION INSTITUTE IN THE RUSSIAN FEDERATION: PROBLEMS AND SOLUTIONS

Mashukova Diana Akhmedovna
Student,
Department of Arbitration Procedure, Advocacy and Notary,
Saratov State Law Academy,
Russia, Saratov

Shcherbakova Liliya Gennadievna
Candidate of Legal Sciences,
Associate professor of the department of arbitration process,
Advocacy and Notary,
Saratov State Law Academy,
Russia, Saratov

АННОТАЦИЯ

В статье исследуется проблема двойственной правовой природы института посредничества в России, который исторически и доктринально представляется как в контексте примирительных процедур (разрешение конфликтов), так и в качестве предпринимательской услуги по содействию в заключении сделок. Работа выявляет системный концептуальный кризис, вызванный терминологической неточностью и фрагментарностью правового регулирования. Несмотря на исторические корни и наличие двух основных легальных форм – медиации и судебного примирения, - институт уступает судебной системе. Авторы проводят сравнительный анализ этих форм, выделяя их общие системообразующие признаки (нейтральность третьего лица, конфиденциальность, цель достижения согласия) и ключевые различия (источник инициативы, роль и статус посредника, степень гибкости, юридическая сила результата).

ABSTRACT

The article examines the problem of the dual legal nature of the institution of mediation in Russia, which has historically and doctrinally been understood both in the context of conciliation procedures (conflict resolution) and as an entrepreneurial transaction assistance service. The work reveals a systemic conceptual crisis caused by terminological inaccuracy and fragmentation of legal regulation. Despite its historical roots and the existence of two main legal forms—mediation and judicial reconciliation – the institution remains peripheral to the judicial system. The author conducts a comparative analysis of these forms, highlighting their common system-forming features (third-party neutrality, confidentiality, purpose of reaching agreement) and key differences (source of initiative, role and status of the mediator, degree of flexibility, legal force of the result).

Ключевые слова: посредничество, медиация, судебное примирение, альтернативное разрешение споров.
Keywords: mediation, mediation, judicial conciliation, alternative dispute resolution.

Библиографическое описание: Машукова Д.А., Щербакова Л.Г. ИНСТИТУТ ПОСРЕДНИЧЕСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ // Universum: экономика и юриспруденция : электрон. научн. журн. 2025. 1(135). URL: *https://7universum.com/ru/economy/archive/item/21626*

Введение. Современный подход законодателя, который характеризуется терминологической неточностью при определении правовой природы института посредничества породил массу споров в правовой доктрине.

Институт посредничества в российском праве имеет дихотомичный характер. С одной стороны посредничество – это одна из форм урегулирования конфликтов, а с другой институт посредничества – это самостоятельная деятельность лица, которое оказывает услуги по содействию в заключении и согласовании договоров. В данной статье авторы исследуют первый подход в понимании института посредничества.

Цель данной работы: системный анализ института посредничества в российском праве, выявление причин его концептуального кризиса и разработка предложений по его совершенствованию и интеграции в правовую систему.

Объект исследования: общественные отношения, связанные с использованием процедур альтернативного разрешения споров (АРС) в России, а также их правовое регулирование.

Для достижения цели необходимо выполнить следующие задачи:

1. Проанализировать дихотомичную правовую природу института посредничества в российском праве и обосновать необходимость его рассмотрения как родового понятия по отношению к медиации.

2. Выявить и сравнить ключевые виды посредничества в российском праве — медиацию и судебное примирение.

3. Определить системные проблемы, препятствующие развитию института посредничества

4. Предложить комплекс мер по преодолению выявленных проблем, включая законодательные, организационные и информационные решения.

Материалы и методы исследования

Исследование включает в себя сбор и анализ теоретических и практических данных на исследуемую тематику.

Результаты и обсуждения

Несмотря на специфичный менталитет населения Российской Федерации при урегулировании споров, стоит отметить, что посредничество известно России с давних времен и тесно коррелирует с третейским разбирательством.

До введения Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ) посредничество существовало лишь в целях урегулирования трудовых споров. В настоящее время в АПК РФ прямо предусмотрено право конфликтующих сторон обращаться к посреднику. Положения о посредничестве содержатся в нескольких нормах АПК РФ, а именно п. 2 ч. 1 ст. 135, ч. 2 ст. 158 АПК РФ.

При этом на практике немногие прибегают к урегулированию конфликтов посредством привлечения независимого третьего лица, который будет управлять коммуникацией спорящих сторон. Намного привычнее и проще прибегнуть к судебному разбирательству и как кажется сторонам – судья сможет вынести правильное и справедливое решение, но основное различие между судом и процедурой посредничества заключается в том, что решения суда, хоть и имеют юридическую силу, но исходят из парадигмы «победитель-проигравший», а процедура посредничества – это механизм, при котором используется формула «стороны против проблемы/конфликта» и посредством грамотно выстроенной коммуникации они приходят к решению сложившейся проблемы и ответственность за это решение берут на себя.

Системный концептуальный кризис, который вызван не только терминологическими неточностями в данной сфере, но и фрагментарным законодательным урегулированием в целом альтернативного разрешения споров, авторы считают важным решать последовательно, начиная с определения основных терминов для устранения правовых и доктринальных коллизий.

Законодатель обходит стороной определение понятия посредничества как способа (механизма) урегулирования конфликта, в связи с чем понятийный аппарат института посредничества бурно обсуждается в правовой доктрине. Юридическая энциклопедия дает сразу 2 трактовки: 1) посредничество в международном праве – одно из мирных средств разрешения международных споров; представляет собой ведение переговоров не состоящим в споре государством … со спорящими сторонами с целью нахождения компромиссных путей мирного урегулирования спора; 2) посредничество, посреднические операции – экономические операции, совершаемые по поручению субъектов экономической деятельности независимыми посредническими фирмами на основе отдельных поручений или специальных соглашений (вторую часть определения можно понимать как трактовку с позиции хозяйственного права [4].

В словарях бизнес-терминов посредничество рассматривается как «вмешательство в промышленный конфликт нейтральной третьей стороны…» и «предпринимательская деятельность по содействию заключению контрактов между поставляющей и потребляющей сторонами» [5].

В отечественном праве на этот счет существует несколько точек зрения. Т.В. Худойкина определяет посредничество как урегулирование спора или конфликта между сторонами с участием третьего лица (посредника) с целью выработки взаимоприемлемого соглашения сторон по спорным вопросам [3].

С.П. Казакова отмечала, что посредничество в юридическом смысле – это деятельность лица, направленная на оказание помощи другим лицам в достижении юридически значимого результата: например, заключения соглашения, передачи имущества и т.д. [2].

Большинство исследований, посвященных альтернативному разрешения споров (далее – «АРС») отождествляют понятия «медиация» и «посредничество». Это прослеживается как в свежих научных

работах, так и научных исследованиях, которые стояли у истоков развития АРС в России. Например, при определении понятия посредничества, И.Ю. Захарьящева отмечала следующее: «посредничество (медиация) – примирительная процедура, направленная на достижение взаимоприемлемого и целесообразного соглашения в целях добровольного урегулирования правового конфликта полностью или в части на основе конструктивных переговоров и сотрудничества, при которой по взаимному волеизъявлению субъектов-участников спора привлекается независимый специалист – посредник, решения которого не носят обязательного характера для лиц, имеющих материальную заинтересованность в исходе спора» [1].

В связи с этим, легальное закрепление понятия «посредничество» определило бы правовую природу данного института, поставило бы окончательную точку в разделении посредничества и медиации, а также позволило бы законодательно регламентировать деятельность не только медиаторов, но и посредников в целом.

Посредничество (в широком смысле) – общий институт разрешения конфликтов, в рамках которого нейтральное лицо, привлекаемое сторонами, содействует и способствует урегулированию спора вне судебной системы. Предлагается рассматривать посредничество как общее/родовое понятие по отношению к медиации для устранения терминологических неточностей.

В настоящее время в отечественном праве основными видами посредничества являются медиация и судебное примирение.

Медиация, согласно Федеральному закону от 27 июля 2010 года № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации) (далее – Закон о медиации) представляет собой способ урегулирования споров при содействии нейтрального посредника (медиатора), направленный на достижение сторонами взаимоприемлемого решения в гражданских, трудовых, семейных и коммерческих спорах на основе четырех принципов: добровольности — стороны самостоятельно инициируют процесс; конфиденциальности — информация не разглашается без согласия участников; нейтральности и независимости медиатора — отсутствие заинтересованности в исходе спора.

Судебное примирение — это бесплатная и конфиденциальная процедура разрешения споров в рамках судебного процесса, где нейтральный посредник (обычно судья в отставке, называемый судебным примирителем) помогает сторонам достичь взаимоприемлемого соглашения без вынесения решения, сближая их позиции и находя взаимовыгодное решение. Процедура судебного примирения регламентирована Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.2019 № 41 «Об утверждении Регламента проведения судебного примирения» (далее – Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.2019 № 41).

Особенностью данных процедур, позволяющих их определять как виды посредничества является единая цель – действия третьего лица по содействию в достижении соглашения. Главное различие в финансовой доступности и способах информирования.

В соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.2019 № 41 процесс судебного примирения проводится безвозмездно для сторон, тогда как процедура медиации осуществляется на платной основе и, если сторонами не установлено иное, оплачивается в равных долях.

Немаловажной является роль посредника. Посредник – это нейтральное лицо, которое помогает конфликтующим сторонам прийти к компромиссу, путем грамотного управления процесса их коммуникации. В зависимости от процедуры посредничества, так же и разграничивают посредников на медиаторов и судебных примирителей. Медиаторы – независимые физические лица, привлекаемые сторонами в качестве посредника в урегулировании спора для содействия в выработке сторонами решения по существу спора. При этом медиатор может осуществлять деятельность как на профессиональной, так и непрофессиональной основе. Требования к непрофессиональным медиаторам – полная дееспособность и отсутствие судимости, профессиональным медиатором может быть лишь кандидат, достигший 25 лет, имеющий высшее образование, а также дополнительное специальное образование по вопросам применения процедуры медиации.

Судебный примиритель – это судья в отставке, который включен в список судебных примирителей, утвержденный Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.2019 № 41. В отличие от медиаторов, к судебным примирителям не предъявляют требований, но ставят ограничения. Например, судебный примиритель не должен быть привлечен к осуществлению правосудия, не должен занимать государственную или муниципальную должность, не назначен на должность финансового омбудсмена и др.

Таким образом, посредничество является системообразующим принципом медиации и судебного примирения. В этой связи, можно выделить общие черты данных процедур: нейтральность и беспринципность третьего лица, общая цель в виде достижения соглашения, конфиденциальность и активность сторон в определении результата.

При этом данные процедуры не зря выделяют как самостоятельные виды посредничества, так как имеют специфичные черты, присущие каждой из них:

- источник инициативы и контекст (медиация – процедура внесудебного и досудебного разрешения спора, а судебное примирение интегрировано в судебный процесс, так как происходит в рамках уже инициированного процесса).
- роль третьего лица (медиатор – фасилитатор, то есть нейтральный специалист, который помогает в коммуникации спорящим сторонам, не навязывает свое мнение, а лишь организует процесс; судебный примиритель – сочетает в себе фасилитацию и правовое информировании. Кроме того, судебное примирение развивается в более тесной связи с судебной

системой, чем медиация. Оно возможно только после возбуждения дела в суде, представляет собой разновидность судебной деятельности и осуществляется в здании суда).

- степень гибкости (медиация более гибкая по сравнению с судебным примирением, которое строго регламентировано законом).

При этом обе процедуры остаются «в тени» судебного разбирательства, несмотря на явные преимущества. Грамотная и тщательная разработка и унификация законодательства о посредничестве и об альтернативном разрешении споров в целом решила бы проблемы недоверия граждан и юридических лиц к таким процедурам, а также помогла бы специалистам (юристы, медиаторы, а также в частности и психологи, которые квалифицируются на конфликтологии и получают специальное образование в сфере медиации) проявить большую увлеченность по предложению услуг посредничества при разрешении споров. Авторы полагают, что внедрение многоуровневой системы специализации аналогичной судебной системе, например, для семейных, корпоративных, коммерческих конфликтов, могло бы повысить профессиональный стандарт посредника, а также стало бы действенным механизмом для решения конфликтов разных уровней.

Важной проблемой является нарушение целостности и гибкости посреднических процедур при установлении законодательных рамок. Вышеуказанная структуризация и унификация норм не должна строго регламентировать процедуры, а наоборот, сохранить их гибкость. Достичь подобного баланса сложно, однако разработка процессуальных рамок (протоколов) для разных типов конфликтов поможет унифицировать пути решения этих конфликтов и создать базу для практики и усовершенствования механизмов разрешения споров.

Развитие и интегрирование в систему АРС новых институтов разрешения споров (в доктрине называемых гибридными/комбинированными), таких как мини-суд, медиативная оценка, медиация-арбитраж может способствовать склонению конфликтующих к выбору в пользу альтернативного разрешения спора.

Высокая стоимость услуг посредника-медиатора и отсутствие гарантии результата создают психологический барьер для сторон, которые зачастую предпочитают понятный и привычный судебный процесс. Решением перечисленных проблем может стать качественное государственное финансирование АРС: внедрение федеральных и региональных программ, которые покрывали бы часть стоимости услуг посредников для определенных категорий споров, интеграция услуг медиатора в государственную систему бесплатной юридической помощи для определенных слоев населения, а также финансовая поддержка некоммерческих организаций, например, школьная медиация.

В настоящее время полученное медиатором вознаграждение за осуществление регулируемой Законом о медиации деятельности по проведению процедуры медиации не является доходом от предпринимательской деятельности, оно не может облагаться налогом, уплачиваемым в связи с применением упрощенной системы налогообложения. При этом признание расходов за услуги медиатора при условии соглашения налоговым вычетом может способствовать заинтересованности граждан и организаций к применению данных процедур при урегулировании спора.

Авторы также предлагают пути решения проблемы недостаточной информированности граждан о сущности и преимуществах посредничества. Обязанность судьи сообщить сторонам о возможности медиации прямо не закреплена в одном конкретном законе для всех видов судопроизводства, но она вытекает из общих принципов судопроизводства, задач суда по примирению сторон и положений процессуальных кодексов (ГПК РФ, АПК РФ), а также Закона о медиации, который предусматривает возможность применения процедуры на любой стадии процесса. Судья, при подготовке дела к разбирательству, обязан разъяснять сторонам их права и возможности урегулирования спора, включая медиацию, хотя на практике это происходит не всегда. В связи с этим, предлагается ввести обязанность судьи в ходе собеседования или подготовительного заседания разъяснить сторонам суть, преимущества и порядок проведения процедур посредничества. Проблема информированности также стоит остро из-за принципа конфиденциальности процедуры медиации, в связи с которым медиаторы не ведут протоколы при проведении процедуры, а значит и не могут информировать общественность о результатах работы. Возможно, с сохранением принципа конфиденциальности (сохранение анонимности сторон и неразглашение их персональных данных), ужесточением ответственности посредника при разглашении информации, можно будет ввести учет практики процедур посредничества, чтобы граждане и юридические лица могли убедиться в их эффективности.

Заключение

Таким образом, институт посредничества в российском правовом поле находится в состоянии системного концептуального кризиса, который усугубляется современной законодательной политикой (терминологическая неточность и фрагментарность регулирования). Несмотря на исторические корни процедур посредничества в российском праве, их правовое воплощение в виде медиации и судебного примирения сильно уступает традиционному судебному разбирательству. При закреплении данных процедур не были учтены культурные и этические аспекты при отсутствии целостной, последовательной и стимулирующей правовой экосистемы. Основными проблемами, которые препятствуют развитию института посредничества по мнению авторов являются отсутствие четкого родового понятия «посредничества» в законодательстве, что приводит к терминологическим неточностям, финансовые и психологические барьеры доступа и отсутствие каких-либо гарантий возмещения или страхования

ресурсов, а также риск излишней регламентации и установления слишком жестких рамок, что может нарушить гибкость процедур. Решением данных проблем представляется комплексная стратегия, которая будет основываться на стимулировании через государственную поддержку, качественное информирование граждан путем обязанности судей разъяснять сторонам преимущества и принципы процедур посредничества перед рассмотрением дела, а также разработка типовых адаптивных протоколов для разных категорий дел может стать золотой серединой между унификацией и свободой усмотрения.

Такой сбалансированный и системный подход будет началом тщательной и разносторонней трансформации института посредничества не только в теоретическом, но и практическом аспекте. Предложенные пути решения будут влиять не только на конфликтующие стороны, но и на самих посредников и их процесс ведения и последующего разрешения конфликтов. Современное поколение менее конфликтно и реже прибегает к разрешению спора посредством суда, а качественный институт посредничества как эффективный элемент российской системы правосудия будет способствовать формированию более высокой правовой культуры, основанной на диалоге и концепции «стороны против проблемы и конфликта».

Список литературы:

1. Захарьящева, И.Ю. Примирительные процедуры в арбитражном процессуальном законодательстве Российской Федерации (концептуальные основы и перспективы развития) : дис. … канд. юрид. наук – Саратов, 2005. – С. 186.
2. Казакова С.П., Кухарева О.А. Посредничество в системе примирительных процедур. Понятие, виды, проблемы практического применения по гражданским и административным делам. // Вестник СГЮА. – 2020. – №5. – С. 138.
3. Худойкина Т. В. Юридическая конфликтология: учебное пособие. – Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 2008. – С. 71.
4. Посредничество. Юридическая энциклопедия. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://yuridicheskaya_encyclopediya.academic.ru/8147 (дата обращения: 15.11.2025).
5. Посредничество. Словарь бизнес-терминов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/business/10249 (дата обращения: 15.11.2025)
6. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 года № 95-ФЗ /[Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/ (дата обращения: 15.11.2025).
7. Федеральный закон от 27 июля 2010 года № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» /[Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103038/ (дата обращения: 15.11.2025).
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.2019 № 41 «Об утверждении Регламента проведения судебного примирения» /[Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_336707/ (дата обращения: 15.11.2025).

ПРОЦЕДУРЫ БАНКРОТСТВА ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Фетисова Анна Васильевна
магистрант,
Университет «Синергия»,
РФ, г. Тобольск
E-mail: niura.parinova@yandex.ru

BANKRUPTCY PROCEDURES OF LEGAL ENTITIES: CURRENT ONES PROBLEMS OF LEGAL REGULATION TRANSLATION

Fetisova Anna Vasilyevna
Graduate student Synergy University,
Russia, Tobolsk

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена исследованию правового регулирования процедур банкротства юридических лиц на современном этапе развития банкротного законодательства в свете приоритетных направлений экономического развития Российской Федерации. В статье проанализирован ряд проблем и возможные пути их решения с учетом реальных экономических потребностей общества и государства в целом, со ссылками на актуальное законодательство, проводится анализ статистических данных показателей снижения банкротства юридических лиц, лидирующих позиций инициирования дел о банкротстве конкурсными кредиторами, возможные причины и факторы влияющие на тенденцию к снижению указанных показателей.

ABSTRACT

The article is devoted to the study of the legal regulation of bankruptcy procedures of legal entities at the current stage of the development of bankruptcy legislation in the light of the priority directions of economic development of the Russian Federation. The article analyzes a number of problems and possible solutions, considering the real economic needs of society and the state as a whole, with references to current legislation, analyzes statistical data on the decline in bankruptcy of legal entities, the leading positions of bankruptcy proceedings by bankruptcy creditors, possible causes and factors influencing the downward trend of these indicators.

Ключевые слова: процедуры банкротства юридических лиц, правовое регулирование, минимальный порог долга, инициаторы дел о банкротстве, конкурсные кредиторы, конкурсное производство, введение наблюдения, введение внешнего управления, введение финансового оздоровления.

Keywords: bankruptcy procedures of legal entities, legal regulation, minimum debt threshold, initiators of bankruptcy cases, bankruptcy creditors, bankruptcy proceedings, introduction of supervision, introduction of external management, introduction of financial rehabilitation.

Согласно историческим источникам права институт банкротства в Российской Федерации возник еще в Древней Руси и первые упоминания о нем отражены в Русской Правде. В XI-XIII веках банкротство рассматривалось с двух позиций, как виновное и не виновное банкротство, возникшее по независящим от должника обстоятельствам [10, с.315-318]. В упомянутый период процедура банкротства стала возможной и для купцов. При установлении вины должника, невозможности расплатиться по долгам, его имущество, в том числе его самого могли распродать на торгах.

Важным этапом в развитии правового регулирования института банкротства становится предоставление приоритета для государственной казны в вопросах удовлетворения требований в процедурах банкротства, которое было закреплено в Соборном уложении 1649 года, тем самым установив приоритеты защиты государственных интересов, как экономических, так и общественных.

Актуальность совершенствования банкротного законодательства с учетом реальных запросов государства и общества на современном этапе, не вызывает сомнений, что также подтверждается приоритетными задачами экономического роста государства, в соответствии с положениями Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента от 2 июля 2021 г. № 400, которые направлены на создание на территории России благоприятной деловой среды и совершенствование механизмов взаимодействия государства и бизнеса, содействие развитию малого и среднего предпринимательства [3]. Важность государственных приоритетов в области банкротного законодательства, обусловлена множеством факторов, так как от способности юридических лиц выплачивать

Библиографическое описание: Фетисова А.В. ПРОЦЕДУРЫ БАНКРОТСТВА ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ // Universum: экономика и юриспруденция : электрон. научн. журн. 2025. 1(135). URL: *https://7universum.com/ru/economy/archive/item/21647*

взятые на себя денежные обязательства напрямую влияют на экономическое развитие страны. Финансовый крах предприятий может повлечь серьезные социально-экономические последствия: рост безработицы, снижение налоговых поступлений, ухудшение инвестиционного климата [8, с.179-182].

Претерпевая многочисленные законодательные изменения институт банкротства, его развитие и усовершенствование по прежнему остается актуальным и в настоящее время и механизм регулирования всех требований участников данного процесса требует детального анализа и исследования, в том числе и судебная практика применения действующего законодательства в данной сфере.

Согласно официальной статистике, размещенной в Едином федеральном реестре «Федресурс», рост признания юридических лиц банкротом и открытие конкурсного производства во втором квартале 2025 года [4] по сравнению с аналогичным периодом 2024 года [5], снизился до отметки с 4 363 до 1 580 случаев, что составило 63,79%. Процедура введения наблюдения в банкротстве юридических лиц снизилась за указанный период с 3 473 до 1 271, что составило 63,4% [5]. Значительное снижение отмечается и в введении процедуры внешнего управления с 29 до 10, что составило 65,52%, и в введении финансового оздоровления с 3 до 1 (на 66,67%) [4].

Несмотря на наметившуюся тенденцию к снижению показателей банкротства юридических лиц и крестьянско-фермерских хозяйств, стоит более подробно остановиться на возможных причинах и факторах, повлиявших на сложившуюся тенденцию и возможный прогноз совершенствования действующего законодательства в вопросах правового регулирования процедур банкротства указанной категории должников.

На взгляд автора, и согласно мнению экспертов и спикеров в области банкротства, к снижению инициирования дел о банкротстве юридических лиц послужили последние поправки Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127–ФЗ, в частности увеличение минимального порога задолженности с 300 тысяч до 2 миллионов рублей [1]. В мае 2024 года, в рамках практической конференции, специалисты высказали свои опасения и сомнения в эффективности и обоснованности вышеуказанного увеличения, а также возможных нарушений прав микропредприятий и малого бизнеса, для которых суммы менее двух миллионов, тоже являются значительными.

Как отметил А.П. Шафранов, в ходе рассмотрения законопроекта в государственной думе, депутаты высказывали возражения о привязывании к абсолютной цифре, и необходимости установлении минимального порога долга юридических лиц в зависимости от процента их оборота, что станет более справедливым решением. Например, для микропредприятий сумма минимального порога будет гораздо ниже в сравнении с огромными предприятиями и заводами [12].

По мнению председателя банкротного клуба О.Р. Зайцева [13] само обсуждение вопроса увеличения минимального порога долга юридического лица, очень плохой симптом, потому что обсуждаем насколько нужно затруднять кредиторам инициирование дел о банкротстве. В нормальной же ситуации, главным и заинтересованным в инициировании дела о банкротстве, должен быть должник, ведь должник раньше всех узнает о том, что у него есть финансовые проблемы и он же больше всех заинтересован, чтобы их решить. Если Российский Законодатель обсуждает как бы затруднить кредиторам инициирование дел о банкротстве, это признак системного сбоя. Потому что российские должники не видят для себя смысла инициировать дело о банкротстве. Поэтому Российский законодатель находится между молотом и наковальней. С одной стороны, кто-то же должен его инициировать, а с другой стороны понятно, что у кредиторов в отличии от должника, может быть неправомерный интерес во введении процедуры банкротства. Вот недавно вышло дело Н.Н. Магнит, в котором Верховный суд, еще раз правильно указал, что в отличии от должника, у которого очень трудно представить себе зачем платежеспособному должнику инициировать свое дело о банкротстве, а вот зачем кредитору инициировать дело о банкротстве представить очень просто и вот и из того, что кто-то должен инициировать введение процедуры банкротства, раз должники не подают, а с другой стороны, нужно сделать так, чтобы затруднить доступ к процедуре, и вот в этой ложной парадигме находится Российское законодательство. По мнению О.Р. Зайцева повышение минимального порога долга для юридического лица, это еще один шаг тупикового пути и в принципе увеличение до 3,5 или 10 миллионов рублей не имеет никакого значения [13].

Из сведений, содержащихся в Едином федеральном реестре «Федресурс» следует, что лидирующие позиции среди инициаторов дел о банкротстве юридических лиц с 2023 года [6] по второй квартал 2025 года, занимают конкурсные кредиторы [4]. Например, во втором квартале 2023 года инициирование дел о банкротстве конкурсными кредиторами составило 78,9%, в 2024 году [5] за аналогичный период – 66,3%, и в 2025 году – 68,0% [4]. Процентные показатели инициирования дел о банкротстве самих должников значительно ниже и за второй квартал 2023 года составили – 8,7%, за 2024 год – 7,1%, за 2025 год – 0,3%.

Как справедливо отмечает О.Р. Зайцев, меры по усовершенствованию банкротного законодательства должны быть направлены на стимулирование должников самостоятельного инициирования дел о банкротстве. Для этого нужно устранить сегодняшнюю извращенную систему, когда у процедуры управляет мажоритарный кредитор через подконтрольного управляющего. Пока с этим не справимся, обсуждать увеличение минимального порога долга юридических лиц не имеет никакого смысла. [13]

В обсуждении вопросов о возможности развития реабилитации юридических лиц, специалисты сходятся во мнении, что должник должен быть максимально заинтересован в применении данной процедуры. Должник должен быть уверен, что он не окажется во власти мажоритарного кредитора. В настоящее время, при подаче юридическим лицом заявления на реабилитацию, первым делом над ним назначают управляющего, который вводит в мажоритарный коридор и все решения будут исключительно в его власти.

Поддержав мнения оппонентов о том, что увеличение минимального порога долга юридических лиц, не имеет реального значения, и скорее бесполезная, нежели материально значимая новелла, начальник управления судебной защиты С.О. Завьялов отметил, что одним из инициаторов и главным инициатором этого законопроекта был Верховный суд, и естественно он вводил этот порог, чтобы облегчить нагрузку на судей и это очевидно. [14]

Рассматривая возможные пути решения вопросов, возникающих в процедурах банкротства юридических лиц, в свете изменяющегося законодательства, специалисты также подчеркнули важность правомерного интереса всех участников данного процесса. С одной стороны процедуры банкротства стоят кредиторы, которые не могут его инициировать в отношении должника несмотря на то, что кредитные обязательства им не выполняются, так минимальный порог задолженности, установленный законодателем, не достигнут. В таких случаях, у кредиторов, не остается иного выхода, кроме как идти в исполнительное производство, которое значительно менее эффективно в сравнении с той же процедурой банкротства, и имеет свои несовершенства. Разница между банкротством, когда должник не может выплатить образовавшиеся долги, и исполнительным производством, когда должник не хочет выполнять взятые на себя денежные обязательства, слишком очевидна [7, с.117-125].

Таким образом, подводя итоги рассмотрения процедуры банкротства юридических лиц и проблемы правового регулирования данной сферы, стоит отразить наиболее важные на взгляд автора аспекты и возможные перспективы развития банкротного законодательства. Необходимо разработать комплекс мер для инициирования процедур банкротства не только конкурсными кредиторами, но и в первую очередь самими должниками, так наиболее реальным и правовым интересом рассматриваемой процедуры банкротства обладает исключительно сам должник. Установление минимального порога задолженности для юридических лиц должно носить индивидуальный и гибкий характер, с разработкой законодательных критериев установления невозможности выполнения взятых на себя денежных обязательств должника перед кредитором, с учетом финансового оборота денежных средств предприятия.

Необходимо также разработать на законодательном уровне путеводители и инструкции по проведению процедур банкротства юридических лиц, с указанием возможных последствий и финансового оздоровления как наиболее перспективных.

Список литературы:

1. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ [принят Государственной Думой 26 октября 2002 года: одобрен Советом Федерации]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/ (дата обращения: 11.09.2025)
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие Федерального закона от 29 мая 2024 года № 107–ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и статью 223 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» от 17.12.2024 № 40 URL: https://www.vsrf.ru/documents/own/34137/ (дата обращения: 20.12.2024)
3. Указ Президента РФ «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» от 2 июля 2021 г. № 400 URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 22.11.2025)
4. Банкротство в России: II квартал 2025 года: статистический релиз Федресурса. – URL: https://fedresurs-demo.inerfax.ru (дата обращения: 09.10.2025)
5. Банкротство в России II квартал 2024 года: статистический релиз Федресурса. – URL: https://fedresurs-demo.inerfax.ru (дата обращения: 09.10.2025)
6. Банкротство в России II квартал 2023 года: статистический релиз Федресурса. – URL: https://fedresurs-demo.inerfax.ru (дата обращения: 09.10.2025)
7. Ангелюк К.В. Несостоятельность (банкротство) юридических лиц по законодательству Российской Федерации: вопросы теории и правоприменительной практики // Человек. Социум. Общество. – 2025. - № 9. – С. 117-125
8. Аникина Е.А. Кризисные регионы России: причины высокой доли банкротства юридических лиц и пути стабилизации // Молодежь и системная модернизация страны (сборник научных статей 9-й Международной научной конференции студентов и молодых ученых. – 2025, Курск: ЗАО Университетская книга». – С. 179-182
9. Гартина Ю.А. Институт банкротства в Российском законодательстве: исторические и теоретические аспекты // Наука. Общетсов. Государство. – 2023. - № 3. – С. 24-32
10. Николаев Н.С. К вопросу о пороге задолженности юридического лица при банкротстве // Новеллы права, образования, экономики и управления: материалы X Международной научно-практической конференции. – Гатчина: Государственный институт экономики, финансов, права и технологий. – 2025. – С. – 315-318

11. Повышение минимального порога долга до 2 млн рублей: обоснованность практическая конференция «Управление проблемными и непрофильными активами». – М.:, 2024 URL: Rutube›JSON.TV(дата обращения: 09.10.2025)
12. Шафранов Андрей Павлович, Административный надзор в сфере электроэнергетики в Российской Федерации : диссертация … кандидата юридических наук : 12.00.14. — Москва, 2006. — 164 с.
13. Зайцев, Олег Романович. Договор доверительного управления паевым инвестиционным фондом : автореферат дис. … кандидата юридических наук : 12.00.03 / Ин-т закон. И сравнит. Провед.. — Москва, 2005. — 29 с.
14. Завьялов, Сергей Олегович, Совершенствование механизма банковского кредитования малого и среднего бизнеса : диссертация … кандидата экономических наук : 08.00.10 / Завьялов Сергей Олегович;. Москва, 2012. – 162 с.

КРИМИНАЛИСТИКА, СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

DOI: 10.32743/UniLaw.2026.135.1.21525

ДЕТЕКТИРОВАНИЕ СИНТЕЗИРОВАННЫХ МЕДИАДАННЫХ (DEEPFAKES) КАК ВЫЗОВ ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ КРИМИНАЛИСТИКИ: МЕТОДЫ, ПРОБЛЕМЫ И ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Рязанова Мария Константиновна
юрист,
СОООЗПП «СПСО»,
РФ, г. Саратов
E-mail: mari.ryazanova.07@mail.ru

Марченко Даниил Андреевич
юрист,
СОООЗПП «СПСО»,
РФ, г. Саратов
E-mail: daniil.marchenko.2004@mail.ru

Менжега Михаил Михайлович
канд. юрид. наук, доц.
кафедры криминалистики,
Саратовская государственная юридическая академия,
РФ, г. Саратов
E-mail: wandol@mail.ru

DETECTING SYNTHETIC MEDIA DATA (DEEPFAKES) AS A CHALLENGE FOR MODERN CRIMINOLOGY: METHODS, PROBLEMS, AND LEGAL ASPECTS

Ryazanova Maria Konstantinovna
Lawyer of SOOOZPP «SPSO»,
Russia, Saratov

Marchenko Daniil Andreevich
Lawyer of SOOOZPP «SPSO»,
Russia, Saratov

Menzhega Mikhail Mikhailovich
Candidate of Law,
Associate Professor of the Department of Criminalistics
Saratov State Law Academy,
Russia, Saratov

АННОТАЦИЯ

Возникновение искусственного интеллекта привело к тому, что появилась новая возможность создания мультимедийного контента. Даже человек, который владеет навыками работы с компьютерными технологиями, способен создать фото и видеоизображения, которые могут не соответствовать действительности, искажать её и формировать ложное представление о происходящих событиях. Порой, это делается в преступных целях, чтобы фальсифицировать обстоятельство реального времени и ввести в заблуждение не только простых граждан, но и правоохранительные органы. Часто можно столкнуться с ситуацией, когда синтезированные медиаданные используются как средство шантажа и оказания давления на электорат. Всё это определяет актуальность темы данной статьи, поскольку, в современных условиях основная задача, которая стоит перед правоохранительными органами – это формирование действенного правового, технического и организационного инструментария, который направлен на противодействие синтезированным медиаданным (Deepfakes).

Библиографическое описание: Рязанова М.К., Марченко Д.А., Менжега М.М. ДЕТЕКТИРОВАНИЕ СИНТЕЗИРОВАННЫХ МЕДИАДАННЫХ (DEEPFAKES) КАК ВЫЗОВ ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ КРИМИНАЛИСТИКИ: МЕТОДЫ, ПРОБЛЕМЫ И ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ // Universum: экономика и юриспруденция : электрон. научн. журн. 2025. 1(135). URL: *https://7universum.com/ru/economy/archive/item/21525*

ABSTRACT

The advent of artificial intelligence has opened up new possibilities for creating multimedia content. Even someone who has computer skills can create photos and videos that may not be accurate, distort reality, and create a false perception of events. Sometimes, this is done for criminal purposes, to falsify real-time circumstances and mislead not only ordinary citizens but also law enforcement agencies. It is often the case that synthesized media data is used as a means of blackmail and exerting pressure on the electorate. All of this determines the relevance of the topic of this scientific article, since, in the current conditions, the main task that law enforcement agencies face is to form an effective legal, technical, and organizational toolkit aimed at countering synthesized media data (Deepfakes).

Ключевые слова: цифровизация, синтезированные медиаданные, deepfakes, мультимедийный контент, искусственный интеллект, виртуальная технология, противоправная деятельность, информационно-телекоммуникационные технологии.

Keywords: digitalization, synthesized media data, deepfakes, multimedia content, artificial intelligence, virtual technology, illegal activity, information and telecommunication technologies.

Введение

Переход мирового сообщества к цифровизации способствовал не только развитию научно-технического потенциала, но и появлению новых видов противоправных действий, которые связаны с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

Чаще всего в незаконных целях стали применять технологию синтезированных медиаданных (Deepfakes), которая стала эффективным инструментарием в руках мошенников. Например, все чаще с помощью так называемого целевого фишинга происходит воздействие на сотрудников кредитно-финансовой организации с целью совершить операцию по оплате подложного платежного документа. Примером может служить инцидент, который произошел в 2019 году, когда менеджер одной энергетической компании в Европе получил на корпоративную электронную почту письмо руководителя с указанием перевести на счет другой компании в Венгрии денежные средства в сумме 200 000 евро. Кроме того, указание было подтверждено и голосовым сообщением. После того, как операция была выполнена, выяснилось, что это был результат использования технологии синтезированных медиаданных (Deepfakes) [1].

Целью данной статьи является анализ основных подходов, методов, проблематики и правовых особенностей к пониманию синтезированных медиаданных (Deepfakes).

Для решения поставленной цели были определены следующие задачи:

- проанализировать понятие синтезированных медиаданных (Deepfakes);
- дать правовую оценку технологии синтезированных медиаданных (Deepfakes);
- определить и проанализировать основные способы установления достоверности медиаданных;
- проанализировать основные формы и методы противодействия использования технологии синтезированных медиаданных (Deepfakes) в противоправной деятельности.

Материалы и методы.

При подготовке данной статьи использовались следующие материалы:

- законодательство Российской Федерации, в котором реализованы понятия, связанные с использованием технологии синтезирования медиаданных (Deepfakes);
- научно-практическая литература, научные статьи и публикации, посвященные технологии синтезирования медиаданных;
- практика деятельности правоохранительных органов, связанная с выявлением, предупреждением и пресечением противоправной деятельности с использованием технологии deepfakes.

В качестве основных методов при подготовке данной статьи были использованы общенаучный системный подход, а также общие положения философии о путях и средствах познания реальной действительности. В исследовании использовались сравнительно-правовой, социологический методы познания, статистическая обработка данных и другие методы.

Результаты и обсуждения.

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации определила основные приоритетные направления обеспечения национальной безопасности страны и её устойчивое развитие [2]. Среди прочих указана и информационная безопасность. Именно формирование состояния защищенности в условиях цифровизации обеспечит не только политическую безопасность, но и безопасность корпоративного сектора. Ведь именно они являются основным объектом преступного посягательства разного рода субъектов преступных сообществ.

На это особое внимание обратил Президент Российской федерации В.В. Путин в своём докладе на расширенном заседании коллегии МВД России, которое состоялось 5 марта 2025 года. Речь шла о низкой раскрываемости преступлений, связанных с использованием IT-технологий [3]. Президент подчеркнул, что необходимо искать новые пути и новые направления противодействия преступным посягательствам в области информационно-телекоммуникационных технологий.

Для создания deepfakes используется искусственный интеллект, то есть, программа, которая в процессе моделирования применяет так называемое «человеческое мышление», что по сути является весьма дискуссионным [4]. С технической точки

зрения это значит, что он работает на основе алгоритмов машинного обучения. Каждое действие разработчиков основывается на данных, которые компьютер самостоятельно анализирует и находит пути решения. Можно отметить и так называемое машинное обучение, когда техника на основе поступающих данных сама выявляет закономерности и делает прогнозы в рамках конкретной ситуации. Применяется также более сложный вариант – это когда для обучения компьютера используются нейросети, что позволяет обобщать и анализировать ещё большие объёмы информации, обрабатывать и работать с речью, текстами, звуковыми файлами [5].

Таким образом, современные информационно-цифровые разработки используют возможность компьютерных технологий не только обобщать информационные ресурсы, но и самообучаться и саморазвиваться в рамках конкретного направления.

Важной проблемой, которую следует решить в рамках криминалистических исследований – это расследование случаев использования технологии синтезированных медиаданных (Deepfakes). Конечно, нет особых инноваций, которые позволили бы в полной мере создать технологии для выявления, предупреждения и пресечения противоправной деятельности, с использованием дипфейков. Для решения этой проблематики необходимо разработать и внедрить специальный алгоритм расследования. Рассмотрим один из возможных вариантов.

Итак, основная задача, которая стоит перед правоохранительными органами – это установление является ли информация в медиафайле подлинной или это хорошо сгенерированная подделка. Для этого можно использовать несколько возможных способов.

Во-первых, анализ метаданных. Прежде всего, необходимо выявить несоответствия, которые связаны с особенностями использования техники и цифровых технологий. Анализируя изображение, можно определить модель камеры, с помощью которой оно было получено. Она имеет отличительные черты, которые помогут индивидуализировать синтезированные медиаданные. Изображение может характеризоваться несовместимостью с конкретной камерой и её техническими характеристиками.

Во-вторых, каждый фотоаппарат имеет свою так называемую «подпись устройства». Например, шумовой паттерн, который характерен для определенной модели. Сравнивая медиаданные с оригинальной камерой, можно безошибочно определить, с помощью какого фотоаппарата производилась съёмка.

В-третьих, развитие системы геолокации упростит определение точного местоположения, где была проведена фотосъемка, а различие в координатах реальной локации и сгенерированного видео или фото поможет в установлении его подлинности.

В-четвертых, время съёмки, именно так называемая временная метка позволяет с точностью определить этот показатель. Разница во временном формате – это один из основных признаков, который также способствует выявить синтезированы медиаданные или нет.

Ещё один важный момент, который необходимо использовать в рамках формирования криминалистической системы противодействия технологии синтезированных медиаданных (Deepfakes) – это комплексное использование всех предложенных методов.

В качестве средства борьбы с преступлениями, связанных с применением технологии дипфейк, целесообразно оперировать возможностями искусственного интеллекта. Это использование так называемых детекторов. Обобщая все информационные ресурсы и медиаданные, включая реальные и поддельные, можно сгенерировать систему анализа соответствия. Можно отметить, что для противодействия продуктам искусственного интеллекта необходимо использовать его возможности.

Можно также обращаться к системе криптографических учетных данных контента, которые позволяют выявить малейшие изменения и корректировку аутентичности. Все правки реализуются с помощью кадрирования или фильтров. Любое вмешательство будет связано с нарушением аутентичности, что приводит к несоблюдению единства медиафайла. Именно возможности искусственного интеллекта, возможностей анализировать, синтезировать информационные ресурсы позволят проверить соответствует или нет фото или видео достоверности.

Ещё одна важная составляющая общей системы выявления, предупреждения и пресечения противоправного использования технологии синтезированных медиаданных (Deepfakes) – это подготовка высококвалифицированных кадров для структуры правоохранительных органов. Прежде всего, необходимо провести корректировку учебной программы в рамках подготовки специалистов в области юриспруденции. Трансформация права в цифровую плоскость является новым вектором обучения, это, прежде всего, связано с тем, что необходимо ввести подготовку по направлению «цифровое право». Юрист должен не только уметь использовать информационные базы правовых данных, но и представлять, что из себя представляют современные информационно-телекоммуникационные технологии. Кроме того, особое место в системе обучения юристов в области цифровизации необходимо уделить изучению организации и работы компьютерных и информационных систем. Конечно, найдутся противники данной точки зрения. Основным доводом может служить тот факт, что появление автомобиля потребовало модернизации практически всей правовой системы, включая необходимость сначала правового регулирования безопасности дорожного движения, а затем и юристов, специализирующихся на изучении особенностей транспортных систем и технологий.

Несмотря на большое количество научной и методической литературы, в практической деятельности отмечается недостаток современных практик, ориентированных методических рекомендаций и методик расследования преступлений, совершаемых с использованием технологии синтезированных медиаданных (Deepfakes), в том числе экономической направленности.

Заключение

В заключение следует, что самыми перспективными криминалистическими методами будут являться:

- разработка, апробация и внедрение современных методов и методик расследования преступлений с использованием технологии синтезированных медиаданных (Deepfakes);
- обобщение и анализ имеющегося положительного опыта расследования преступлений определенного вида, направленных на противодействие преступным действиям;
- использование высокоэффективных программных и аппаратных комплексов расследования преступлений с использованием технологии синтезированных медиаданных (Deepfakes);
- совершенствование оперативно-розыскного законодательства в области расширения возможностей использования в оперативно-розыскной деятельности института содействия граждан, обладающих специальными знаниями и имеющих возможность эффективно добывать сведения, представляющих оперативный интерес в области использования технологии синтезированных медиаданных (Deepfakes).

Список литературы:

1. Владимиров В.Ю, Ермолова Е.И., Данилов И. А. Внутрикадровый монтаж фото- и видеоизображений с применением искусственного интеллекта как способ фальсификации доказательств // Развитие учения о противодействии расследованию преступлений и мерах по его преодолению в условиях цифровой трансформации: материалы Междунар. Науч.-практ. Конф. /под ред. Ю.В. Гаврилина, Ю.В. Шпагиной. М., – 2021. – С. 127-136.
2. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2021. – № 27 (часть II), – ст. 5351.
3. Владимир Путин выступил на ежегодном расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел России (Москва, 5 марта 2025 г.) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/deliberations%20/ (дата обращения: 27.11.2025).
4. Менжега, М. М. Искусственный интеллект: по обе стороны закона / М. М. Менжега // Российская правовая система: в поисках национальной идентичности : Сборник докладов XIV Московской юридической недели. В 6-ти частях, Москва, 26–29 ноября 2024 года. – Москва: Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), – 2025. – С. 105-109. – EDN QORIWC.
5. Бодров Н.Ф., Лебедева А.К. Понятие дипфейка (deepfake) в российском праве, его классификация и проблемы правового регулирования // Юридический вестник ДГУ. – 2023. Т. 48, – № 4 (68). – С. 173-181.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО, ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБОРОТА ЦИФРОВЫХ АКТИВОВ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ГАРМОНИЗАЦИИ

Болотова Биназира Болотовна
студент,
Кыргызско-Российского Славянского
Университета имени Б.Н. Ельцина,
Кыргызская Республика, г. Бишкек
E-mail: binazirabolotova@gmail.com

Байгазиева Дамира Мамытхановна
канд. юрид. наук,
Кыргызско-Российского Славянского
Университета имени Б.Н. Ельцина,
Кыргызская Республика, г. Бишкек
E-mail: damira103@mail.ru

LEGAL REGULATION OF DIGITAL ASSET TRANSACTIONS IN INTERNATIONAL LAW: CHALLENGES AND PROSPECTS FOR HARMONIZATION

Bolotova Binazira Bolotovna
Student,
Kyrgyz-Russian Slavic University named after B.N. Yeltsin,
Kyrgyz Republic, Bishkek

Baigazieva Damira Mamytkanovna
Candidate of Law Sciences,
Kyrgyz-Russian Slavic University named after B.N. Yeltsin,
Kyrgyz Republic, Bishkek

АННОТАЦИЯ

В данной статье проводится комплексный анализ современных вызовов и противоречий в сфере международно-правового регулирования оборота цифровых активов. Авторы исследуют фрагментированный характер подходов различных государств, и оценивают потенциал гармонизации на национальном и международном уровнях. Особое внимание уделяется таким аспектам, как квалификация цифровых активов (криптоактивы, токенизированные активы), проблема определения применимого права и юрисдикции, а также вопросы противодействия легализации доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма (ПОД/ФТ). Актуальность исследования обусловлена стремительным развитием цифровых финансовых технологий, которые опережают формирование унифицированных правовых рамок. В работе сделан вывод о необходимости разработки гибких международно-правовых стандартов, которые могли бы стать основой для совместимости национальных регуляторных режимов без подавления инновационного потенциала цифровой экономики. Использованы методы сравнительно-правового, системного и формально-юридического анализа.

ABSTRACT

This article provides a comprehensive analysis of the modern challenges and contradictions in the field of international legal regulation of digital asset transactions. The authors examine the fragmented nature of various national approaches, and assess the potential for harmonization at the national and international levels. Special attention is given to aspects such as the classification of digital assets (crypto-assets, tokenized assets), the problem of determining applicable law and jurisdiction, as well as issues of combating money laundering and terrorist financing (CML/TF). The relevance of the study is determined by the rapid development of digital financial technologies, which outpace the formation of unified legal frameworks. The paper concludes that it is necessary to develop flexible international legal standards that could serve as a basis for the compatibility of national regulatory regimes without suppressing the innovative potential of the digital economy. The research employs comparative legal, systemic, and formal legal analysis methods.

Библиографическое описание: Болотова Б.Б., Байгазиева Д.М. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБОРОТА ЦИФРОВЫХ АКТИВОВ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ГАРМОНИЗАЦИИ // Universum: экономика и юриспруденция : электрон. научн. журн. 2025. 1(135). URL: *https://7universum.com/ru/economy/archive/item/21527*

Ключевые слова: международное право, цифровые активы, криптоактивы, блокчейн, регулирование, гармонизация права, юрисдикция, ПОД/ФТ, смарт-контракты, Цифровые валюты центральных банков (CBDC).

Keywords: international law, digital assets, crypto-assets, blockchain, regulation, legal harmonization, jurisdiction, AML/CFT, smart contracts, Central Bank Digital Currencies (CBDC).

Введение

Стремительная цифровая трансформация глобальной экономической системы породила новый класс объектов гражданских прав – цифровые активы. Их возникновение и распространение знаменует собой начало новой эры в финансовых и правовых отношениях, характеризующейся децентрализацией, псевдоанонимностью и трансграничностью. Именно эти характеристики ставят под сомнение адекватность существующих норм международного частного и публичного права, сформированных в индустриальную эпоху и ориентированных на традиционные, локализованные в национальных правопорядках активы.

Проблема заключается в фундаментальном коллизионном противоречии: цифровые активы, по своей природе не признающие государственных границ, сталкиваются с регуляторными системами, основанными на принципах территориального суверенитета. Это порождает правовую неопределенность, создает риски для добросовестных участников оборота и затрудняет международное сотрудничество в области правоприменения. В настоящее время мировое сообщество столкнулось с ситуацией регуляторного вакуума, который постепенно заполняется разнонаправленными и зачастую взаимоисключающими инициативами на национальном уровне.

Целью данного исследования является выявление ключевых проблем международно-правового регулирования оборота цифровых активов и определение возможных путей его гармонизации. Для достижения данной цели поставлены следующие задачи:

Проанализировать и классифицировать существующие подходы к правовой квалификации цифровых активов в зарубежных и национальных юрисдикциях.

Исследовать коллизионные проблемы, связанные с определением применимого права и подсудности в спорах, касающихся цифровых активов.

Оценить эффективность современных международных стандартов в области ПОД/ФТ применительно к децентрализованным финансовым системам.

Сформулировать предложения по созданию гибкой международно-правовой модели регулирования, способной адаптироваться к дальнейшему технологическому развитию.

Научная новизна работы заключается в комплексном рассмотрении проблемы через призму не только частноправовых, но и публично-правовых аспектов международного права, включая вопросы юрисдикции, суверенитета и международной безопасности.

1. Квалификация цифровых активов в национальных правопорядках: источник коллизий

Первостепенной проблемой, с которой сталкивается любое международное регулирование, является отсутствие единого понимания правовой природы цифрового актива. Различные государства предпринимают попытки вписать новые технологические феномены в существующие правовые конструкции, что приводит к кардинально разным последствиям.

1.1. Подходы к определению правового статуса.

Можно выделить несколько доминирующих подходов:

Товар/Иное имущество (Property): Данный подход, характерный для правовых систем common law (например, отдельные штаты США), рассматривает криптоактивы как разновидность нематериального имущества. Это позволяет применять к ним традиционные нормы вещного права, однако вызывает сложности с определением момента перехода права собственности и защиты добросовестного приобретателя.

Цифровые финансовые активы (ЦФА): Подход, закрепленный в российском законодательстве, который выделяет цифровые активы в отдельную категорию прав, отличную от классических ценных бумаг или денежных суррогатов. Данная модель является прогрессивной, но ее изолированность затрудняет признание на международной арене.

Ценная бумага: Регуляторы многих стран, в частности Комиссия по ценным бумагам и биржам США (SEC), склонны квалифицировать ряд токенов, выпущенных в ходе ICO (Initial Coin Offering), как ценные бумаги. Это влечет за собой необходимость соблюдения жестких требований по раскрытию информации, регистрации и лицензированию, что не всегда соответствует экономической сути utility-токенов.

Виды денег или платежные инструменты: В таких юрисдикциях, как Япония и Швейцария, некоторые криптоактивы (например, Bitcoin) признаются законным средством платежа. Это влечет за собой применение к ним норм финансового регулирования и надзора.

Подобная классификационная фрагментация создает основу для юридических коллизий. Один и тот же цифровой актив может рассматриваться как товар в одной стране, ценная бумага – в другой, а в третьей – вообще не иметь правового статуса. Это порождает явление «регуляторного арбитража», когда эмитенты и площадки для торговли выбирают юрисдикцию с наиболее либеральным режимом, потенциально увеличивая системные риски.

2. Проблемы юрисдикции и применимого права в трансграничных спорах

Ключевым вызовом для международного частного права является вопрос: право какого государства подлежит применению к сделке с цифровым активом, и суды какой страны компетентны рассматривать возникший спор.

2.1. Коллизионные критерии и их неадекватность.

Традиционные коллизионные привязки, такие как lex loci actus (закон места совершения акта), lex

societatis (личный закон юридического лица) или lex monetae (закон валюты платежа), оказываются малопригодными. Место совершения сделки в децентрализованной сети определить практически невозможно, эмитент может быть анонимным или зарегистрированным в офшоре, а валюта платежа не является фиатной.

Суды различных стран пытаются выработать новые подходы, используя критерии:

Местонахождение биржи или провайдера услуг виртуальных активов.

Место жительства или нахождения владельца приватного ключа.

Центр основных коммерческих интересов стороны.

Однако ни один из этих критериев не является универсальным и общепризнанным. Это приводит к ситуации, когда несколько судов разных государств могут признать себя компетентными рассматривать один и тот же спор, либо, наоборот, отказаться от юрисдикции. Отсутствие единообразного подхода подрывает принцип правовой определенности – фундаментальный принцип как национального, так и международного права.

Список литературы:

1. G7 Working Group on Stablecoins. Investigating the impact of global stablecoins. – Bank for International Settlements, 2019.
2. Хохлов В. А. Обеспечение исполнения обязательств. Самара, 1997. С. 4–6;
3. Федеральный закон от 27.07.2006 N 149-ФЗ (ред. от 29.07.2017) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения 30.11.2025)
4. Треушников М.К. Судебные доказательства. 5-е изд., доп. М.: Издательский Дом «Городец», 2016. С. 90
5. Равал С. Децентрализованные приложения. Технология Blockchain в действии //СПб.: Питер, 2017. С.26
6. Карпов М. С. Гражданско-правовые меры оперативного воздействия. // М.: Статут, 2004. С. 42–43.
7. Гонгало Б. М. Обеспечение исполнения обязательств//. М.: Спарк, 1999. С. 59;

СУДЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ПРОКУРОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ПРАВОЗАЩИТНАЯ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

ОРГАНЫ СУДЕЙСКОГО СООБЩЕСТВА: ПОНЯТИЕ, ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ И ВИДЫ

Терентьева Евгения Александровна
ст. преп. Кафедры теории и истории права и государства,
Российский государственный университет
правосудия имени В.М. Лебедева,
РФ, г. Хабаровск

Бутова Кристина Романовна
бакалавр,
Российский государственный
университет правосудия имени В.М. Лебедева,
РФ, г. Хабаровск

BODIES OF THE JUDICIALCOMMUNITY: CONCEPT, PURPOSEANDTYPES

Terentyeva Evgeniya Aleksandrovna
Senior Lecturer,
Department of Theory and History of Law and State,
V.M. Lebedev Russian State University of Justice,
Russia, Khabarovsk

Butova Kristina Romanovna
Bachelor's Degree,
V.M. Lebedev Russian State University of Justice,
Russia, Khabarovsk

АННОТАЦИЯ

Деятельность органов судейского сообщества, будучи направленной на укрепление независимости судебной власти, обеспечение ее эффективного функционирования и повышение авторитета в обществе, требует тщательного нормативного регулирования. Важно подчеркнуть, что органы судейского сообщества не являются органами государственной власти и не подменяют их, а выступают в качестве самостоятельного механизма, обеспечивающего самоуправление

орпуса. Органы судейского сообщества, обладая определенным правовым статусом и осуществляя широкий спектр полномочий, являются неотъемлемым элементом правового государства, обеспечивающим независимость, эффективность и высокий профессионализм судебной власти. Созданная система органов судейского сообщества является важным условием формирования профессионального и компетентного судейского корпуса, способного обеспечить эффективную защиту прав и законных интересов граждан и организаций.

ABSTRACT

The activities of the judicial community bodies, being aimed at strengthening the independence of the judiciary, ensuring its effective functioning and increasing its authority in society, require careful regulatory regulation. It is important to emphasize that the bodies of the judicial community are not state authorities and do not replace them, but act as an independent mechanism ensuring the self-government of the judiciary. The bodies of the judicial community, having a certain legal status and exercising a wide range of powers, are an integral element of the rule of law, ensuring the independence, efficiency and high professionalism of the judiciary. The established system of judicial community bodies is an important condition for the formation of a professional and competent judicial corps capable of ensuring effective protection of the rights and legitimate interests of citizens and organizations.

Ключевые слова: судебное сообщество, совет, конгресс, комиссии, квалификация, экзамен
Keywords: judicialcommunity, council, congress, commissions, qualification, examination.

Библиографическое описание: Терентьева Е.А., Бутова К.Р. ОРГАНЫ СУДЕЙСКОГО СООБЩЕСТВА: ПОНЯТИЕ, ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ И ВИДЫ // Universum: экономика и юриспруденция : электрон. научн. журн. 2025. 1(135). URL: *https://7universum.com/ru/economy/archive/item/21535*

Формирование современной системы государственного управления связано с формированием судейского корпуса как особой организации, в работу которой не могут вмешиваться представители других ветвей власти. Исторически попытки создания органов управления судейским сообществом были предприняты вместе с формированием законодательства о статусе судей. В Законе СССР от 4 августа 1989 г. «О статусе судей в СССР» впервые были названы такие органы управления судейским сообществом как конференции и квалификационные коллегии судей. Были определены их задачи, раскрыт порядок формирования, полномочия и другие вопросы. В дальнейшем, в Законе РФ от 26 июня 1992 г. N 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» включена статья 17, предусматривающая образование органов судейского сообщества, включая Совет судей РФ, для выражения интересов судей. Совет функционировал до очередного Всероссийского съезда судей, на котором избирался новый состав. С момента принятия этого закона началось обсуждение необходимости принятия специального закона, определяющего статус органов судейского сообщества. Создание такого сообщества стало возможным с принятием Федерального закона от 14 марта 2002 года «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации». Его целью является обеспечение участия судей в управлении судебной деятельностью по всем аспектам обеспечения правосудия через создаваемые им органы. Благодаря полномочиям, возложенным на органы судейского сообщества по формированию судейского корпуса, участию в карьерном росте судей, привлечению их к дисциплинарной ответственности, участию в организационном и ином обеспечении деятельности судов, они стали важным элементов судебной системы. При этом они не приобрели статуса юридического лица, отражая интересы корпорации независимых профессиональных юристов, осуществляющих правосудие от имени государства.

Система органов судейского сообщества в России реализует следующие задачи:

- содействие в совершенствовании судебной системы и судопроизводства;
- защита прав и законных интересов судей;
- участие в организационном, кадровом и ресурсном обеспечении судебной деятельности, укрепление авторитета судебной власти, обеспечение соблюдения судьями требований российского законодательства.

Был определен перечень органов, который сформировал структурированную систему взаимодействия всего корпуса судей и руководящих органов. В него вошли Всероссийский съезд судей, конференции судей субъектов Российской Федерации, Совет судей Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, общие собрания судей судов, квалификационные и экзаменационные комиссии. Принципами их деятельности является коллегиальность, гласность, независимость, ответственность и др. Принцип коллегиальности предполагает, что органы судейского сообщества совместно принимают решения на основании изучения и обсуждения важных вопросов управления в сфере судопроизводства. Принцип гласности обязывает заседания совета судей проводить в режиме открытых совещаний. Хотя в некоторых случаях по мотивированному решению органов управления судейским сообществом заседания могут проводиться в закрытом режиме. Принцип независимости устанавливает принцип автономного существования судов и независимости самих судей. Вмешательство в их деятельность влечет применение мер публичной ответственности. Органы судейского сообщества выполняют функции по привлечению судей к мерам ответственности. Например, квалификационные коллегии судей рассматривают дела, связанные с применением мер ответственности в отношении судей в виде досрочного прекращения полномочий в результате совершения ими дисциплинарных проступков[3].

Деятельность каждого органа судейского сообщества регламентирована законом. Верховным органом судейского сообщества является Всероссийский съезд судей. Его делегатами могут стать судьи, направленные региональными объединениями судей. Они избираются согласно установленных квот для регионов. Съезд созывается Советом судей РФ раз в четыре года. Внеочередной съезд может быть созван по решению конференций судей, проведенных не менее чем в половине субъектов РФ. Съезд проводится под председательством Председателя Совета судей РФ.

Первый Всероссийский съезд судей состоялся в 1991 году по инициативе Председателя Верховного Суда РФ В. Лебедева, министра юстиции РФ Н. Федорова и группы судей (17-18 октября 1991 г.). X съезд судей состоялся 2022 г., разрешив ряд организационных вопросов, касающихся проблем организации работы судов, внедрения электронного правосудия и др.[2]

Для решения вопросов управления судейским сообществом между съездами специально формируется Совет судей РФ. Избрание каждого члена Совета происходит по определенной процедуре на основе представительства регионов. Совет судей избирается тайным голосованием на раздельных собраниях делегатов. Из членов Совета судей избирается Президиум, который по мере необходимости решает организационные вопросы, предусмотренные регламентом. Заседания Президиума проводятся не менее 4 раз в год.

Статья 10 Федерального закона, регулирующего деятельность органов судейского сообщества, определяет сферу полномочий советов судей. К ним относят:

- организация и проведение Всероссийского съезда судей;
- согласование кандидатуры на должность руководителя Судебного департамента при Верховном Суде РФ, а также его увольнение;
- заслушивание ежегодных отчетов о материально-техническом, кадровом и организационном обеспечении судов;

- проведение выборов судей для замещения вакантных мест в Высшей квалификационной коллегии судей РФ в период между съездами;
- избрание членов Высшей экзаменационной комиссии по приему квалификационного экзамена на должность судьи для замены выбывших в промежутках между съездами;
- анализ, систематизация и распространение передового опыта работы органов судейского сообщества, разработка предложений по повышению эффективности их деятельности;
- определение процедуры участия судей гарнизонных военных судов, находящихся за пределами территории РФ, в работе судейского сообщества субъектов РФ и др. [4]

На региональном уровне конференции судей субъектов РФ созываются советами судей соответствующих субъектов РФ по мере необходимости, но не реже одного раза в два года. Председателем конференции является председатель совета судей соответствующего субъекта РФ. Организация его работы строится по схеме, характерной для всероссийского совета судей. В России функционирует специализированная система органов судейского сообщества, состоящая из квалификационных коллегий судей. Эта система включает в себя Высшую квалификационную коллегию судей Российской Федерации и квалификационные коллегии судей субъектов РФ. Высшая квалификационная коллегия судей решает вопросы продвижения кадров среди судей федеральных судов. Региональные коллегии решают те же вопросы на уровне субъектов Федерации. Непосредственно они решают вопросы:

1) утверждения кандидатов на должность судьи, они проводят проверку личных данных;

2) утверждают руководителей судов различного уровня;

3) объявляют о наличии вакантных мест на должность судьи;

4) приостанавливают, возобновляют либо прекращают полномочия судей;

5) осуществляют квалификационную аттестацию судей с учетом их статуса;

6) дают заключения о возможности привлечения судей, пребывающих в отставке, к деятельности в судах.

Квалификационные коллегии судей субъектов РФ принимают решения в отношении судей верховных судов республик, краевых, областных и приравненных к ним судов, арбитражных судов субъектов РФ, мировых судей, судей районных и гарнизонных военных судов, действующих на территории субъекта, а также, в случаях, предусмотренных региональным законодательством, судей конституционных (уставных) судов субъектов РФ [5].

В состав органов судейского сообщества включены экзаменационные комиссии, порядок формирования которых регламентируется законодательством. Согласно установленным правилам, в состав комиссий входят:

1) Судьи судов общей юрисдикции и арбитражных судов. При этом, количество представителей от каждой из этих категорий должно быть одинаковым и составлять не менее 75% от общего числа членов комиссии.

2) Преподаватели юридических дисциплин из высших учебных заведений, научные сотрудники с ученой степенью в области юриспруденции, а также представители общероссийских юридических объединений, осуществляющие свою деятельность в комиссии на платной основе.

Экзаменационные комиссии проводят экзамены у кандидатов, претендующих на должность судьи. Кроме того, Высшая экзаменационная комиссия осуществляет общее и методическое руководство экзаменационными комиссиями субъектов Российской Федерации, дает разъяснения по поводу проведения экзаменов. Работу экзаменационной комиссии организует председатель. Заседания комиссии проводится по мере необходимости [3].

Таким образом, в Российской Федерации сформировался комплекс органов, составляющих профессиональное сообщество судей. Его можно представить как публичную корпорацию, имеющую особое положение, вытекающее из порядка формирования, организации и деятельности. Не имея статуса юридического лица, он решает внутренние вопросы работы судов и обеспечения корпоративной культуры судей.

Список литературы:

1. Постановление X Всероссийского съезда судей от 1 декабря 2022 г. N 1 «О развитии судебной системы Российской Федерации» // URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405810965/#review (дата обращения 11.12.2025)
2. Романовская О.В. Правовой статус органов судейского сообщества в Российской Федерации //Гражданин и право», N 7, июль 2015 г.
3. Бурашникова Н.А. Дисциплинарная функция органов судейского сообщества // журнал «Судья», N 1, январь 2021 г.
4. Клименко А. В. Зарождение и становление органов судейского сообщества в России, их развитие на современном этапе // NovaUm.Ru. 2024. № 49. С. 34-37.
5. Кашина, А. Д. Органы судейского сообщества в субъекте Российской Федерации: структура, практика функционирования и меры по совершенствованию законодательства // Парадигма. 2022. № 2-4. С. 3-16.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ, УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

КВАЛИФИЦИРУЮЩИЕ ОТЯГЧАЮЩИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА В ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ПРОТИВ ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА ПО УГОЛОВНОМУ ПРАВУ ВЬЕТНАМА

До Тхи Тхань Хуен
канд. юрид. наук,
профессор Юридического Факультета,
Народной Полицейской Академии,
Вьетнам, г. Ханой
E-mail: kikotia12@gmail.com

QUALIFYING AGGRAVATING CIRCUMSTANCES IN CRIMES AGAINST HUMAN LIFE UNDER VIETNAMESE CRIMINAL LAW

Do Thi Thanh Huyen
Candidate of Law, Professor, Faculty of Law,
People's Police Academy,
Vietnam, Hanoi

АННОТАЦИЯ

В статье анализируются квалифицирующие отягчающие обстоятельства в преступлениях против жизни человека по уголовному праву Вьетнама. Раскрывается их значение для дифференциации уголовной ответственности, выявляются проблемы правоприменения и формулируются предложения по совершенствованию законодательства.

ABSTRACT

This article analyzes qualifying aggravating circumstances in crimes against human life under Vietnamese criminal law. It clarifies their role in the differentiation of criminal liability, identifies problems in law enforcement practice, and proposes recommendations for improving criminal legislation.

Ключевые слова: убийство; квалифицирующие отягчающие обстоятельства; посягательство на жизнь; Уголовный кодекс.

Keywords: murder; qualifying aggravating circumstances; infringement of human life; Criminal Code.

В уголовном праве квалифицирующие отягчающие обстоятельства представляют собой юридические признаки, прямо предусмотренные законодателем в составе преступления, которые служат основанием для отнесения преступного деяния от основного состава к квалифицированному составу с более строгой санкцией. Эти обстоятельства отражают повышенную степень общественной опасности преступления по сравнению с обычным случаем и играют решающую роль при квалификации деяния, а также при определении подлежащей применению санкции в отношении лица, совершившего преступление.

Следует чётко разграничивать квалифицирующие отягчающие обстоятельства и обстоятельства, отягчающие уголовную ответственность, предусмотренные статьёй 52 УК Вьетнама 2015 года. В то время как обстоятельства, отягчающие уголовную ответственность, учитываются лишь на стадии назначения наказания и не влияют на изменение санкционного диапазона, квалифицирующие отягчающие обстоятельства являются обязательными признаками состава преступления в квалифицированной форме. Правильное установление таких обстоятельств имеет принципиальное значение для выбора соответствующей санкции, обеспечения принципа законности и индивидуализации уголовной ответственности.

С законодательно-догматической точки зрения квалифицирующие отягчающие обстоятельства конструируются на основе совокупности разнородных критериев, призванных обеспечить комплексное отражение степени общественной опасности преступного деяния. К числу таких критериев относятся: особо опасный характер способа и приёмов совершения преступления; причинение тяжких либо особо тяжких последствий; мотивы и цели преступления, свидетельствующие о высокой степени антисоциальной направленности и нравственной деградации виновного;

Библиографическое описание: До Т.Т. КВАЛИФИЦИРУЮЩИЕ ОТЯГЧАЮЩИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА В ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ПРОТИВ ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА ПО УГОЛОВНОМУ ПРАВУ ВЬЕТНАМА // Universum: экономика и юриспруденция : электрон. научн. журн. 2025. 1(135). URL: *https://7universum.com/ru/economy/archive/item/21668*

а также специальные характеристики потерпевшего, обусловливающие необходимость усиленной уголовно-правовой охраны. Интеграция указанных критериев позволяет законодателю осуществлять дифференциацию уголовной ответственности на основе принципов соразмерности и справедливости.

В правоприменительном аспекте квалифицирующие отягчающие обстоятельства выступают не только формально-юридическим основанием для перехода к более строгому санкционному уровню, но и выражают нормативно заданную оценку государства в отношении деяний, обладающих повышенной степенью общественной опасности. Их закрепление в уголовном законе направлено на усиление общей превенции и одновременно служит инструментом обеспечения справедливого реагирования на наиболее опасные посягательства на охраняемые уголовным правом общественные отношения, прежде всего в сфере защиты жизни человека.

2. В системе преступлений против жизни человека, установленной УК Вьетнама 2015 года, квалифицирующие отягчающие обстоятельства занимают ключевое место в механизме дифференциации уголовной ответственности, в особенности применительно к преступлению убийства. Законодательное закрепление данных обстоятельств обусловлено необходимостью адекватного отражения повышенной степени общественной опасности соответствующих деяний и служит основанием для применения более строгих уголовно-правовых санкций, что в конечном итоге обеспечивает реализацию принципов справедливости и неотвратимости наказания.

- Обстоятельства, характеризующие особо опасный способ совершения преступления. К числу наиболее значимых квалифицирующих отягчающих обстоятельств относятся обстоятельства, связанные со способом и средствами совершения убийства. Совершение убийства способом, потенциально способным повлечь гибель нескольких лиц, с использованием источников повышенной опасности либо отличающееся особой жестокостью, свидетельствует о крайне высокой степени пренебрежения ценностью человеческой жизни и основами общественной безопасности. В подобных ситуациях общественно опасные последствия не ограничиваются вредом, причинённым конкретному потерпевшему, а приобретают характер расширенного риска, затрагивающего неопределённый круг лиц.

Придание указанным признакам статуса квалифицирующих отягчающих обстоятельств отражает концептуальный подход законодателя, в рамках которого степень общественной опасности деяния рассматривается в качестве системообразующего критерия дифференциации уголовной ответственности. Тем самым уголовно-правовая оценка охватывает не только фактически наступившие последствия, но и потенциальную угрозу, объективно присущую способу совершения преступления.

- Группа обстоятельств, связанных с последствиями и масштабом посягательства. Наряду со способом и приёмами совершения преступления, последствия, причинённые деянием, выступают одним из ключевых критериев для конструирования квалифицирующих отягчающих обстоятельств в преступлениях против жизни человека. Случаи, повлёкшие гибель двух и более лиц либо причинившие особо тяжкие последствия для общества, характеризуются значительно более высокой степенью общественной опасности по сравнению с убийством одного лица при обычных условиях. В подобных ситуациях последствия подлежат оценке не только с точки зрения причинённого вреда жизни конкретных потерпевших, но и с позиции их более широкого социального резонанса, включая возникновение состояния тревожности, дестабилизацию общественного порядка и угрозу общественной безопасности. Установление последствий в качестве квалифицирующих отягчающих обстоятельств обеспечивает соразмерность между фактическим объёмом причинённого вреда и степенью уголовно-правового воздействия, применяемого к виновному.

- Группа обстоятельств, связанных с мотивами и целями преступления. Мотивы и цели совершения преступления относятся к субъективной стороне, однако обладают существенным значением для раскрытия сущности посягательства на жизнь человека. Такие обстоятельства, как совершение убийства по низменным побуждениям, из корыстных мотивов либо с целью сокрытия другого преступления, свидетельствуют о глубокой нравственной деградации личности виновного и выраженной антисоциальной направленности его поведения.

- Группа обстоятельств, связанных с особыми характеристиками потерпевшего. Самостоятельную группу квалифицирующих отягчающих обстоятельств образуют обстоятельства, обусловленные особыми характеристиками потерпевшего.

- Значение установления квалифицирующих отягчающих обстоятельств. Закрепление квалифицирующих отягчающих обстоятельств в составе преступлений против жизни человека имеет принципиальное значение для обеспечения справедливости и единообразия правоприменительной практики. Эти обстоятельства позволяют органам уголовного судопроизводства более точно оценивать степень общественной опасности деяния, предотвращая произвольное либо несоразмерное назначение наказания. Одновременно они способствуют усилению общего превентивного воздействия уголовного закона и подтверждают приоритетную роль охраны права на жизнь человека в системе уголовно-правовой политики Социалистической Республики Вьетнам.

3. Правоприменительная практика и отдельные проблемы. Анализ практики применения квалифицирующих отягчающих обстоятельств в преступлениях против жизни человека свидетельствует о том, что, несмотря на относительную полноту регулирования, предусмотренного УК Вьетнама 2015 года, в деятельности органов предварительного расследования, прокуратуры и суда по-прежнему сохраняется ряд существенных проблем. Указанные

затруднения обусловлены как особенностями нормативного содержания уголовно-правовых предписаний, так и условиями их практической реализации.

Прежде всего, одной из наиболее заметных проблем является отсутствие единообразия в понимании и применении квалифицирующих отягчающих обстоятельств различными органами уголовного судопроизводства. Ряд оценочных понятий, таких как «низменные побуждения», «особая жестокость», «хулиганский характер деяния», не получил достаточной конкретизации в разъясняющих актах, что приводит к различным подходам в судебной практике. В результате возникает риск несоразмерного и неоднородного определения санкционных рамок по делам, сходным по фактическим обстоятельствам.

Во-вторых, правоприменительная практика выявляет случаи смешения квалифицирующих отягчающих обстоятельств с обстоятельствами, отягчающими уголовную ответственность. В отдельных делах одно и то же обстоятельство одновременно используется для определения более строгого квалифицированного состава и учитывается повторно при назначении наказания. Такая практика создаёт угрозу нарушения принципов справедливости и индивидуализации уголовной ответственности и противоречит требованию недопустимости двойного учёта одного и того же обстоятельства при квалификации деяния и назначении наказания.

В-третьих, значительные трудности возникают при доказывании признаков субъективной стороны преступления, прежде всего мотивов и целей его совершения. Применение квалифицирующих отягчающих обстоятельств, связанных с мотивационной сферой виновного, требует особо взвешенного подхода к сбору и оценке доказательств, поскольку их необоснованное установление может повлечь нарушение прав и законных интересов лица, привлекаемого к уголовной ответственности.

Наконец, динамичное развитие общественных отношений и появление новых социальных контекстов преступного поведения создают дополнительные вызовы для применения традиционных квалифицирующих отягчающих обстоятельств. Отдельные посягательства на жизнь человека совершаются в условиях сложного взаимодействия технологических факторов и специфических социально-психологических процессов, в то время как действующее уголовное законодательство не всегда своевременно отражает данные изменения.

4. Выявленные в правоприменительной практике проблемы, связанные с использованием квалифицирующих отягчающих обстоятельств в преступлениях против жизни человека, свидетельствуют об актуальности дальнейшего совершенствования уголовного законодательства и повышения эффективности его реализации. Представляется целесообразным формулировать соответствующие предложения по двум основным направлениям: развитию нормативного регулирования и оптимизации организационно-практических механизмов правоприменения.

- требуется дальнейшее уточнение уголовно-правовых норм и разъясняющих актов, касающихся квалифицирующих отягчающих обстоятельств. В отношении оценочных понятий, таких как «низменные побуждения», «особо жестокий способ», «хулиганский характер деяния», необходимо их более детальное толкование, в том числе посредством принятия соответствующих постановлений Совета судей Верховного народного суда. Конкретизация содержания указанных категорий позволит существенно ограничить дискрецию правоприменителя и обеспечить единообразие судебной практики.
- необходимо чётко разграничивать квалифицирующие отягчающие обстоятельства и обстоятельства, отягчающие уголовную ответственность. Органы уголовного судопроизводства должны последовательно придерживаться принципа недопустимости использования одного и того же обстоятельства одновременно в целях определения квалифицированного состава преступления и в качестве основания для усиления наказания при его назначении. Соблюдение данного требования служит гарантией справедливости уголовно-правового реагирования и отражает сущность принципа индивидуализации уголовной ответственности, закреплённого в УК Вьетнама.
- представляется необходимым повышение качества деятельности органов расследования, прокуратуры и суда, прежде всего в части доказывания квалифицирующих отягчающих обстоятельств, относящихся к субъективной стороне преступления. Установление мотивов и целей совершения преступления должно основываться на совокупности объективных, всесторонне исследованных доказательств и исключать субъективные предположения. Это, в свою очередь, требует углублённой профессиональной подготовки правоприменителей в сфере оценки доказательств и построения юридически обоснованной аргументации.
- целесообразно активизировать обобщение судебной практики и развитие института судебных прецедентов по делам о преступлениях против жизни человека. Судебные прецеденты способны выполнять ориентирующую функцию при толковании и применении квалифицирующих отягчающих обстоятельств, способствуя формированию устойчивой и единообразной практики правоприменения на национальном уровне.

Реализация указанных предложений в их совокупности будет способствовать дальнейшему совершенствованию уголовного законодательства Вьетнама, повышению эффективности противодействия преступлениям против жизни человека и более надёжному обеспечению права на жизнь – основополагающего права человека в условиях правового государства.

Список литературы:

1. Национальное собрание Социалистической Республики Вьетнам. Конституция Социалистической Республики Вьетнам. Ханой, 2013.

2. Национальное собрание Социалистической Республики Вьетнам. Уголовный кодекс Социалистической Республики Вьетнам. Изд-во «Национальная политическая правда», Ханой, 2015.
3. Национальное собрание Социалистической Республики Вьетнам. Закон о внесении изменений и дополнений в отдельные статьи Уголовного кодекса Социалистической Республики Вьетнам 2015 года. Ханой, 2017.

ПРОБЛЕМЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА УГРОЗУ УБИЙСТВОМ: ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА, КВАЛИФИКАЦИЯ

Молев Геннадий Иванович
канд. юрид. наук, доц.
Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования
Пензенский государственный университет,
РФ, г. Пенза
E-mail: gmolev@mail.ru

Карташова Дарья Вячеславовна
студент,
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
Пензенский государственный университет,
РФ, г. Пенза
E-mail: daryakartashova18@gmail.com

PROBLEMS OF CRIMINAL LIABILITY FOR THREAT OF HOMICIDE: THEORY, PRACTICE, QUALIFICATION

Molev Gennady
Candidate of Law Sciences,
Docent of Penza state University,
Russia, Penza

Kartashova Darya
Student
of Penza state University,
Russia, Penza

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются теоретические и практические проблемы привлечения к уголовной ответственности за угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью по ст. 119 УК РФ. Анализируется отсутствие легального определения «угрозы убийством» и влияние данного обстоятельства на единообразие квалификации. Рассматриваются проблемы привлечения к уголовной ответственности за угрозу убийством. На основе анализа судебной практики формулируются выводы о типичных причинах квалификационных ошибок и обосновывается необходимость дальнейшего обобщения правоприменения по спорным ситуациям.

ABSTRACT

The article examines theoretical and practical issues related to bringing criminal liability for threats to kill or to cause grievous bodily harm under Article 119 of the Criminal Code of the Russian Federation. It analyzes the absence of a statutory definition of a “threat to kill” and the impact of this circumstance on the uniformity of legal qualification. The paper also addresses problems arising in the prosecution of threats to kill. Based on an analysis of judicial practice, conclusions are drawn about typical causes of qualification errors, and the need for further generalization of law enforcement practice in disputed situations is substantiated.

Ключевые слова: угроза убийством, угроза причинения тяжкого вреда здоровью; ст. 119 УК РФ, квалификация угрозы убийством, разграничение угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью.

Keywords: threat to kill; threat to cause grievous bodily harm; Article 119 of the Criminal Code of the Russian Federation; legal qualification of a threat to kill; delimitation between a threat to kill and a threat to cause grievous bodily harm.

Современное уголовное право призвано обеспечивать охрану личности не только от фактически причиняемого вреда, но и от опасных посягательств, создающих реальную угрозу жизни и здоровью. В этом контексте уголовно-правовая оценка угрозы убийством или причинением тяжкого вреда

Библиографическое описание: Молев Г.И., Карташова Д.В. ПРОБЛЕМЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА УГРОЗУ УБИЙСТВОМ: ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА, КВАЛИФИКАЦИЯ // Universum: экономика и юриспруденция : электрон. научн. журн. 2025. 1(135). URL: *https://7universum.com/ru/economy/archive/item/21660*

здоровью имеет принципиальное значение, поскольку затрагивает баланс между необходимостью своевременной защиты потерпевшего и недопустимостью необоснованного уголовного преследования [5, с. 138].

В практике расследования и рассмотрения дел судами зачастую отмечаются проблемы в сфере квалификации действий, выраженных в угрозе убийством или причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего. По мнению Д. А. Гарбатовича, «в практической деятельности немало случаев необоснованного осуждения лица, по сути, являвшегося невиновным, поскольку в процессе предварительного расследования неверно определялись форма вины либо мотивы и цели преступного деяния. Анализируя статистику, он констатирует, что удельный вес ошибок может достигать 40–50% в общей массе дел. Как правило, многие сложности обусловлены проблемами, связанными с разграничением угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью от смежных составов. Зачастую правоприменители сталкиваются с трудностями при разграничении угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью и обнаружения умысла» [7, с. 115].

Это подчеркивает острую необходимость системного анализа научных положений, обобщения данных из реальной правоприменительной практики и уточнения критериев квалификации подобных деяний. Такой подход способствует снижению вероятности ошибок при оценке угрозы, обеспечивает последовательность применения норм и повышает эффективность уголовно-правовой защиты личности [4, с. 121].

Уголовная ответственность за угрозу убийством или причинением тяжкого вреда закреплена в ст. 119 Уголовного кодекса РФ. Наказание наступает только при наличии условия – если были основания опасаться осуществления данной угрозы [1].

При установлении признаков преступления по вышеупомянутой статье УК РФ необходимо убедиться в том, что угроза была доведена до сведения потерпевшего и воспринята им как вызвавшая реальную тревогу. Также должно быть подтверждено наличие у пострадавшего объективных оснований опасаться её реализации. В то же время не каждое конфликтное высказывание приобретает уголовно-правовое значение – требуется установить воздействие на психику потерпевшего такого характера, которое объективно порождает у него обоснованный страх за жизнь или здоровье. Существенную роль играет определение субъективной стороны деяния: угроза должна быть сознательной и иметь целью внушить страх жертве. Отсутствие намерения запугать или исключительно эмоциональная реакция без целенаправленного устрашения затрудняет констатацию состава преступления.

В тексте ст. 119 УК РФ отсутствует легальное толкование понятия «угроза убийством». При раскрытии содержания необходимо учитывать разъяснения из Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 3 (2017 г.) (утвержден Президиумом ВС РФ 12.07.2017 г.): угроза может выражаться в любой форме, отсутствие вербального оформления не освобождает лицо от ответственности по ч. 1 рассматриваемой статьи [2]. В научных источниках под угрозой убийством понимают умышленное создание такой ситуации воздействия на человека, при которой он воспринимает намерение лишить его жизни или причинить тяжкий вред как реально осуществимое действие.

Следует отметить, что угроза убийством не должна полностью отождествляться с наличием умысла на совершение преступления. Её социальная вредоносность проявляется как в возможности отражения реальных намерений лица, так и в способности вызвать психологическую травму у потерпевшего. Юридическая квалификация такого деяния основывается на совокупности критериев, предусмотренных ст. 119 УК РФ, ключевым из которых является наличие у лица объективных оснований опасаться реализации данной угрозы [7, с. 299].

Угроза рассматривается как разновидность психологического насилия, т.е. преднамеренного воздействия на психику человека с целью внушения страха и подавления его воли [4, с. 122]. Она может выражаться не только устно или письменно – нередко угроза реализуется через демонстративные действия, например, показ орудий или предметов, которыми может быть причинено насилие с летальным исходом.

Особенно часто трудности возникают при анализе неконкретных высказываний без прямого содержания («я тебя убью»), но предполагающих угрозу («я тебя порешу», «тебе конец», «тебе крышка» и т.п.). В таких случаях для правовой оценки важно доказать направленное желание устрашить жертву посредством данного высказывания или действия, а также форму выражения – достаточно ли она весома для возникновения обоснованного страха за свою жизнь. Без учета контекста и дополнительных обстоятельств смысл подобных фраз не всегда позволяет однозначно сделать заключение о наличии угрозы именно убийством [6, с. 331–333].

Кроме того, следует учитывать значительную неопределённость толкования критерия ст. 119 УК РФ: формулировка о наличии оснований опасаться исполнения угрозы содержит существенный элемент субъективной оценки и по-разному трактуется как учёными-правоведами, так и судебной практикой [1; 4, с. 121]. Во многих случаях данные об обстоятельствах высказывания угрозы – место происшествия, способ выражения (включая уровень эмоционального напряжения), характер личных отношений между участниками конфликта, – оказываются недостаточными для однозначного вывода о существовании оснований опасаться исполнения данной угрозы. Зачастую решающим становится конкретное содержание сказанного и его восприятие потерпевшим как заявления о намерении лишить жизни. При этом официальные разъяснения относительно типичных спорных формулировок в правоприменительной практике до настоящего времени не даны.

Особого внимания заслуживает квалификация, изложенная в ч. 2 ст. 119 УК РФ. В данном случае повышенная уголовная ответственность наступает при наличии определённых отягчающих обстоятельств: если угроза высказана по мотивам ненависти или вражды, если она адресована лицу или его родственникам и связана с выполнением ими профессиональных обязанностей или гражданского долга, если угроза была доведена до потерпевшего открыто, в т.ч. через СМИ или посредством информационно-телекоммуникационных ресурсов, включая интернет-пространство [1]. Процессуальные трудности зачастую связаны с необходимостью доказывания не только основных признаков состава преступления, предусмотренных нормами ч. 1 указанной статьи (в частности, наличия оснований для опасений у потерпевшего), но и дополнительных квалифицирующих условий. Например, при инкриминировании публичности требуется обосновать общедоступный характер угрозы, уточнить её содержание и направленность на конкретное лицо, подтвердить факт доведения информации до потерпевшего и доказать наличие у него опасения [3, с. 546–556]. Что касается мотива ненависти или вражды, подлежит доказыванию именно внутренний побудительный мотив правонарушителя, а не просто принадлежность пострадавшего к определённой социальной группе. При указании на связь угрозы с профессиональной деятельностью или исполнением общественного долга необходимо установить причинно-следственную связь между профессией или общественной функцией потерпевшего и содержанием угрозы – одного лишь статуса пострадавшего как служащего, без конкретной связи между этим статусом и сутью деяния, недостаточно для квалификации по данной норме [4, с. 123].

Обобщение судебной практики позволяет выделить тенденцию, согласно которой при рассмотрении дел о высказывании неопределённых угроз убийством суд традиционно ориентируется на совокупность факторов: форму выражения угрозы, контекст конфликтной ситуации, специфику взаимоотношений между виновным лицом и пострадавшим.

Так, мировым судьей судебного участка № 6 Ханты-Мансийского судебного района ХМАО–Югры по делу № 1-25-2806/2023 установлено, что виновный, находясь в состоянии алкогольного опьянения, в ходе конфликта, нанося потерпевшей удары предметом, используемым в качестве оружия, высказывал угрозы убийством, в том числе в форме разговорного выражения «я тебя порешаю». С учетом совокупности обстоятельств суд пришел к выводу о наличии у потерпевшей оснований опасаться осуществления угрозы и квалифицировал содеянное по ч. 1 ст. 119 УК РФ [8].

Аналогичный подход прослеживается в приговоре мирового судьи судебного участка Верхнекетского судебного района Томской области по делу № 1-41/2023, где угроза была выражена словами «Я тебя убью и закопаю!» и сопровождалась физическим воздействием (сдавливанием шеи и прижатием к столу). В совокупности это позволило суду сделать вывод о наличии у потерпевшей объективных оснований опасаться осуществления угрозы и квалифицировать содеянное по ч. 1 ст. 119 УК РФ [9].

В обоих рассматриваемых случаях квалификация действий зависела от совокупности обстоятельств, при которых были высказаны угрозы. Однако уровень сложности правовой оценки значительно возрастает, если угрожающая сторона не применяет оружие или иные предметы, способные вызвать смерть, отсутствуют сведения о состоянии опьянения лица, а также нет данных о предшествующих конфликтах между участниками инцидента. В таких ситуациях особенно важно определить конкретные критерии для признания реальности опасений по поводу осуществления угрозы.

Проблема квалификации угрозы убийством, выраженной в нечёткой или неопределённой форме, во многом усугубляется недостатком судебных разъяснений. Такие разъяснения могли бы систематизировать подходы к анализу и оценке сложных случаев на основе существующей практики применения закона. Попытка расширить диспозицию ст. 119 УК РФ за счёт детального перечня возможных форм проявления угроз представляется малопродуктивной – это приведёт к чрезмерной детализации уголовно-правовой нормы и потребует её постоянного обновления из-за изменений в характере общественных коммуникаций.

В связи с этим более эффективным подходом можно считать подготовку комплексного обзора судебной практики по вопросам квалификации угроз убийством в неопределённой форме. Такой обзор должен охватывать ситуации без явных подтверждающих признаков реализации угрозы и включать примеры судебных решений по типичным спорным случаям. Особое внимание рекомендуется уделять анализу дел с использованием неопределённых выражений, разговорных оборотов и сленговых формулировок для обеспечения единообразия правоприменительной практики в аналогичных ситуациях.

Анализ рассмотренной проблематики позволяет заключить, что основные трудности, связанные с привлечением к уголовной ответственности по ст. 119 УК РФ за угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, обусловлены, прежде всего, оценочным содержанием критерия «если имелись основания опасаться осуществления этой угрозы», а также отсутствием четкого нормативного определения понятия самой угрозы. В результате принятие решений по таким делам во многом зависит от оценки конкретных обстоятельств инцидента: способа выражения угрозы, характера конфликта, действий обвиняемого, особенностей взаимоотношений между участниками. Наибольшие затруднения вызывают ситуации с использованием неконкретных формулировок, жаргонизмов или сленга, когда на основании только словесного содержания нельзя сделать однозначный вывод о наличии прямой угрозы жизни. Здесь существенное значение приобретают совокупные внешние

признаки и реакция потерпевшего на воспринимаемую опасность.

Дополнительные сложности возникают при рассмотрении квалифицированных составов (ч. 2 ст. 119 УК РФ), где, помимо установления базовых элементов, необходимо доказать наличие таких квалифицирующих признаков, как мотивы ненависти или вражды, связь угрозы с исполнением служебных обязанностей или общественного долга либо публичный характер высказывания. Это обуславливает необходимость более тщательного сбора доказательств и внимательной аргументации выводов.

С учётом изложенного, наиболее эффективным направлением совершенствования практики квалификации преступлений указанного вида представляется детализация разъяснений высших судебных инстанций и систематизация судебной практики по спорным случаям, особенно по тем эпизодам, где угроза выражена неясными фразами, без явных признаков реальной опасности. Такая работа позволит обеспечить большее единообразие в применении уголовного закона на практике и снизить вероятность ошибок при юридической оценке спорных ситуаций.

Список литературы:

1. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 17.11.2025) / Российская газета», N 113, 18.06.1996, N 114, 19.06.1996, N 115, 20.06.1996, N 118, 25.06.1996.
2. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 3 (2017)» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 12.07.2017) / «Бюллетень Верховного Суда РФ», N 9, сентябрь, 2018,
3. Александрова Э. Д. Криминализация общественно опасных форм преследования личности, совершаемых посредством угроз с использованием информационно-телекоммуникационных сетей // Виктимология. 2024. Т. 11, № 4. С. 546–556.
4. Зотов А.Ю. Проблемы квалификации угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, возникающие в современной следственной и судебной практике // Право и практика. 2022. №2. – С. 121-126
5. Мевлуд Д.Д., Григорий А.М. Уголовная ответственность за угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью // Вестник Московского университета МВД России. 2021. №3. – С. 138-141
6. Шигабетдинова, В. М. Проблемы квалификации угрозы убийством, носящей неопределенный характер / В.М. Шигабетдинова. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2023. — № 24 (471). — С. 331-333.
7. Гарбатович Д.А. Квалификация уголовно-правовых деяний по субъективной стороне: монография. М.: Юрлитинформ, 2022– 300с.
8. Приговор мирового судьи судебного участка № 6 Ханты-Мансийского судебного района ХМАО–Югры по делу № 1-25-2806/2023 от 26.10.2023.
9. Приговор мирового судьи судебного участка Верхнекетского судебного района Томской области по делу № 1-41/2023 от 28.11.2023

DOI: 10.32743/UniLaw.2026.135.1.21488

ПРОТИВОПРАВНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА

Корбут Наталья Викторовна
следователь,
СУ МУ МВД России «Красноярское»,
капитан юстиции,
РФ, г. Красноярск
E-mail: nat5886169@yandex.ru

UNLAWFUL USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE: CRIMINAL LAW ASSESSMENT

Korbut Natalia Viktorovna
Investigator,
Investigative Directorate of the Ministry
of Internal Affairs of Russia «Krasnoyarsk»,
Captain of Justice,
Russia, Krasnoyarsk

АННОТАЦИЯ

Современные технологии искусственного интеллекта (далее – ИИ) радикально меняют социальные отношения, включая сферу преступности. Противоправное использование ИИ проявляется в применении алгоритмов для совершения общественно опасных деяний, что создает вызовы для уголовного права Российской Федерации (далее - РФ). Актуальность темы обусловлена быстрым развитием нейронных сетей, способных генерировать дипфейки, автоматизировать мошенничество и проводить кибератаки, при отсутствии специализированных норм в Уголовном кодексе РФ (далее – УК РФ). Цель статьи – классифицировать виды преступлений с использованием ИИ и провести их уголовно-правовую оценку. Задачи включают анализ теоретических основ, обзор составов преступлений, оценку объективной и субъективной сторон, а также предложения по совершенствованию законодательства. Методология опирается на сравнительно-правовой анализ, доктринальные подходы и судебную практику. Исследование позволит выявить пробелы в правовом регулировании и обосновать меры противодействия.

ABSTRACT

Modern artificial intelligence (AI) technologies are radically changing social relations, including the field of crime. The unlawful use of AI manifests itself in the use of algorithms to commit socially dangerous acts, which poses challenges to the criminal law of the Russian Federation (hereinafter – RF). The relevance of this topic is due to the rapid development of neural networks capable of generating deepfakes, automating fraud, and conducting cyberattacks, despite the absence of specialized provisions in the Criminal Code of the Russian Federation (hereinafter – CCRF). The purpose of this article is to classify the types of crimes using AI and conduct a criminal legal assessment of them. The objectives include an analysis of theoretical foundations, a review of the elements of crimes, an assessment of the objective and subjective aspects, and proposals for improving legislation. The methodology is based on comparative legal analysis, doctrinal approaches, and judicial practice. The study will identify gaps in legal regulation and substantiate countermeasures.

Ключевые слова: преступление; искусственный интеллект; противоправность; киберпреступления; наказание; состав преступления.

Keywords: crime; artificial intelligence; illegality; cybercrime; punishment; elements of the crime.

Искусственный интеллект представляет собой систему, имитирующую когнитивные функции человека, включая обучение, анализ данных и принятие решений на основе алгоритмов машинного обучения. В уголовном праве ИИ выступает не субъектом, а орудием или средством совершения преступления, поскольку лишен воли и умысла. Доктрина отличает “слабый” ИИ (специализированные алгоритмы) от “сильного” (самообучающиеся системы), подчеркивая риск автономных действий, но исключая их правосубъектность.

Это порождает множество правовых вопросов, особенно в сфере уголовной ответственности за действия, совершаемые автономными системами. В доктрине имеется несколько подходов к определению ответственности за действия, совершенные системой ИИ. Один из таких подходов заключается

Библиографическое описание: Корбут Н.В. ПРОТИВОПРАВНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА // Universum: экономика и юриспруденция : электрон. научн. журн. 2025. 1(135). URL: *https://7universum.com/ru/economy/archive/item/21488*

в том, что оператор систем, то есть лицо, осуществляющее их эксплуатацию, контроль или обслуживание, оказывается в фокусе дискуссий о том, кто должен нести ответственность в случае причинения вреда [1].

В ходе изучения было отмечено, что автономные системы ИИ способны принимать решения и действовать без непосредственного вмешательства человека, что ставит под вопрос применимость классических правовых конструкций. [2, с.233] Например, в случае ДТП с участием беспилотного автомобиля или ошибочного медицинского диагноза, поставленного системой ИИ, возникает проблема установления виновного лица: является ли им собственник технологии, разработчик, пользователь или же сама система [3, с. 63].

Эволюция норм УК РФ отражает цифровизацию: статьи 272–274 регулируют компьютерные преступления, ст. 159 – мошенничество, ст. 238 – ненадлежащие услуги. Однако эти нормы не учитывают специфику ИИ, такую как генеративные модели (ChatGPT, Midjourney), усиливающие общественную опасность. Теоретическая база требует введения конструктивных признаков, дополняющих “использование информационных технологий” упоминанием ИИ. В российском законодательстве отсутствуют нормы, регулирующие статус операторов ИИ, однако, общие положения уголовного закона могут быть применены к их действиям. Например, статья 274 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) предусматривает ответственность за нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации, если это повлекло причинение существенного вреда. Указанное означает, что оператор может быть привлечен к ответственности, если будет доказано, что вред возник вследствие несоблюдения им установленных регламентов, а не из-за программной ошибки [4; 3].

Понятие противоправности ИИ определяется нарушением охраняемых благ: имущества, информационной безопасности, жизни и здоровья. Объект преступления – общественные отношения в сфере высоких технологий, субъект – физическое лицо (пользователь, разработчик), осознающее алгоритмическую природу действий.

Можно отметить следующие виды преступлений с использованием ИИ.

Классификация преступлений строится по объекту посягательства и способу реализации ИИ.

Первая группа – экономические преступления.

К ним относятся: мошенничество (ст. 159 УК РФ): ИИ генерирует дипфейки видео/голоса для обмана жертв, имитируя родственников или чиновников. Например, аудиоклоны голоса для выманивания денег, квалифицируемые как особо крупный размер при ущербе свыше 1 млн руб; Кража и грабеж (ст. 158, 161 УК РФ): например: автоматизированные боты взламывают счета клиентов банковских организаций.

Вторая группа – киберпреступления. К ним относятся: неправомерный доступ (ст. 272 УК РФ): например, ИИ проводит атаки или генерирует вредоносный код, также к данной группе относятся такие преступления, как создание вредоносных программ (ст. 273 УК РФ), например, нейросети пишут вирусы. Нарушение работы систем (ст. 274 УК РФ).

Третья группа – преступления против личности и общества. К ним относятся такие преступления, как причинение вреда жизни/здоровью (ст. 109, 118 УК РФ). Например, автономный транспорт на ИИ вызывает аварии по алгоритмической ошибке; ответственность на разработчике/владельце; Оказание услуг, не отвечающих требованиям (ст. 238 УК РФ), например, некачественные ИИ-диагнозы в медицине или кредитный скоринг, дискриминирующий группы.

Четвертая группа – новые угрозы: дезинформация (фейковые новости от ИИ), подделка документов, террористическая пропаганда. Эти деяния усиливают квалификацию как группа лиц или с использованием служебного положения.

Объективная сторона характеризуется действием (ввод данных в ИИ, запуск алгоритма) и последствиями (ущерб). Каузальная связь усложнена “черным ящиком” ИИ: алгоритмы непрозрачны, требуют тщательного анализа. Квалифицирующие признаки: крупный ущерб, трансграничный характер (ИИ-серверы).

Субъективная сторона – прямой умысел пользователя, предвидящего риски ИИ. Разработчики несут ответственность за небрежность (ст. 293 УК РФ), если алгоритм предсказуемо опасен. ИИ не субъект, отсутствует вина, но усиливает отягчающие обстоятельства (ч. 2–4 ст. 63 УК РФ). Важным аспектом является установление причинно-следственной связи между действиями оператора и наступившими последствиями. Например, если оператор не обеспечил своевременное обновление программного обеспечения или проигнорировал признаки сбоя в работе системы, его бездействие может быть расценено как преступная халатность по статье 293 УК РФ [5, с. 28].

Рассматривая правоприменительную практику, следует отметить, что большинство преступлений, совершаемых с использованием ИИ, квалифицируется по ст. 159 УК РФ.

Противоправное использование ИИ порождает новые виды преступлений, требующие адаптации уголовного права: от мошенничества до кибератак. Уголовно-правовая оценка фокусируется на человеке как субъекте, с учетом алгоритмических рисков. Совершенствование включает новые составы и экспертизу, обеспечивая баланс инноваций и безопасности. Перспективы – гармонизация норм с глобальными стандартами для минимизации угроз.

Список литературы:

1. Ответственность искусственного интеллекта в правовом поле // URL: https://dgtlaw.ru/analytic/otvetstvennost-iskusstvennogo-intellekta-v-pravovom-pole (дата обращения: 01.12.2025).

2. Цирхова К. В. ПРОБЛЕМА ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА КАК СУБЪЕКТА УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ // Научный Лидер. 2025. №32 (233). URL: https://scilead.ru/article/9829-problema-iskusstvennogo-intellekta-kak-subekt (дата обращения: 01.12.2025).
3. Папышева Елена Сергеевна, Искусственный интеллект и уголовная ответственность: проблемы привлечения (сравнительно-правовой анализ), International Criminal Law and International Justice № 03/2023.
4. Criminal Liability of Artificial Intelligence. Charles University in Prague Faculty of Law Research Paper No. 2023/III/3.
5. Евсеев А. П. (2025). «Прекрасное далеко»? Искусственный интеллект и международные преступления. Журнал ВШЭ по международному праву (HSE University Journal of International Law), 3(1), 4–28.
6. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : федер. Закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ ред. от 24.02.2021. // Режим доступа. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 02.12.2025 г.)

DOI: 10.32743/UniLaw.2026.135.1.21516

К ВОПРОСУ О НОВЫХ ПОЛОЖЕНИЯХ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА ВЬЕТНАМА 2015 ГОДА (В РЕДАКЦИИ 2025 ГОДА) И НАПРАВЛЕНИЯ ЕГО ДАЛЬНЕЙШЕГО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Ле Ван Кам (Ле Кам)
д-р юрид. наук, проф.,
Хошиминский городской юридический университет,
Вьетнам, г. Хошимин,
E-mail: levancam54@gmail.com

Нгуен Нгок Киен
канд. юрид. наук, доц.,
Юридический университет,
Университет Хюэ,
Вьетнам, г. Хюэ,
E-mail: kiennn@hul.edu.vn

ON THE NEW PROVISIONS OF THE 2015 CRIMINAL CODE OF VIETNAM (AS AMENDED IN 2025) AND THE DIRECTIONS FOR ITS FURTHER IMPROVEMENT

Le Van Cam (Le Cam)
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Ho Chi Minh City University of Law,
Vietnam, Ho Chi Minh

Nguyen Ngoc Kien,
Candidate of Legal Sciences (PhD),
Associate Professor,
School of Law, Hue University,
Vietnam, Hue

АННОТАЦИЯ

Уголовный кодекс 2015 г., претерпел ряд изменений и дополнений, наиболее заметными из которых являются закон о внесении изменений и дополнений № 12/2017/QH14 и, совсем недавно, Закон № 86/2025/QH15, который вступил в силу с 1 июля 2025 г. Эти поправки стали важным шагом в совершенствовании уголовной политики Вьетнама в направлении гуманизации, обеспечения прав человека и соответствия требованиям борьбы с преступностью в новой ситуации. В статье анализируются основные положения УК 2015 г., внесенные в него поправками, включая положение об уголовной ответственности коммерческих юридических лиц, расширение случаев исключения уголовной ответственности, сужение сферы применения смертной казни (особенно отмена смертной казни за определенные преступления, связанные с национальной безопасностью, и преступления, связанные с наркотиками, предусмотренные законом № 86/2025/QH15), декриминализирующий определенные деяния и в то же время криминализирующий новые опасные деяния (такие как незаконное употребление наркотиков). Исходя из этого, в статье предлагается направление совершенствования уголовного законодательства в ближайшее время с целью соответствия требованиям построения и совершенствования социалистического правового государства Вьетнама в духе резолюции XIII съезда партии и Постановления Центрального исполнительного комитета № 27-NQ/TW от 11 сентября 2022 г.

ABSTRACT

The 2015 Criminal Code has undergone several amendments and supplements, the most notable of which are the Law Amending and Supplementing Certain Articles No. 12/2017/QH14 and, more recently, Law No. 86/2025/QH15, which entered into force on 1 July 2025. These amendments constitute an important step in improving Vietnam's criminal policy toward greater humanization, the protection of human rights, and alignment with the demands of crime prevention and control in the new context. This article analyzes the key provisions introduced into the 2015 Criminal Code by these amendments, including regulations on the criminal liability of commercial legal entities, the expansion of circumstances excluding criminal liability, the narrowing of the scope of the death penalty (particularly the abolition of the death penalty

Библиографическое описание: Ле В.К., Нгуен Н.К. К ВОПРОСУ О НОВЫХ ПОЛОЖЕНИЯХ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА ВЬЕТНАМА 2015 ГОДА (В РЕДАКЦИИ 2025 ГОДА) И НАПРАВЛЕНИЯ ЕГО ДАЛЬНЕЙШЕГО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ // Universum: экономика и юриспруденция : электрон. научн. журн. 2025. 1(135). URL: *https://7universum.com/ru/economy/archive/item/21516*

for certain national security-related offenses and drug-related offenses under Law No. 86/2025/QH15), the decriminalization of certain acts, and, at the same time, the criminalization of new dangerous behaviors (such as the unlawful use of narcotics). Based on these developments, the article proposes directions for further improvement of Vietnam's criminal legislation in the near future to meet the requirements of building and perfecting a socialist rule-of-law state in accordance with the spirit of the 13th National Party Congress and Resolution No. 27-NQ/TW of the Central Executive Committee dated 11 September 2022.

Ключевые слова: уголовный кодекс; уголовная политика; гуманитарные принципы; коммерческие юридические лица; смертная казнь; судебная реформа.

Keywords: Criminal Code; criminal policy; humanitarian principles; commercial legal entities; death penalty; judicial reform.

Введение

Уголовное право является одним из важнейших инструментов государства в деле защиты социалистического строя, прав человека, гражданства, обеспечения равноправия среди соотечественников народов, защиты интересов государства, организаций и граждан, а также способствует сохранению национальной безопасности, обеспечению социальной порядок и безопасность [16, С. 17-31]. В условиях растущей международной интеграции и развития страны в направлении индустриализации, модернизации построение и доработка уголовно-правовой системы в соответствии с практическими требованиями является стратегически важной задачей [6, С. 34]. Постановлением Политбюро № 49-NQ/TW от 6 февраля 2005 г. о стратегии судебной реформы до 2020 г. было установлено требование доработать уголовную политику в направлении гуманизации, повышения эффективности профилактики и доброжелательности в обращении с правонарушителями. УК 2015 г., принятый Национальной ассамблеей XIII созыва 27 ноября 2015 г., знаменует собой новое событие в истории уголовного законодательства Вьетнама, содержащее множество новаторских положений, особенно впервые в истории предусматривающих уголовную ответственность коммерческих юридических лиц [17]. Позже этот кодекс был изменен и дополнен Законом № 12/2017/QH14 [13] от 20 июня 2017 г. с целью устранения технических ошибок и доработки некоторых необоснованных нормативных актов. В частности, 25 июня 2025 г., XV Национальным собранием XV созыва принят Закон № 86/2025/QH15, изменяющий и дополняющий некоторые статьи УК, который вступает в силу с 1 июля 2025 г., продолжая совершенствовать уголовную политику в направлении большей гуманности, лучшего обеспечения прав человека и соответствия требованиям борьбы с преступностью в новой ситуации.

Документ XIII съезда [4] партии определил направление*: «продолжать строить судебную систему Вьетнама профессионально, современно, справедливо, строго, служить отечеству и народу».* В постановлении Центрального исполнительного комитета № 27-NQ/TW [2] от 11 сентября 2022 г. о продолжении строительства и совершенствования социалистического правового государства во Вьетнаме в новый период также подчеркивалось требование *«совершенствовать политику и законы, касающиеся судебной системы, обеспечивать уважение и защиту прав человека и гражданина»* [7, С. 1-7]. В то же время, 20 октября 2025 г., премьер-министр издал постановление № 2321/QD-TTg о плане разработки проекта УК (с поправками) [1] с целью институционализации политики партии и Конституции, доработки Национальной уголовной политики, создания единой, синхронной, прозрачной, жизнеспособной системы уголовного правосудия. Система уголовного права, которая, как ожидается, будет представлена на рассмотрение XVI курса Национального собрания, вступит в силу в 2027 г. В этом контексте изучение новых положений УК 2015 г. путем внесения поправок и предложения направлений дальнейшего совершенствования имеет глубокое логическое и практическое значение. Данная статья посвящена анализу фундаментальных новелл УК 2015 г. (с изменениями, внесенными в 2017, 2025 г.), оценке значения этих поправок в реализации уголовной политики партии и государства и предложению направлений совершенствования уголовного законодательства в ближайшее время [5].

Содержание

Одной из самых новаторских новелл УК 2015 [12] г. (с поправкой в 2017 г. [15]) является то, что впервые в истории уголовного законодательства Вьетнама была введена уголовная ответственность коммерческих юридических лиц. По мнению авторов, это радикальное изменение в уголовно-законодательном мышлении, соответствующее тенденциям развития мирового уголовного права и отвечающее практическим требованиям борьбы с преступностью в условиях социалистически ориентированной рыночной экономики. П. 2 ст. 2 УК 2015 г. гласит: *«Уголовной ответственности подлежит только коммерческое юридическое лицо, совершившее преступление, предусмотренное статьей 76 настоящего Кодекса».*

Ст. 75 УК 2015 г. предусматривает четыре условия привлечения коммерческих юридических лиц к уголовной ответственности: *(1) преступление, совершенное от имени коммерческих юридических лиц; (2) преступление, совершенное в интересах коммерческих юридических лиц; (3) преступление, совершенное под руководством, управление коммерческими юридическими лицами или их одобрение; (4) срок давности привлечения к уголовной ответ-*

ственности. Тот факт, что ответственность за уголовную ответственность несет коммерческое юридическое лицо, не исключает уголовной ответственности физического лица, что воплощает в себе принцип персонализации уголовной ответственности и обеспечения всеохватности при расследовании преступлений.

В соответствии со ст. 76 УК 2015 г. коммерческие юридические лица привлекаются к уголовной ответственности за 33 преступления трех основных групп: нарушения порядка ведения экономики (22 преступления), экологические преступления (9 преступлений) и нарушения общественной безопасности, общественного порядка (2 преступления). Система санкций, применяемых к юридическим лицам, совершающим преступления, включает три основных вида наказания (штрафы, приостановление ограниченной деятельности, приостановление постоянной деятельности), три дополнительных вида наказания (запрет на ведение бизнеса, запрет на привлечение капитала, штрафы, если они не применяются в качестве основного наказания) и судебные меры. По оценке авторов, данное постановление создало прочную правовую основу для борьбы с серьезными правовыми нарушениями, совершаемыми коммерческими юридическими лицами, особенно в экономической и экологической сферах, способствуя повышению эффективности борьбы с преступностью и защите порядка государственного управления [10, С. 605].

УК 2015 г. значительно усовершенствовал законодательную практику, выделив исключения из уголовной ответственности в отдельную главу (гл. IV). В дополнение к череде четырех случаев исключения уголовной ответственности в соответствии с положениями УК 1999 г. (непредвиденные обстоятельства, невозможность привлечения к уголовной ответственности, законная оборона, чрезвычайная ситуация), УК 2015 г. добавил три новых случая: причинение ущерба при задержании преступника (ст. 24), риски, связанные с исследованиями, испытаниями, применением достижений научно-технического прогресса (ст. 25) и выполнением приказов командира или вышестоящего начальства (ст. 26).

Положения о законной обороне, содержащиеся в ст. 22 УК 2015 г., продолжают подтверждать: *«Законная оборона – это действия лица по защите своих законных прав или интересов, других лиц или интересов государства, органов и организаций, которые оказывают необходимое сопротивление лицу кто нарушает вышеупомянутые интересы. Надлежащая оборона – это не преступление».* Авторы утверждают, что расширение случаев исключения уголовной ответственности выражает прогрессивные взгляды государства на защиту законного права граждан на самооборону, поощряет мужество в борьбе с преступностью в обществе и защищает тех, кто совершает вредные действия в особых ситуациях, разрешенных законом.

В частности, добавление регулирования рисков при проведении исследований, испытаний, применении достижений научно-технического и технологической прогресса имеет важное значение в контексте бурно развивающейся Четвертой промышленной революции. Это создает благоприятные условия для того, чтобы ученые и предприниматели могли смело внедрять инновации, не опасаясь привлечения к уголовной ответственности, когда в процессе исследований и применения новых технологий возникают неизбежные риски.

УК 2015 г., реализовал политику отказа от криминализации определенных деяний, которые в нынешних условиях социально-экономического развития уже не представляют существенной опасности для общества. В частности, кодекс отменил 11 преступлений по сравнению с УК 1999 г., которые являются типичными: обвинения в клеветнической деятельности (ст. 83), обвинения в незаконной регистрации брака (ст. 149), обвинения в незаконном предпринимательстве (ст. 159), обвинения в умышленном нарушении государственных правил ведения экономики, повлекшем тяжкие последствия. (ст. 165) и обвинения в ложной отчетности в сфере управления экономикой (ст. 167). В области управления экономикой кодекс декриминализировал обвинения, предусмотренные в гл. XVIII выше, что свидетельствует о корректировке уголовной политики в соответствии с требованиями развития рыночной экономики и международной интеграции.

Кроме того, УК 2015 г. ввел уголовную ответственность за многие новые деяния, представляющие опасность для общества, что отвечает требованиям борьбы с преступностью в новой ситуации. Глава XVIII о нарушениях порядка ведения хозяйственной деятельности добавила 16 новых преступлений, в том числе нарушения многоуровневого регулирования предпринимательской деятельности (ст. 217а), дополненная Законом № 12/2017/QH14. Кроме того, кодекс также дополняет и дорабатывает положения о преступлениях в области высоких технологий, включая такие преступления, как: производство, покупка, обмен или безвозмездная передача инструментов, оборудования, программного обеспечения для незаконного использования (ст. 285), распространение компьютерных программ, наносящих вред работе компьютерных сетей, телекоммуникационных сетей, электронных средств массовой информации (ст. 286), преступление, заключающееся в воспрепятствовании или нарушении функционирования компьютерных сетей, телекоммуникационных сетей, электронных средств массовой информации (ст. 287), а также в использовании компьютерных сетей, телекоммуникационных сетей, электронных средств присвоения активов (ст. 290).

Принцип гуманности является одним из основополагающих принципов уголовного права Вьетнама, вытекающим из добрых традиций народа и идеи Хо Ши Мина о правах человека. УК 2015 г., глубоко институционализировал этот принцип посредством многих прогрессивных положений. Ст. 40 кодекса не предусматривает смертной казни для лиц, не достигших 18-летнего возраста на момент совершения преступления, беременных женщин или

женщин, воспитывающих детей в возрасте до 36 месяцев на момент совершения преступления или судебного разбирательства, а также лиц в возрасте до 75 лет и старше на момент совершения преступления или судебного разбирательства. Судебный процесс. В то же время кодекс не предусматривает смертной казни для лиц, приговоренных к смертной казни по обвинению в растрате имущества, получении взяток, которые после вынесения обвинительного приговора активно возвращали по меньшей мере три четверти похищенного имущества, получали взятки и активно сотрудничали с властями в выявлении, расследовании, обращении с преступлениями. Преступления или совершение крупных общественных работ. В то же время кодекс не предусматривает смертной казни для лиц, приговоренных к смертной казни по обвинению в растрате имущества, получении взяток, которые после вынесения обвинительного приговора активно возвращали по меньшей мере три четверти похищенного имущества, получали взятки и активно сотрудничали с властями в выявлении, расследовании, обращении с преступлениями. Преступления или совершение крупных общественных работ.

УК 2015 г. также сократил количество преступлений, караемых смертной казнью, с 22 преступлений (согласно УК 1999 г.) до 18 преступлений. Сужение сферы применения смертной казни представляет собой тенденцию к гуманизации уголовной политики нашей партии и государства в соответствии с общей тенденцией международного уголовного права. Кроме того, кодекс также расширяет сферу применения наказаний, не связанных с лишением свободы, таких как штрафы, продление срока содержания под стражей за менее тяжкие преступления, выражая мнение об ограничении срока тюремного заключения, предоставляя правонарушителям возможность исправиться, исправить ошибки и реинтегрироваться в общество.

Гуманитарный принцип также выражен в положениях об обращении с несовершеннолетними, совершающими преступления (от ст. 91 до ст. 107), в направлении воспитания в качестве основного, а также в положениях об освобождении от уголовной ответственности, освобождении от наказаний, отсрочке исполнения приговоров, сокращении сроков исполнения наказаний. Наказания, освобождение из тюрьмы до истечения условного срока и снятие уголовных обвинений. Авторы отметили, что эти положения отражают особое внимание государства к защите прав уязвимых лиц в обществе и в то же время демонстрируют добрую волю в уголовной политике, направленную не только на наказание, но и на предоставление возможности преступнику возместить ущерб.

В 25 июне 2025 г., Национальное собрание XV созыва приняло Закон № 86/2025/QH15 [14], изменяющий и дополняющий некоторые статьи УК, вступающий в силу с 7.01.2025 г. Это важный шаг в продолжении гуманизации уголовной политики Вьетнама. Наиболее ярким нововведением этого закона является отмена смертной казни за 08 преступлений, включая: *(1) преступление, связанное с операцией по свержению народного правительства (ст. 109); (2) преступление, связанное со шпионажем (ст. 110); (3) преступление, связанное с саботажем государственной власти. Материально-технические средства государства (ст. 114); (4) преступление, связанное с производством и продажей контрафактных товаров в качестве лекарственных средств, профилактических препаратов (ст. 194).; (5) преступление, связанное с незаконной перевозкой наркотиков (ст. 250); (6) преступление, связанное с растратой имущества (ст. 353); (7) преступление, связанное с получением взяток (ст. 354); (8) преступление, связанное с подрывом мира, развязыванием агрессивной войны (ст. 421).*

С отменой смертной казни за вышеупомянутые 08 преступлений общее количество преступлений, караемых смертной казнью, в УК сократилось с 18 до 10 преступлений. Это важный шаг вперед, демонстрирующий приверженность Вьетнама делу сужения сферы применения смертной казни в соответствии с общей тенденцией развития международного уголовного права и международными нормами в области прав человека. Авторы считают, что отмена смертной казни за растрату имущества и вину в получении взяток не означает, что государство легкомысленно относится к коррупционным преступлениям, а напротив, демонстрирует прогрессивную уголовную политику, поощряет правонарушителей активно устранять последствия и возвращать коррумпированные активы.

Закон также предусматривает, что лицо, которое было приговорено к смертной казни до 1 июля 2025 г., но не привело приговор в исполнение за 08 из вышеуказанных преступлений, будет приговорено к пожизненному заключению по решению председателя Верховного народного суда. Это представляет собой принцип в пользу преступника, указанный в ст. 7 УК. В то же время закон предусматривает, что правонарушители, которые присваивают имущество или получают взятки, могут быть привлечены к ответственности только в том случае, если не менее 75% похищенного имущества было возвращено, они получили взятку и активно сотрудничали с властями или добились «больших успехов». Это положение демонстрирует сочетание гуманитарных принципов с требованием о возвращении коррумпированных активов, способствуя повышению эффективности предупреждения коррупции и борьбы с ней.

Законом № 86/2025/QH15 внесены поправки в положение о случаях неисполнения смертной казни, которые являются более широкими по сравнению с действующим положением. Соответственно, смертная казнь не применяется в отношении осужденного, если она относится к одному из следующих случаев: *(1) беременные женщины или женщины, воспитывающие детей в возрасте до 36 месяцев; (2) люди в возрасте 75 лет и старше; (3) люди с неизлечимой стадией рака.* Включение дела о людях с неизлечимой формой рака в список случаев неисполнения смертной казни демонстрирует глубокую

гуманность уголовного законодательства Вьетнама, основанного на понимании того, что приведение в исполнение смертного приговора в отношении неизлечимо больных людей больше не означает сдерживания и не соответствует традиционной этике нация страны.

Одним из важных новых положений Закона № 86/2025/QH15 является добавление ст. 256a, касающейся обвинений в несанкционированном употреблении наркотиков. Следует отметить, что УК 1999 г. когда-то содержал положения об этом преступлении, но с 2009 г. они были исключены и не включены в УК 2015 г. Возрождение этого вида преступности связано с практикой борьбы с преступностью и наркопреступностью последних лет, когда административных санкций оказалось недостаточно для сдерживания.

Однако правонарушение, связанное с несанкционированным употреблением наркотиков, распространяется не на всех лиц, употребляющих наркотики без разрешения, а только на четыре конкретных случая: (*1) находящихся в процессе реабилитации от наркозависимости или лечения наркомании с помощью заменителей наркотиков; (2) находящихся в процессе приема после реабилитации от наркозависимости; (3) находящиеся в течение двух лет с даты истечения срока приема после наркологической реабилитации и в течение срока приема неавторизованных потребителей наркотиков; (4) в течение двух лет после добровольного прекращения употребления наркотиков или лечения наркомании альтернативными препаратами.* Наказание за это преступление составляет от двух до трех лет тюремного заключения, в случае рецидива – лишение свободы на срок от трех до пяти лет.

Закон также ужесточает наказание для других наркопреступников. В частности, за преступление, связанное с незаконным производством наркотиков (ст. 248), преступление, связанное с незаконной перевозкой наркотиков (ст.250), преступление, связанное с незаконным сбытом наркотиков (ст. 251), преступление, связанное с организацией незаконного употребления наркотиков (ст. 255), начальный срок наказания в п. 1 был увеличен с от 02 до 03 лет тюремного заключения. Авторы утверждают, что ужесточение санкций в отношении наркопреступников необходимо для обеспечения сдерживания в соответствии с особой опасностью этого вида преступлений для общественного здравоохранения, безопасности и общественного порядка.

Признавая важность защиты окружающей среды и здоровья населения, Закон № 86/2025/QH15 повысил уровень наказаний за некоторые экологические преступления и за безопасность пищевых продуктов. За преступление, связанное с загрязнением окружающей среды (ст. 235, согласно новому проекту, - сброс опасных отходов с целью загрязнения окружающей среды, чтобы конкретизировать правонарушение и лучше отличать его от административных правонарушений), уровень тюремного заключения в пункте 1 был увеличен с 03 месяцев до 02 лет и с 01 года до 3 года размер штрафа также был увеличен с 50 млн. донгов до 500 млн. донгов, с 300 млн. донгов до 3 млн. донгов. Аналогичным образом, нарушение правил обращения с опасными отходами (ст. 236) также влечет за собой ужесточение наказаний, при этом максимальное тюремное заключение может составлять до 15 лет.

За нарушение правил безопасности пищевых продуктов (ст. 317) срок тюремного заключения, начиная с п. 1, был увеличен с 01 г. до 02 лет. Усиление санкций за экологические преступления и нарушение безопасности пищевых продуктов демонстрирует решимость государства защищать окружающую среду и здоровье людей в соответствии с политикой партии и государства в области устойчивого развития. Авторы оценивают это как необходимую и своевременную корректировку, способствующую повышению осведомленности правоохранительных органов об охране окружающей среды и безопасности пищевых продуктов среди организаций и отдельных лиц в обществе.

Закон о ювенальной юстиции (Закон № 59/2024/QH15), принятый Национальным собранием 30 ноября 2024 г. и вступающий в силу с 01 января 2026 г., внес важные изменения и дополнения в УК, касающиеся обращения с несовершеннолетними, совершающими преступления. Этот закон предусматривает порядок переадресации, наказания несовершеннолетних, совершающих преступления; судебное разбирательство в отношении несовершеннолетних; приведение в исполнение приговоров к тюремному заключению, реинтеграцию несовершеннолетних в общество. Этот закон основан на принципах гуманности, прогресса и особенностей защиты несовершеннолетних в сфере уголовного правосудия, включая: обеспечение наилучших интересов; обеспечение дружественного разбирательства; равное обращение; право на полную и своевременную информацию; обеспечение права иметь представителей; быстрое и своевременное урегулирование; приоритезацию применения навигационной обработки; применение соответствующих штрафных санкций и других принципов. В частности, закон уделяет приоритетное внимание обращению с переадресованными лицами, а не криминализации несовершеннолетних, совершающих преступления, выражая прогрессивные взгляды на обращение с несовершеннолетними в целях их образования, реабилитации и реинтеграции в общество. По мнению авторов, закон о ювенальной юстиции является конкретизацией гуманитарной политики партии и государства в уголовной политике по отношению к несовершеннолетним в соответствии с международными нормами о правах ребенка, в частности Конвенцией Организации Объединенных Наций о правах ребенка. Применение этого закона будет способствовать лучшей защите законных прав и интересов несовершеннолетних, а также облегчит их образование, реабилитацию и реинтеграцию в общество.

Анализируя новые пункты УК 2015 г. (с поправками, внесенными в 2017, 2025 г.), можно отметить следующие выдающиеся достижения:

Во-первых, уголовная политика была усовершенствована в направлении гуманизации, сужения

сферы применения смертной казни, расширения случаев освобождения от уголовной ответственности, облегчения возможности обновления и реинтеграции общества. Отмена смертной казни за 08 преступлений в соответствии с Законом № 86/2025/QH15 является наглядной демонстрацией этой тенденции.

Во-вторых, положение об уголовной ответственности коммерческих юридических лиц создало важную правовую основу для борьбы с серьезными правовыми нарушениями, совершаемыми юридическими лицами, особенно в экономической и экологической сферах. Это соответствует тенденциям развития мирового уголовного права и требованиям международной интеграции.

В-третьих, в кодекс были оперативно добавлены новые положения о борьбе с преступлениями, особенно в сфере высоких технологий, в сфере финансов, ценных бумаг и страхования, отвечающие требованиям борьбы с преступностью в контексте Четвертой промышленной революции и широкой международной интеграции.

В-четвертых, некриминализация определенных деяний больше не представляет существенной опасности для общества, выражая прогрессивные, гибкие взгляды законодателя на корректировку уголовной политики в соответствии с социально-экономическим развитием страны.

В дополнение к достижениям, достигнутым за более чем 8 лет применения, УК 2015 г. (с поправками и дополнениями в 2017, 2025 г.) по-прежнему выявляет некоторые недостатки и проблемы, которые нуждаются в дальнейшем изучении и совершенствовании:

Во-первых, некоторые нормативные акты являются слишком строгими, количественный уровень денежных средств напрямую связан с преступностью, чтобы установить базовые рамки, рамки наказания не соответствуют колебаниям цен и текущей ситуации социально-экономического развития, что приводит к деяниям, уязвимым для уголовной ответственности, не демонстрирующим снисходительности и гуманности [8, С. 1-5].

Во-вторых, не существует механизма устранения уголовной ответственности за риск в случае тестирования новых технологий, новых бизнес-моделей на соответствие требованиям к инновациям и креативности в духе Резолюции № 57-NQ/TW [3] о прорывных научных разработках, технологиях, инновациях и национальной цифровой трансформации [9, С. 1-12].

В-третьих, правоприменительная практика показала, что некоторые действия опасны для общества, имеют признаки преступления, но еще не квалифицированы как преступления, например, сброс сточных вод в окружающую среду при очень большом транспортном потоке, но без превышения экологических параметров, превышающих норму. В то же время многие положения об уголовной ответственности являются слишком мягкими, недостаточно сдерживающими, не соответствующими ситуации совершения преступления.

В-четвертых, применение некоторых положений на практике по-прежнему затруднено из-за несогласованного понимания между ведомствами, проводящими разбирательства, в некоторых законах отсутствуют подробные руководящие документы.

При доработке УК в ближайшее время необходимо тщательно изучить руководящие взгляды партии и государства на судебную реформу, строительство и завершение строительства социалистического правового государства. В резолюции XIII съезда партии было определено *«строить и совершенствовать социалистическое правовое государство чистым, сильным, бережливым, эффективным и действеной для служения народу и развития страны»*. В постановлении Центрального исполнительного комитета № 27-NQ/TW от 11 сентября 2022 г. была подчеркнута цель: *«базовое завершение строительства профессиональной юстиции, современной, справедливой, строгой, неподкупной, служение Отечеству, служение народу, защита правосудия, защита прав человека, гражданских прав»*. В соответствии с Решением премьер-министра № 2321/QD-TTg от 20 октября 2025 г. о планах по разработке проекта УК (поправки), доработка УК должна привести к достижению следующих целей: *(1) институционализация политики партии и Конституции, обеспечение содержания УК. УК в соответствии с духом судебной реформы; (2) завершение разработки Национальной уголовной политики, создание единой, синхронной и прозрачной уголовно-правовой системы, возможно; (3) обеспечение прав человека, гражданских прав, обновление уголовного законодательства в направлении гуманизма, защита основных прав, расширение неуголовных средств правовой защиты; (4) в соответствии с международной практикой и международной интеграцией, обновление и усвоение международных правовых норм.*

На основе анализа текущей ситуации и проблем авторы предлагают несколько направлений для доработки УК в будущем, а именно:

Общий принцип: продолжать совершенствовать положения о принципе борьбы с преступлениями в более гуманном направлении, сочетая наказание и воспитание, перевоспитывая правонарушителей. Необходимы дополнительные исследования по исключению уголовной ответственности за риски при тестировании новых технологий, новых бизнес-моделей в духе Постановления № 57-NQ/TW, создающего благоприятную правовую среду для инноваций.

О системе наказаний: продолжать совершенствовать систему наказаний в направлении минимизации тюремного заключения, расширяя сферу применения наказаний без лишения свободы. Необходимо скорректировать количественный уровень денежных средств в уголовных компонентах в соответствии с колебаниями цен и ситуацией социально-экономического развития. Исследование добавляет новые формы наказания в соответствии с тенденцией модернизации уголовного законодательства, такие как труд на общественных началах, электронное наблюдение и др.,[11, С. 156-166].

По конкретным преступлениям: добавление новых преступлений для борьбы с опасным поведением в новых обществах, особенно в сфере высоких технологий, цифровых финансов, электронной коммерции, защиты персональных данных. В то же время, пересмотр и регулирование экологических преступлений и безопасности пищевых продуктов в целях усиления санкций для обеспечения сдерживания. Рассмотрим возможность некриминализации определенных форм поведения, которые больше не представляют существенной опасности для общества в условиях текущего социально-экономического развития.

Об уголовной ответственности коммерческих юридических лиц: исследование расширяет круг преступлений, за которые коммерческие юридические лица подлежат уголовной ответственности, особенно в сфере высоких технологий, защиты персональных данных, кибербезопасности. Дополнить систему санкций, применяемых к юридическим лицам, совершающим преступления, обеспечивая сдерживание и осуществимость на практике.

Что касается обращения с несовершеннолетними правонарушителями: продолжается доработка положений об обращении с несовершеннолетними правонарушителями с целью определения приоритетности применения специальных мер обращения, содействия образованию, реабилитации и реинтеграции в общество, обеспечения соблюдения закона о ювенальной юстиции в 2024 году и международных стандартов в области прав ребенка.

О законодательной технике: совершенствование законодательной техники в направлении ясности, прозрачности, легкости для понимания и применения. Преодоление качественных нормативных актов, вызывающих трудности в применении на практике. Синхронный выпуск документов, регулирующих реализацию, для обеспечения единообразного применения уголовного законодательства по всей стране.

Заключение

УК 2015 г. (с изменениями и дополнениями в 2017 г., 2025 г.) знаменует собой важное событие в истории уголовного законодательства Вьетнама, содержащее множество новаторских положений, демонстрирующих новаторство правового мышления и отвечающих практическим требованиям борьбы с преступностью в новой ситуации. Основные моменты включают: регулирование уголовной ответственности коммерческих юридических лиц впервые в истории; расширение случаев освобождения от уголовной ответственности; сужение сферы применения смертной казни с 18 до 10 преступлений; добавление новых преступлений, связанных с использованием высоких технологий, наркопреступлениями; и усилить санкции за экологические преступления, безопасность пищевых продуктов. Поправки и дополнения к Уголовному кодексу институционализировали путь, уголовную политику партии и государства, направленную на гуманизацию, обеспечение прав человека и гражданина, а также соответствие требованиям международной интеграции и борьбы с преступностью в новых условиях. Отмена смертной казни за 08 преступлений в соответствии с Законом № 86/2025/QH15 является наглядным проявлением этой тенденции и демонстрирует приверженность Вьетнама соблюдению международных стандартов в области прав человека. Однако, помимо достижений, в УК все еще есть некоторые недостатки, требующие дальнейшего совершенствования, в том числе: некоторые нормативные акты являются слишком строгими или слишком мягкими, что не соответствует практике; количественный уровень денежных средств не соответствует колебаниям цен; отсутствует механизм исключения уголовной ответственности за риски, связанные с инновациями; а некоторые опасные для общества деяния не квалифицируются как преступные. Запланированная премьер-министром разработка проекта (поправки) УК, который, как ожидается, будет представлен Национального собрания на XVI съезде в 2027 г., станет важной возможностью для дальнейшего совершенствования уголовной политики Вьетнама. В процессе доработки УК необходимо тщательно изучить руководящие взгляды партии на построение социалистического правового государства, судебную реформу в соответствии с резолюцией № 27-NQ/TW и документом XIII съезда партии. Необходимо обеспечить баланс между требованием борьбы с преступностью и требованием защиты прав человека и гражданина; между целостностью закона и гуманностью в уголовной политике. В то же время необходимо выборочно перенимать опыт уголовного законодательства стран, обеспечивая соответствие практическим условиям Вьетнама и международным обязательствам, участником которых Вьетнам является. Благодаря постоянным усилиям по совершенствованию уголовного права Вьетнам постепенно создает современную уголовно-правовую систему, гуманитарную, эффективную, способствующую надежной защите социалистического режима, защите прав человека, гражданских прав, поддержанию национальной безопасности, обеспечению порядка, социальной защищенности, служащую индустриализации, модернизации страны и обширному развитию. Международная интеграция.

Список литературы:

1. Chính phủ. Quyết định số 2321/QĐ-TTg về việc ban hành Kế hoạch xây dựng dự án Bộ luật Hình sự (sửa đổi). – Hà Nội, 20.10.2025.
2. Đảng Cộng sản Việt Nam. Nghị quyết số 27-NQ/TW về tiếp tục xây dựng và hoàn thiện Nhà nước pháp quyền xã hội chủ nghĩa Việt Nam trong giai đoạn mới. – Hà Nội, 09.11.2022.
3. Đảng Cộng sản Việt Nam. Nghị quyết số 57-NQ/TW về đột phá phát triển khoa học, công nghệ, đổi mới sáng tạo và chuyển đổi số quốc gia. – Hà Nội, 22.12.2024.

4. Đảng Cộng sản Việt Nam. Văn kiện Đại hội đại biểu toàn quốc lần thứ XIII. T. 1-2. – Hà Nội: Nhà xuất bản Chính trị quốc gia Sự thật, 2021.
5. Khổng Vũ Hà, Trần Văn Dũng. Nghiên cứu một số giải pháp hoàn thiện xây dựng pháp luật theo định hướng không hình sự hóa quan hệ dân sự, kinh tế // Pháp lý. – 2025. /[Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: https://phaply.net.vn/nghien-cuu-mot-so-giai-phap-hoan-thien-xay-dung-phap-luat-theo-dinh-huong-khong-hinh-su-hoa-quan-he-dan-su-kinh-te-a260796.html (Дата обращения 25.08.2025).
6. Le Cam. Completing the Legislation of Crime in Vietnam's Current Criminal Law // VNU Journal of Science: Legal Studies. – 2018. – T. 34, № 1. /[Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: https://doi.org/10.25073/2588-1167/vnuls.4136 (Дата обращения 25.09.2025).
7. Lê Cảm, Đinh Thế Hưng. Hoàn thiện hệ thống pháp luật hình sự Việt Nam theo tinh thần Nghị quyết Đại hội XIII của Đảng // Tạp chí Kiểm sát. – 2022. - № 01/2022. – C. 1-7.
8. Lê Cảm. Các quy phạm về miễn hình phạt trong pháp luật hình sự Việt Nam hiện hành và định hướng tiếp tục hoàn thiện // Tạp chí Nghề luật. – 2020. - № 1/2020. – C. 1-5.
9. Lê Cảm. Cơ sở, điều kiện của trách nhiệm hình sự và định hướng hoàn thiện // Tạp chí Kiểm sát. – 2020. - № 6/2020. – C. 1-12.
10. Lê Văn Cảm, Trịnh Tiến Việt. Giáo trình Luật hình sự Việt Nam: Phần chung. – Hà Nội: Nhà xuất bản Đại học Quốc gia Hà Nội, 2023. – 605 c.
11. Nguyen Ngoc Kien, Chu Van Hung. Development and improvement of the punishment system in the context of Vietnam’s criminal legislation // Gosudarstvo i pravo. – 2022. - № 8. – C. 156-166.
12. Quốc hội. Bộ luật Hình sự 2015 (100/2015/QH13). – Hà Nội, 27.11.2015.
13. Quốc hội. Luật số 12/2017/QH14: Luật sửa đổi, bổ sung một số điều của Bộ luật Hình sự số 100/2015/QH13. – Hà Nội, 2017.
14. Quốc hội. Luật số 86/2025/QH15: Luật sửa đổi, bổ sung một số điều của Bộ luật Hình sự năm 2015. – Hà Nội, 2025.
15. Quỳnh Vũ. Những điểm mới cơ bản của Bộ luật Hình sự năm 2015 (sửa đổi, bổ sung năm 2017) // Dân chủ & Pháp luật. – 2017. /[Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: https://danchuphapluat.vn/nhung-diem-moi-co-ban-cua-bo-luat-hinh-su-nam-2015-sua-doi-bo-sung-nam-2017-3832.html (Дата обращения 15.10.2025).
16. Trần Quang Toàn. New trends in the development of Vietnamese criminal law and some notable issues // VNU Journal of Science: Legal Studies. – 2024. – T. 40, № 2. – C. 17-31. /[Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: https://doi.org/10.25073/2588-1167/vnuls.4652 (Дата обращения 18.10.2025).
17. Trần Thanh Thảo, Trần Trung Hiếu. Phạm vi chịu trách nhiệm hình sự của pháp nhân trong pháp luật hình sự một số quốc gia và những gợi mở cho Việt Nam // Tạp chí Khoa học Pháp lý Việt Nam. – 2025. /[Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: https://khoahocphaplyvietnam.edu.vn/khplvn/article/view/300/202 (Дата обращения 05.11.2025).

НОРМАТИВНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ТЕРРОРИЗМА В УГОЛОВНОМ КОДЕКСЕ ВЬЕТНАМА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ

Чан Куанг Хьеу
преподаватель
Юридического Факультета,
Академия Народной Безопасности,
Вьетнам, г. Ханой
E-mail: tranquanghieub12@gmail.com

REGULATORY FRAMEWORK OF THE CRIME OF TERRORISM IN THE CRIMINAL CODE OF VIETNAM: THEORY AND LAW ENFORCEMENT PRACTICE

Tran Quang Hieu
Lecturer,
Faculty of Law,
People's Security Academy,
Vietnam, Hanoi

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются положения Уголовного кодекса Вьетнама 2015 года, регулирующие уголовную ответственность за терроризм. Анализируются понятие и юридические признаки терроризма, а также разграничение терроризма и преступлений против народной власти. Выявляются проблемы правоприменения, включая установление цели преступления, отграничение от иных насильственных деяний и современные вызовы, связанные с развитием технологий и обеспечением прав человека.

ABSTRACT

This article examines the provisions of the 2015 Criminal Code of Vietnam governing criminal liability for terrorism. It analyzes the concept and legal characteristics of terrorism, as well as the distinction between terrorism and crimes directed against the people's government. The article identifies key law enforcement challenges, including the determination of the criminal purpose, the differentiation of terrorism from other violent crimes, and contemporary issues arising from technological development and the need to ensure human rights.

Ключевые слова: терроризм; национальная безопасность; Уголовный кодекс Вьетнама; уголовная ответственность.

Keywords: terrorism; national security; Criminal Code of Vietnam; criminal liability.

В условиях глобализации и роста угроз нетрадиционного характера терроризм становится одной из наиболее серьезных опасностей для национальной безопасности, общественного порядка и безопасности, а также для жизни и здоровья человека. В системе особо тяжких преступлений терроризм справедливо рассматривается как одно из наиболее опасных деяний, поскольку посягает одновременно на ряд важнейших общественных отношений и оказывает масштабное дестабилизирующее воздействие на общественную жизнь. В целях противодействия терроризму в новых условиях УК Вьетнама 2015 года закрепил состав преступления терроризма в статье 299, тем самым создав важную правовую основу для выявления и уголовно-правовой оценки данного вида преступлений.

В соответствии с положениями Уголовного кодекса Вьетнама под преступлением терроризма представляются деяния, выражающиеся в применении насилия, угрозе применения насилия либо использовании иных способов, направленных на создание состояния паники и страха среди населения, посягательство на жизнь, здоровье, свободу человека либо на имущество государственных органов, организаций и частных лиц. Ключевым элементом данного преступления является не сам по себе акт насилия, а цель – вызвать общественную панику, парализовать нормальную жизнедеятельность общества и дестабилизировать общественный порядок и безопасность. В отличие от многих преступлений против жизни, здоровья или собственности, терроризм ориентирован не только на причинение непосредственного материального вреда, но и на достижение широкого психологического эффекта в обществе. Именно данный элемент «психологического террора» придает преступлению терроризма особый характер и обусловливает необходимость специфического подхода как при формировании состава преступления, так и при назначении уголовного наказания.

2. Юридические признаки преступления терроризма

Библиографическое описание: Чан К.Х. НОРМАТИВНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ТЕРРОРИЗМА В УГОЛОВНОМ КОДЕКСЕ ВЬЕТНАМА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ // Universum: экономика и юриспруденция : электрон. научн. журн. 2025. 1(135). URL: *https://7universum.com/ru/economy/archive/item/21669*

• Объект преступления. Преступление терроризма прежде всего посягает на общественную безопасность и общественный порядок, которые являются базовыми условиями стабильности и устойчивого развития общества. Одновременно посредством конкретных преступных деяний терроризм непосредственно затрагивает такие охраняемые уголовным законом блага, как жизнь, здоровье и свобода человека, а также имущество государства, организаций и частных лиц. Посягательство одновременно на несколько объектов уголовно-правовой охраны свидетельствует об особо высокой степени общественной опасности терроризма по сравнению с иными преступлениями, предусмотренными уголовным законодательством.

• Объективная сторона преступления терроризма выражается в совершении действий, связанных с применением насилия, угрозой применения насилия либо использованием иных способов, способных вызвать состояние паники и страха среди населения. К таким действиям могут относиться убийство, причинение тяжкого вреда здоровью, захват заложников, уничтожение имущества, а также угроза совершения указанных деяний. Характерной особенностью объективной стороны состава терроризма является публичный характер деяния либо его способность оказывать широкий социальный резонанс, в результате чего страх и чувство незащищенности выходят за пределы непосредственных потерпевших и распространяются на общество в целом. Во многих случаях наступление конкретных последствий, таких как гибель людей или причинение имущественного ущерба, не является обязательным признаком состава преступления. Достаточно, чтобы угроза или иное деяние по своему характеру было способно вызвать состояние общественной паники, чтобы оно могло быть квалифицировано как терроризм. Данный подход отражает превентивную направленность уголовного законодательства Вьетнама в отношении данного особо опасного вида преступлений.

• Субъектом преступления терроризма является физическое лицо, обладающее уголовной дееспособностью и достигшее возраста уголовной ответственности в соответствии с общими положениями Уголовного кодекса. На практике террористические преступления нередко совершаются организованными группами, с участием нескольких лиц и даже с транснациональным элементом. Однако уголовное законодательство Вьетнама не предусматривает для данного состава специального субъекта, ограничиваясь требованием наличия у виновного способности осознавать характер своих действий и руководить ими.

• С субъективной стороны преступление терроризма всегда совершается с прямым умыслом. Лицо, совершающее преступление, осознает общественно опасный характер своих действий, предвидит возможность или неизбежность возникновения паники и страха среди населения и желает либо сознательно допускает наступление таких последствий. Цель создания общественной паники является обязательным признаком, позволяющим отграничить терроризм от иных насильственных преступлений. В случае если насильственные действия не направлены на запугивание общества и не преследуют цель вызвать состояние массового страха, они не могут квалифицироваться как терроризм и подлежат уголовно-правовой оценке по иным соответствующим составам преступлений.

3. Разграничение преступления терроризма и терроризма, направленного против народной власти. Уголовный кодекс Вьетнама 2015 года предусматривает два самостоятельных состава террористических преступлений: терроризм (статья 299 УК Вьетнама) и терроризм, направленный против народной власти (статья 113 УК Вьетнама). Такое законодательное разграничение отражает дифференцированный подход к уголовно-правовой оценке террористической деятельности в зависимости от характера и степени ее общественной опасности и имеет принципиальное значение для правильной квалификации деяний и справедливого назначения наказания.

Ключевое различие между указанными составами проявляется, прежде всего, в объекте преступного посягательства. Терроризм по статье 299 УК Вьетнама посягает главным образом на общественную безопасность и общественный порядок, а также на основные права человека, вызывая состояние массового страха и социальной дестабилизации. При этом такие деяния не направлены непосредственно на подрыв политических основ государства. Напротив, терроризм, направленный против народной власти (статья 113 УК Вьетнама), посягает прежде всего на национальную безопасность, устойчивость народной власти и существующий политический строй, тогда как посягательства на жизнь, здоровье или имущество носят вспомогательный характер.

Определяющим критерием разграничения является цель совершения преступления. Для терроризма по статье 299 УК Вьетнама характерна цель запугивания населения и создания общественной паники без обязательной политической направленности. В свою очередь, терроризм, направленный против народной власти, предполагает наличие обязательной политической цели – противодействие государству, подрыв или свержение народной власти. Отсутствие доказательств такой цели исключает квалификацию деяния по статье 113 УК Вьетнама, независимо от степени примененного насилия.

Несмотря на сходство объективных форм проявления – применение насилия, угрозы, уничтожение имущества, захват заложников, различие заключается в направленности преступных действий. При «обычном» терроризме они ориентированы на запугивание общества в целом, тогда как при терроризме против народной власти имеют организованный характер и адресуются непосредственно государственным органам, должностным лицам или символам государственной власти. Различия в объекте и цели преступления обусловливают неодинаковую степень общественной опасности и, соответственно, различный уровень уголовно-правовых санкций. Терроризм, направленный против народной власти, относится к числу особо тяжких преступлений против национальной безопасности

и наказывается наиболее строго, вплоть до пожизненного лишения свободы или смертной казни. В то же время терроризм по статье 299 УК Вьетнама, оставаясь особо тяжким преступлением, предусматривает менее суровые меры ответственности, что отражает принцип дифференциации уголовного наказания.

Четкое разграничение указанных составов позволяет обеспечить единообразное и обоснованное применение уголовного закона, избежать как необоснованной политизации общеуголовных насильственных деяний, так и недостаточной уголовно-правовой оценки посягательств на национальную безопасность, тем самым способствуя реализации принципа социалистической законности.

4. Проблемы правоприменительной практики при рассмотрении преступлений терроризма по уголовному праву Вьетнама. Несмотря на то что УК Вьетнама 2015 года содержит достаточно детализированные и последовательные нормы, регулирующие ответственность за терроризм и терроризм, направленный против народной власти, на практике расследование, уголовное преследование и судебное рассмотрение данных преступлений по-прежнему сталкиваются с рядом существенных трудностей. Эти сложности обусловлены как особенностями самого феномена терроризма, так и необходимостью обеспечения баланса между защитой национальной безопасности и уважением прав человека.

- Трудности установления цели преступления. Одной из наиболее серьезных проблем в практике противодействия терроризму является установление цели преступления. Как отмечалось выше, цель создания паники среди населения является обязательным признаком состава терроризма, тогда как цель противодействия народной власти представляет собой ключевой квалифицирующий признак преступления, предусмотренного статьей 113 УК Вьетнама. Вместе с тем цель преступления относится к субъективной стороне и не поддается непосредственному наблюдению, а может быть установлена лишь опосредованно, на основе анализа поведения, высказываний виновного и совокупности объективных обстоятельств дела.

На практике многие тяжкие насильственные деяния одновременно обладают признаками запугивания общества и скрытыми политическими элементами, что существенно осложняет разграничение «обычного» терроризма и терроризма, направленного против народной власти. При отсутствии достаточных доказательств политической цели применение статьи 113 УК Вьетнама оказывается затруднительным, тогда как квалификация по статье 299 УК Вьетнама не всегда в полной мере отражает реальную степень общественной опасности совершенного деяния.

- Неопределенность границ между терроризмом и иными насильственными преступлениями. Еще одной проблемой является пересечение состава терроризма с такими общеуголовными насильственными преступлениями, как убийство, умышленное причинение вреда здоровью, уничтожение имущества или нарушение общественного порядка. Ошибки в квалификации могут повлечь за собой два негативных последствия: либо игнорирование террористического характера деяния, либо чрезмерную криминализацию насильственных действий, не обладающих признаками терроризма. В этой связи перед органами уголовного судопроизводства стоит задача комплексной оценки не только самого деяния и его последствий, но и социального контекста, в котором оно было совершено.
- Вызовы, обусловленные развитием науки и технологий. Бурное развитие науки и технологий, особенно сети Интернет и социальных медиа, привело к появлению новых форм террористической деятельности, таких как угрозы террористических актов в киберпространстве, онлайн-пропаганда терроризма, а также использование высоких технологий для организации и координации террористических действий на расстоянии. Подобные формы деятельности способны вызывать значительный общественный резонанс и массовую панику, однако их выявление и документирование представляет значительные сложности.

В то же время правовая база и технические возможности правоохранительных органов по расследованию преступлений с использованием высоких технологий находятся в стадии дальнейшего развития. Сбор, сохранение и оценка электронных доказательств по делам о терроризме предъявляют повышенные требования и требуют тесного межведомственного взаимодействия между органами уголовного судопроизводства и специализированными структурами.

- Требование обеспечения прав человека при противодействии терроризму. Терроризм относится к числу особо опасных преступлений, что обусловливает применение строгих процессуальных мер при его расследовании и рассмотрении. Однако в условиях действия Конституции Вьетнама 2013 года и международных договоров о правах человека, участником которых является Вьетнам, противодействие терроризму должно осуществляться с соблюдением основных прав и свобод личности.

В условиях международной интеграции и роста угроз нетрадиционного характера дальнейшее совершенствование уголовного законодательства о терроризме, а также повышение эффективности правоприменительной деятельности органов уголовного судопроизводства приобретают особую актуальность.

Список литературы:

1. Национальное собрание. Конституция Социалистической Республики Вьетнам. Изд-во «Национальная политическая правда», 2013.
2. Национальное собрание. Уголовно-процессуальный кодекс Вьетнама 2015 года.. Изд-во «Национальная политическая правда», Ханой, 2015.
3. Нгуен Хоа Бинь (отв. Ред.). Новеллы Уголовно-процессуального кодекса Вьетнама 2015 года. Изд-во «Национальная политическая правда», Ханой, 2018.

Научный журнал

UNIVERSUM:
ЭКОНОМИКА И ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

№ 1(135)
Январь 2026

Часть 1

Свидетельство о регистрации СМИ: ЭЛ № ФС 77 – 54432 от 17.06.2013

Издательство «МЦНО»
123098, г. Москва, улица Маршала Василевского, дом 5, корпус 1, к. 74
E-mail: mail@7universum.com
www.7universum.com

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного оригинал-макета в типографии «Allprint»
630004, г. Новосибирск, Вокзальная магистраль, 1

16+